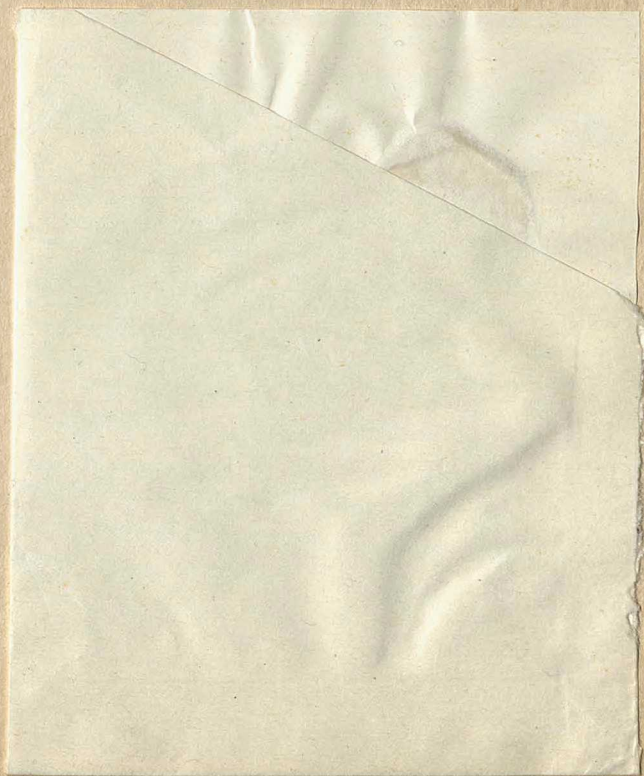

XX $\frac{164}{17}$

1927

№2 KH. IV

2015596016

Год изд. 2-й.

Кн. IV.

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Проф. Д. А. ЗОЛОТАРЕВА,
акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА, проф. Б. М. СОКОЛОВА и
проф. Л. Я. ШТЕРНБЕРГА

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург

Отв. секр. проф. Б. М. Соколов

1927

№ 2

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ
УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)

МОСКВА
1927
ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
(ГОСИЗДАТ)

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ.

Стр.

Лев Яковлевич Штернберг. (Некролог)	263
С. Ф. Ольденбург (Ленинград). Лев Яковлевич Штернберг. In memoriam	267
В. Богораз-Тан (Ленинград). Л. Я. Штернберг, как человек и ученый	269
В. Н. Харузина (Москва). Прimitивные формы драматического искусства. (<i>Продолжение</i>).	283
Борис Соколов (Москва). Былины старинной записи. (<i>Окончание</i>)	301
Е. Г. Кагаров (Ленинград). Об эстонской мифологии	315
М. Андреев (Ташкент). По поводу процесса образования примитивных средне-азиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисаля)	323

ОБЗОРЫ.

Л. Я. Штернберг. (Ленинград). Этнография на III Всетихоокеанском научном конгрессе в Токио в ноябре 1926 г.	327
Д. К. Зеленин (Ленинград). Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917—1925 гг. (<i>Окончание</i>)	337
С. П. Толстов (Москва). Русские крестьянские постройки. (<i>Окончание</i>)	359

ХРОНИКА.

В. Дмитриев. Этнографическая работа в Смоленской губ. за 1925/26 г.	367
Е. М. Работа в области этнографии за годы революции в г. Вятке	368
П. С. Богословский. Пермская этнография за 1917—1926 гг.	371
Борис Герасимов. Этнография в работах Семипалатинского отдела. Русск. геогр. общества	381

PERSONALIA	386—402
----------------------	---------

РЕЦЕНЗИИ.

С. Токарев. —Густав Шпет. Введение в этническую психологию. В. I. ГАХН. М. 1927 г.	403
Марк Азадовский. —Немецкий сборник русских сказок. Russische Volksmärchen. Übersetzt und eingeleitet von August von Löwis-of-Ménar. Jena. 1921.	406
Борис Соколов. —Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. С вводной статьей Л. Я. Штернберга. Л. 1926	409
М. Маркелов. —Н. Н. Полпе и Г. А. Старцев. Финно-угорские народы. Л. 1927 г. Д. А. Золотарев и Е. Э. Бломквист. Западные финны. Путеводитель Этн. отдела Г. Русс. Музея. Л. 1927	411
К этнографам СССР. Обращение проф. Е. Г. Кагарова	412

XX 164
17

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Проф. Д. А. ЗОЛОТАРЕВА, акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА,
проф. Б. М. СОКОЛОВА и проф. Л. Я. ШТЕРНБЕРГА

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург

Отв. секр. проф. Б. М. Соколов

1 9 2 7

№ 2

Главлит № А—976.

Гиз № 24435.

Тираж 800 экз.

Типогр. Госиздата „Красный пролетарий“. Москва, Пименовская ул., д. 16.

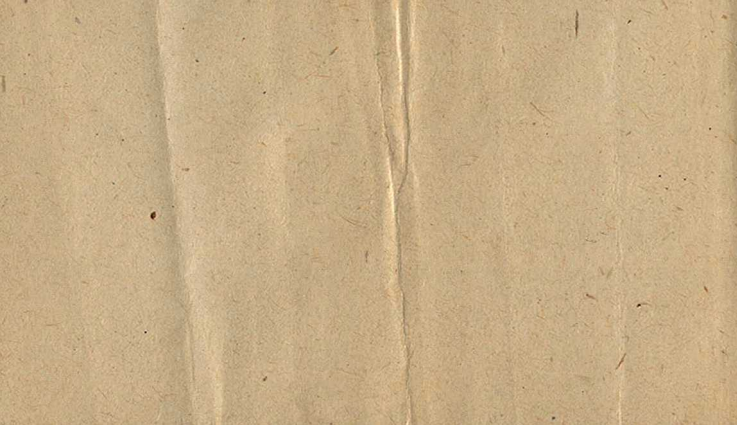
Заменено
13/II-39

стр. все

570

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Обще колич. вып.	В переплет- ной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстра- ций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	197 ^{г.}
10	1	1924 № 2 Кн. IV				24	$\frac{1}{48}$	

ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ ШТЕРНБЕРГ

(4 мая 1862 г.—14 августа 1927 г.)

Л. Я. Штернберг родился в г. Житомире, в ортодоксальной еврейской семье. Отец его отличался большой склонностью к общественности и своеобразными взглядами на жизнь и воспитание, а мать была по характеру ветхозаветная еврейка, с доброй кроткой душой, и не мало пролила слез, когда отец определил сына в гимназию, оторвав его от талмудических наук, в которых мальчик успел сделать большие успехи. По окончании житомирской гимназии, он в 1881 году поступил в Петербургский университет на факультет естественных наук, но через год, за участие в студенческих волнениях, был арестован и выслан на родину. Однако он вскоре поступил на юридический факультет Новороссийского университета в Одессе, где и прослушал полный 4-летний курс. За годы пребывания в университете он широко пополнил свое образование в области философии, истории, истории литературы, общественных и политических наук и в то же время принимал деятельное участие в революционном движении, в восстановлении Центрального комитета партии «Народной Воли». В 1884 г. выпустил широко известную тогда брошюру «Политический террор в России»; в 1885 г. принимал деятельное участие в так называемом екатеринославском съезде южной группы народовольцев и был соредактором последнего выпуска органа партии, именно №№ 11—12 «Народной Воли», где его перу принадлежит первая передовица и корреспонденция из Одессы.

Весной 1886 г., во время сдачи окончательных экзаменов при университете, был арестован, и после почти трехлетнего одиночного заключения в одесском центральном, выслан в 1889 г. на 10 лет на о. Сахалин. Здесь он был водворен сначала в п. Александровском, но за постоянное заступничество пред властями за товарищей-политических каторжан, был выслан на север, на береговой кордон, где ловили беглых каторжников — получилась ссылка в квадрате. Заброшенный, один, далеко от товарищей по несчастью, в одной избе с кордонной стражей, где для него был отгорожен отдельный угол, он, однако, не пал духом, и холодные суровые волны Татарского пролива вынесли его на гребень... И во вьюгу, метели и морозы, сквозь сугробы снега, во мраке долгой зимней ночи, он один, окру-

женный уголовными, проложил себе лазейку к жизни — он завязал самые тесные сношения с жившими пососедству в 1½ километрах от кордона, в с. Виахту, гиляками. И тут был заложен фундамент всей его последующей ученой и научно-общественной деятельности, отсюда была проложена широкая дорога к центру науки и просвещения и к любимой этнографии. В с. Виахту он изучил чрезвычайно трудный гиляцкий язык и стал производить этнофические наблюдения в области социального строя гиляков, их религии, их быта, причем открыл здесь своеобразную форму так называемой классификаторской системы родства, вполне соответствовавшую нормам брачно-половых отношений, открытым в Америке Морганом; это открытие было подлинным подтверждением выводов Моргана и привлекло к себе внимание западных ученых. Фридрих Энгельс посвятил ему особую статью в „*Neue Zeit*“ под названием «*Eine neue Entdeckung in der Geschichte der Ehe*» и даже вступил с Л. Я. одно время в переписку по этому вопросу.

Втечение дальнейших лет своей ссылки Л. Я. в несколько приемов объехал с этнографическими целями весь о. Сахалин, изучая не только гиляков, но и ороков и айну. В 1895 г., по изучении сахалинских гиляков, Л. Я. предпринял, с особого разрешения начальства, обследование гиляков низовьев Амура и материкового побережья Татарского пролива, а также тунгусских племен, орочей, ольчей и гольдов. Среди племен тунгусских он, между прочим, открыл, аналогичную гиляцкой, классификаторскую систему брачных норм. Повторно для дополнительных исследований, он много лет спустя — в 1910 г. совершил экспедицию туда же. На Сахалине он производил и археологические раскопки и в большом числе антропометрические измерения. Собранные им как археологические, так и этнографические коллекции послужили основанием для созданного им в Александровске музея, который впоследствии разросся в обширный музей по этнографии, археологии и всем отраслям естествознания, и существует и поныне. Описание своих путешествий и очерки основных своих выводов он частью изложил еще во время ссылки в ряде работ, напечатанных им в разных органах на Дальнем Востоке, а также в «Этнографическом Обозрении» за 1893 г. в ст. «Гиляки».

В конце 1897 г. — согласно манифесту 1894 г. срок ссылки был сокращен, — Л. Я. вернулся на родину, на 3 года под надзор полиции. По совету В. Г. Богораза, успевшего тогда уже вернуться в Петербург, Л. Я. отправил в Академию наук предварительный очерк о гиляцком языке под названием „Образцы материалов по гиляцкому языку и фольклору“, в котором изложил основы строя и фонетики гиляцкого языка, до того почти неизвестного. Эта работа, одобренная академиком К. Г. Залеманом, проф. Грубе, которому она была специально послана в Берлин на просмотр и проф. Бодуэн-де-Куртене, была доложена в Конференции Академии наук, которая постановила напечатать ее в своих „Известиях“. Вместе с тем, в виду научного значения гиляцкого языка, совершенно особо стоящего от

языков азиатского континента, по предложению академиков В. Радлова и К. Залемана, было постановлено вызвать Штернберга в Петербург, дабы предоставить ему возможность обработать для печати свои материалы.

С переездом в Петербург осенью 1899 г. для Л. Я. развернулось широкое и разностороннее поприще деятельности. В 1901 г. он был приглашен академиком Радловым на должность старшего этнографа музея антропологии и этнографии Академии наук и до конца дней своих оставался на этом посту. Под его руководством и при его деятельном участии академический музей превратился в большой музей общечеловеческой культуры, не уступающий лучшим заграничным музеям. Параллельно с этим он основал первую и единственную в СССР и даже на западе высшую этнографическую школу (1916 г.), сначала — Высшие географические курсы, потом Географический институт, и ныне Геофак Ленинградского Университета, где он неизменно стоял во главе в качестве декана этнографического факультета (ныне отделение Геофака) и читал целый ряд курсов по этнографии, привлекавших всегда большую аудиторию. Нужно сказать, что начало этой научно-педагогической деятельности было положено им еще гораздо раньше: уже в 1904 г. он начал читать курсы-беседы кружку педагогов, изучавших музей, а потом ежегодно вплоть до 1914 г. читал разные курсы по этнографии группам студентов, в особенности из сибиряков, также слушательницам Высших женских педагогических курсов и пр.

Наряду с этой организационной и научно-педагогической деятельностью, он вел ряд научных работ. Его специальностью является первобытная религия, социальный строй, первобытное искусство и общие проблемы этнологии. Были у него и работы в области археологии и антропологии и др. В следующем № нашего журнала мы надеемся дать обстоятельный очерк научной деятельности и перечень трудов Л. Я.

Огромную работу на протяжении своей деятельности в Ленинграде проделал Л. Я., как редактор разных научных изданий. Эту свою работу он начал вскоре же после своего приезда в Петербург с редактирования отдела этнографии в „Энциклопедии“ Брокгауза и Эфрона, начиная со своей статьи „Сравнительное изучение религии“, до конца издания. Далее он редактировал все издания музея антропологии и этнографии, все каталоги его, все „Сборники“ музея, равно как орган Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии, т. наз. „Известия русского комитета“, который в течение 16 лет, с 1902 г. по 1918 г., составлял неотъемлемую часть музея. Он же редактировал ряд научных переводов, как Мортилье „Доисторическая жизнь“, Соколовский „Человековедение“ и др.; был редактором журнала „Еврейская Старина“ — органа Еврейского истор.-этнограф. общества и, наконец, соредактором нашего журнала „Этнография“.

Л. Я. был также блестящим публицистом, большим обществен-

ным деятелем, вдохновителем и одним из основателей Еврейского музея (в Ленинграде), деятельным председателем Еврейского историко-этнографического общества, председателем Комиссии по составлению этнографической карты СССР при Географическом обществе, деятельным членом КИПСа, основателем, совместно с В. Богоразом, рабфака северных народностей и пр. и пр. К сожалению, многих сторон его деятельности, за недостатком времени и места, мы сейчас касаться не можем, да и некоторые области его работы выходят за рамки нашего журнала.

В заключение нужно сказать, что Л. Я. с его разносторонним, жгучим интересом к жизни и знанию, с его трогательной любовью к человеку, использовал широко и полно свою жизнь для блага страны, для науки, для окружающих, в особенности вторую ее половину, успев побывать во многих странах, и в Америке, и в Японии и в разных государствах Западной Европы, и встретиться со многими выдающимися и интересными людьми. Вообще он прожил такую красивую многогранную жизнь, какая редко кому выпадает на долю.

В личной жизни он был очень счастлив и всегда был окружен любовью близких и друзей; а в лице своей жены имел заботливую внимательную подругу и преданного товарища, с которым делил все радости и горести, все труды и заботы. В личной жизни Л. Я. был необычайно скромен и незыскателен, и единственный предмет роскоши, который он себе позволял, это были „хорошие“ папиросы — он был страстный курильщик. Тратился он только на книги и был очень счастлив, когда последние два года, благодаря увеличению профессорских и академических ставок, явилась возможность выписывать из заграницы много новинок по специальности. Единственное, что омрачало его жизнь за последние 15—17 лет, это был его жестокий недуг — язва двенадцатиперстной кишки. Приступы этой болезни, когда он корчился и ежился от боли и нередко целыми днями и ночами стонал и метался, страдая не только физически, но и морально из-за невозможности работать, эти приступы, вначале редкие, в последние годы его жизни были особенно часты и продолжительны, и можно только повторить вместе с врачами, присутствовавшими на вскрытии: „Как он только жил и работал?!“ Ибо картина, представшая пред врачами, была ужасна: глубокая язва кишки с прободением, сращение желудка с печенью, множество спаек и осумковавшийся в сальнике гной во время предшествовавшего („повидимому в Японии“) прободения кишки. И при всем том этот человек до последней минуты работал с необычайной энергией, в промежутки между болями был полон жизнерадостности и оптимизма! Даже лежа на смертном одре, он успел прочесть массу книг и заставлял жену делать этнографические выписки.

Можно сказать, что последние годы он жил только своим великим духом, и как много он мог бы еще творить! Жестокая, неумолимая смерть!

ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ ШТЕРНБЕРГ.

In memoriam.

С. Ф. Ольденбург (Ленинград).

С Львом Яковлевичем я встретился 27 лет тому назад, когда он приехал в Петербург и вступил в музей антропологии и этнографии, в котором я работал в девяностых годах вместе с В. В. Радловым и Д. А. Клеменцом. С первых же разговоров со Львом Яковлевичем я понял, что это человек, относящийся с исключительным интересом к вопросам этнологии и этнографии, которым он придавал особенное значение. В то время этнология и этнография совершенно не занимали того положения среди других наук, которое они заняли теперь, ими тогда занимались в значительной степени любители и просто собиратели материалов. Тем ценнее было встретить человека, который, имея большой ряд самостоятельных, глубоко проработанных им наблюдений, решил посвятить всю свою жизнь этнологии и этнографии и этнографическому музею, без которого всякая широкая этнографическая работа была бы немыслима. Научная жизнь Льва Яковлевича и пошла по этим двум линиям кабинетной личной работы и музейной, к ним присоединилась впоследствии третья—преподавательская. Академический музей антропологии и этнографии красноречиво говорит о том, что сделано Штернбергом по линии музейной, его работа в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, вместе с многочисленными монографиями, явилась исключительно крупным вкладом в русскую и иностранную этнографическую литературу. Его курсы по этнографии в высшей школе, которые выйдут в печати уже посмертными трудами и, в не меньшей степени, ряд его учеников, молодая этнографическая смена, показывают, что и в этой области Штернберг был мастером своего дела.

Ряд специальных статей, посвященных разным сторонам многогранной деятельности, выявляет нам фигуру этого крупного научного работника, но те, которые как я, долгими годами знали этого прекрасного человека, не могут не сказать, что такие люди, беззаветно преданные делу, с широким научным кругозором, громадным интересом и к делу и к людям, редки. Его поразительная отзывчивость, живой интерес ко всякой научной работе, постоянное искание новых путей

и более совершенных методов работы, были живым примером и для его сотоварищей по работе и для его учеников.

В истории этнографии вообще и в особенности русской имя Льва Яковлевича Штернберга сохранит свое большое, почетное место.

Л. Я. ШТЕРНБЕРГ, КАК ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ.

В. Богораз-Тан (Ленинград).

Л. Я. Штернберг, как многие другие его сверстники, в юности своей заплатил обильную дань революции. Он был членом партии „Народной Воли“ в те смутные скорбные годы, когда умирала „Народная Воля“ и сердце революции было заперто в каменной банке на Шлиссельбургском острове, и пульс ее жизни бился чуть слышно и давал перебои. И несколько юношей взяли на свои плечи историческую тяжесть и старались нести ее вперед. Одни надорвались и погибли, другие попали в далекую ссылку на окраину Сибири.

Штернберг просидел три года в тюрьме и попал на Сахалин. В тюрьме он изучил языки английский, итальянский, даже перевел с русского на итальянский лермонтовского „Демона“ — стихами. Перевод этот, к сожалению, пропал в недрах департамента полиции. Но в последующие годы Штернберг, бывало, читал наизусть отрывки своего перевода, например, „Не плачь, дитя...“

На Сахалине он провел восемь лет и здесь он сошелся с гиляками и стал заниматься этнографией. Он встретился с гиляками впервые на западном побережье, в заброшенном кордоне, куда он был выслан начальством из Александровского поста за его строптивый нрав. Стропивость его заключалась в том, что он постоянно вступался за товарищей своих каторжан, совершенно бесправных. Он был ссыльный административный и не был лишен так называемых прав состояния.

Штернберг хранил политический интерес до конца своей жизни и числился в рядах социалистов в 1905, 1912, 1917 годах. И также до конца он имел живое национальное чувство и остро отзывался на каждую обиду своего собственного народа, на насилия, погромы, нищету. Его этнографический интерес действительно касался еврейского народа и в долгие годы он был руководителем еврейского музея в Ленинграде и председателем еврейского историко-этнографического общества.

Эти два политические чувства, обще-русское и еврейское, сливаясь вместе, создавали порою прекрасные аккорды, заострявшие слово Штернберга до большой задушевности и силы.

В сборнике памяти Короленко, изданном в Петербурге в 1922 г. вскоре после смерти писателя, Штернбергом был рассказан следующий эпизод под общим заголовком „Встречи и впечатления“:

„Это было в тот год, когда по воле начальства, я вынужден был проживать в заброшенном семидворном поселке, на берегу пустынного моря. До ближайшего поселка было сорок верст ходу, до города, где была церковь, не менее сотни верст, да и то вдоль утесистого берега, где не то что на лошади, — пешему не во всякую пору пройти можно. На самом краю поселка была большая, казарменного типа изба, где жило начальство в лице безграмотного солдата-надзирателя и трех сторожей из каторжан, дабы надо мной бодрствовало око начальства... В этой избе отгородили для меня маленькую каморку. И вот в этом забытом богом и людьми уголке, оказывается, обитатели не забыли, что еще существует какой-то счет времени, что где-то празднуются божественные праздники...

„Была страстная суббота. Я лежал на кровати за своей перегородкой и тоскливо перечитывал — в который раз — Канта. Вдруг слышу целая гурьба вваливается в надзирательское отделение. Топот ног, потом тихо рассаживаются и о чем-то перешептываются... Далее началось легкое покашливание и вслед за тем робкий стук в мою дверь: „А, барин, уж не откажите, обществом пришли“...

„Не понимая, в чем дело, но обрадовавшись, что могу прервать наскучившее чтение, я вышел в надзирательскую и увидел неожиданное зрелище. Все население поселка, мужики и бабы, все в праздничном, чинно сидели на лавках и при моем входе медленно, как-то торжественно поднялись.

„— Так что, барин, — начал благообразный старик-поселенец, — потому сегодня такой, можно сказать, праздник, все христиане на всем свете сейчас по церквам, а мы, как звери, тут обретаемся... Уж явите божескую милость, не откажите, отслужите нам службу божественную.

„Я опешил. Даже не понял сразу, чего хотят.

„— Да ведь я еврей, — наконец нашелся я, — как же я могу православную службу отправлять?..

„— А чтож, что еврей — вдруг раздался из дальнего угла голос поселенца Воронцова, бывшего кабатчика, осужденного за какие-то темные дела, — вы все лучше всякого батюшки знаете.

„Все мои отговорки не подействовали...

„— Ну коли служить не желаете, почитайте нам что-нибудь божественное.

„Поколебался. Наконец вспомнил, что у меня еще с тюрьмы имеется евангелие, которое, кстати сказать, тогда почти знал наизусть, нерешительно достал его, с минуту стоял в раздумьи, что бы такое выбрать для чтения, наконец, решил. Стал у стола и, окруженный тесно сплотившейся вокруг меня кучкой людей, начал читать на память казавшиеся мне подходящими для момента места. Старался читать медленно и торжественно: „Просите и дано будет вам — начал я — ищите и найдете, стучите и отворят вам“... Трогательные стихи на горной проповеди и затем еще более трогательное: „Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас... Возьмите иго

мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим“...

„С первых строк, при первых звуках своего собственного голоса я почувствовал, что я захвачен царящим вокруг меня настроением, и не успел я еще кончить последних стихов, как стали раздаваться вокруг меня странные звуки, — сначала просто звуки надрыва, потом тихие всхлипывания, и, наконец, раздались отдельные рыдания... Я остановился, у меня самого что-то стало в горле, я боялся поднять глаза, и через минуту вокруг меня уже было всеобщее рыдание...“

Здесь все типично и для Штернберга и для всего поколения. И чтение евангелия евреем и романтический подход к нагорной проповеди и надрыв побежденного пленника.

Таким же напряжением пафоса отличается другая статья Л. Я. Штернберга — „Трагедия шестимиллионного народа“, написанная по поводу еврейских погромов, а потом выдержавшая несколько отдельных изданий и переведенная за границей на немецкий и английский языки.

„Вопль свободы и права стал общим, и несть ныне ни эллина, ни иудея, и многострадальная еврейская масса и интеллигенция, столь долго и страстно протягивающая свои братские руки всем народам России, ныне с бесграничной верой и энтузиазмом протягивает их на горе и радость, на жизнь и смерть. В этом союзе и только в нем все народы России обретут, наконец, свое право“...

Так кончается эта знаменитая статья, написанная 15 апреля 1905 года, за восемь дней до целого ряда еврейских погромов.

Но поприщем главной работы Л. Я. Штернберга, главнейшим делом его жизни стала наука. В своем поколении он был одним из счастливцев, сумевших переключить свой революционный пыл и перевести его из острых ущелий политики на более широкое и спокойное русло науки. И в конце его жизни наука дала ему мудрость и сделала его более спокойным и кротким. Он до конца не утратил веру в грядущее благо и счастье человечества, до последних своих дней он был социалистом.

Научная деятельность Штернберга многосложна и обширна, и ее можно обозреть только по частям, из периода в период. Главнейшей наукой, наукой из наук, была для него этнография.

Он был пионером новой русской этнографической школы, основанной всецело на работе полевой, упорной, стационарной, и вооруженной лингвистическим знанием. Изучение туземных языков производилось в России задолго по Штернберга, стоит лишь припомнить имя знаменитого Кастрена, и российская лингвистика к концу XIX века накопила в этой области большие сокровища знания; так же точно в течение трех поколений производилась живая работа по изучению туземцев, их быта и жизни и культуры. Но обе эти области, этнография и лингвистика, были разъединены и не помогали друг другу. Это разъединение иногда выражалось чрезвычайно рельефно. Известный академик Бетлингк, основоположник якутологии, соста-

вил свою якутскую грамматику на основе материалов, записанных им в Петербурге от случайного якутского чиновника, русского родом и переехавшего в Петербург доживать свои дни, и даже Кастрен, сделавший так много и для этнографии и для туземной лингвистики, еще не соединял их вместе. Свои разнообразные лингвистические записи он производил во время непрерывных разъездов, нередко в течение весьма немногих месяцев, отданных данному языку, и даже не основывал их на текстах, которые являются необходимым мостом от лингвистики к этнографии.

Что касается русских этнографов, то они вообще работали, а отчасти работают и ныне, без знания туземного языка и при помощи переводчика. Излишне говорить, что работа с переводчиком, при всей настойчивости исследователя, при постоянных поверках и повторениях, в лучшем случае дает лишь полужнание.

Штернберг начал свою работу с изучения гиляцкого языка.

Этим изучением он занимался шесть лет. Конечно, для него, как для этнографа, лингвистика была не целью, а орудием работы, но этим орудием он владел превосходно.

Он пишет по этому поводу: „Очень скоро мне пришлось убедиться, что без основательного знания языка и подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени, особенно ее психические стороны, останутся для меня сокрытыми“¹⁾.

Следует описание упорной борьбы с трудностями гиляцкой фонетики и морфологии, а также с отсутствием переводчиков и нервностью сказочников, которые говорят с такой головокружительной быстротой, что следовать за ними совершенно невозможно.

„Преодолев первоначальные трудности грамматического разбора текстов и усвоение основ фонетики, приобрев достаточный запас лексического материала, я столкнулся с дальнейшими трудностями записывания“.

И он описывает эти трудности шаг за шагом, как окружив себя несколькими молодыми гиляками, кое-как объяснявшимися порусски, он записывал сперва краткие тексты, добиваясь в то-же время анализа фраз, дословного перевода и осмысливания грамматических особенностей.

„На первых порах работа моя шла крайне трудно, — говорит Штернберг, — ибо мои учителя с трудом отдавали себе отчет в том, что фразы состоят из отдельных слов и с легким сердцем огорашивали меня длиннейшими периодами, которые я едва успевал записывать, в самом несовершенном виде. Но с каждым днем, с каждой разобранный фразой, дело становилось легче, ибо подвигался вперед не только я, но и мои учителя. Они не только приобретали больше познания в русском языке, но и научались анализировать свой собственный язык. Нередко мне приходилось с удивлением слышать, как еле объясняющийся порусски подросток пытается перевести мне со-

1) „Гиляки“ „Этнографическое обозрение“, №№ 60, 61, 63, М. 1905.

вершенно инкорпорировавшуюся форму суффикса — послеслога или плеонастический префикс, — соответствующими русскими предлогами и определениями, — процесс, требующий тонкого лингвистического чутья, которого можно было меньше всего ожидать от первобытного человека“.

Я выписал эту тираду, ибо она с удивительной точностью описывает метод лингвистической работы без всяких посредников среди первобытного бесписьменного народа.

По такому же точно методу, с постоянным терпением и настойчивостью мне приходилось работать среди чукочей, азиатских эскимосов и ламутов. Этот метод живо напоминает метод работы Кастрена, ибо Кастрен, по свидетельству Шифнера, тоже приучал самоедов составлять грамматические формы их собственного родного языка. Этот метод вытекает из самых условий работы, — другого метода, очевидно, применить невозможно.

Лингвистическая работа Штернберга была основана прежде всего на записывании текстов. Он собрал их так много, что успел опубликовать только том первый, и большая часть материала до сих пор остается неизданной. В другом месте я подверг более подробному разбору это несравненное лингвистическое и вместе этнографическое богатство. Здесь же укажу, что за шесть лет своей работы в ссылке, Штернберг успел не только глубоко изучить все стороны жизни и культуры сахалинских гилияков. Он сжился с ними, вошел в их психологию, для того, чтобы понимать их до конца, приучил себя чувствовать и думать, как думают они. Без этого слияния с изучаемым народом не бывает настоящего этнографа.

Весьма любопытные примеры такого внутреннего слияния с психикой гилияков, находятся в разных местах его превосходной монографии „Гилияки“.

Вот описание одного из моментов медвежьего праздника: „после этого снимают с медведя цепь, тщательно выправляют на нем шерсть и укладывают в величаво-спокойной позе с вытянутыми передними и задними лапами. На передней покоится голова, обращенная лицом на запад. В этой позе он напоминает человека, задумчиво улегшегося на земле, упершись локтями...“

«Это белое от толстого слоя жиру, мягкое, вытянувшееся тело, эти передние лапы с длинными ровными пальцами, до иллюзии напоминающие руки человеческие, среди мрака ночи должны неотразимо будить в дикаре представление, что пред ним не зверь убитый, а особой породы человек, который снял свою меховую шкуру и теперь величаво отдыхает“.

На психику исследователя очевидно повлияло столь широко распространенное в Сибири, среди туземцев и даже среди русских, представление о том, что медведь — это человек, одетый своей собственной шкурой, как естественной шубой.

Другой пример: „Надеюсь, что никто не заподозрит меня в страсти к шаманам и я могу спокойно засвидетельствовать, что в

моем присутствии экстаз шамана и таинственная обстановка, при которой метался и вопил иступленный избранник, приводили гиляков в такое состояние, что они галлюцинировали и видели все то, что видел в трансе сам шаман. Шаман ловко, смотря по обстоятельствам, прибегает то к одному, то к другому из своих кехн (духов). Так, если бес упорно засел внутри организма и не хочет уходить, шаман призывает армынд-кехн, который обращается в огненный шар и забирается в брюхо шамана, а оттуда во все самые отдаленные части его тела, так как шаман во время сеанса выпускает огонь изо рта, из носа, из любой части тела. Пропитавшись таким образом огнем, он прикасается губами к больному месту и впускает внутрь огонь, который окончательно прогоняет беса. Смысл этого приема лежит в том же примитивном принципе террора — в данном случае устрашение огнем, о котором я говорил вначале. Вообще кехн довольно таки хитрый народ. Так, когда кехну приходится забираться к хозяину моря за маленькой душой утопленника, которая лежит на постельке в юрте самого хозяина, он приводит с собою белого оленя. Конечно, морские люди, никогда не выдавшие такого диковинного зверя, выбегают из юрты, чтобы посмотреть на него. Этим-то моментом и пользуется кехн, чтобы похитить душонку утопленника¹⁾.

Штернберг как будто сам все это видит вместе с гиляками... А между тем Штернберг был исследователем тщательным и точным и старался рассматривать этнографию глазами естествоиспытателя.

В своей статье о Тэйлоре, помещенной в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Эфрона (т. 64), он подчеркивает следующее мнение Тэйлора: „История человечества есть часть истории природы; наши мысли, желания и действия соотнобразуются с законами столь же определенными, как и те, которые управляют движением волн, сочетанием кислот и оснований и ростом растений и животных“.

Тэйлора с Морганом Штернберг считал своими главнейшими учителями и относился к ним с особым пиететом, даже с особою нежностью. Когда в позднейшие годы некоторые части их теории, естественно устаревшие, вызвали критическое отношение следующего поколения этнографов, Штернберг оставался им верен до конца и с особым искусством и тонкостью подвергал критическому рассмотрению эту новую критику, тщательно отыскивая в ней уязвимые места.

Вышеуказанное мнение Тэйлора он принял не только к сведению, но и к практическому руководству. Так, основанную им учебную этнографическую школу, в специальном значении этого слова, он построил в недрах Географического института и тесно связал с науками географическими и естественными. В учебном плане Этнографического факультета он всегда проводил и усердно защищал расширенное преподавание физики с химией и ботаники с зоологией.

1) „Гиляки“, стр. 71.

С другой стороны он сохранил до конца свой дар проникновения в психику первобытных народов. И именно на этой особой одаренности построена одна из его последних работ, быть может, самая оригинальная по замыслу и глубокая по выполнению.

Я имею в виду „Избранничество в религии“, работу, одновременно написанную поанглийски и порусски. Английский вариант был зачитан в виде доклада на XXI Конгрессе Американистов в Гетеборге в Швеции в 1924 году. Русский вариант, переработанный и значительно расширенный, помещен в первом номере журнала „Этнография“ за 1927 год. Он должен, таким образом считаться последней печатной работой покойного Штернберга, и самое его появление в свет было для Штернберга уже посмертным.

Эта работа вызвала большой интерес в России и за границей, среди самых выдающихся, а также среди более рядовых этнографов. И я могу привести рядом мнение известного английского ученого профессора Зелигмана, который писал Штернбергу, что он давно не читал такой интересной работы и мнение В. К. Алымова, работающего в Мурманском крае над изучением лопарей:

„Я читаю сейчас „Избранничество в религии“ Штернберга и чувствую, какая огромная сила прекратила работу. Мне, не специалисту, думается, что его „Избранничество в религии“—одна из самых интересных и самых выдающихся работ российской этнографии за последние годы“.

Не входя в подробный разбор этого труда, укажу только, что нужен был особый дар психического анализа для того, чтобы связать воедино избранничество божественное и избранничество половое в шаманизме и в высших религиях и, таким образом, сочетать в одно исчерпывающее стройное целое шаманские „превращения пола“, индуистский шактизм, сексуальное общение людей и богов со сверхъестественными женскими „шакти“ и средневековые воззрения о сношениях ведьм и колдунов с инкубами и суккубами.

Если для Штернберга ранний народовольческий период был временем „бури и натиска“, то многолетняя работа среди гиляков, постоянные разъезды от селения к селению, были для него Wanderjahre—„годами обучения“. Когда они кончились, вместе с оконченной ссылкой, в жизни и работе Штернберга наступил новый период, более продолжительный и зрелый.

Лингвистические „Образцы“ и лингвистические „Материалы“ по языку гиляков были напечатаны Академией наук ¹⁾. Я вспоминаю с удовлетворением и с гордостью, что мне удалось быть первым звеном по сближению Штернберга с академиками В. В. Радловым и К. Г. Залеманом. Мы с Штернбергом были ближайшими товарищами по последнему периоду „Народной Воли“ и одновременно попали в ссылку, и я в своей собственной Колымской

1) Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора. Изв. Р. И. академии наук. 1900, ноябрь, т. XIII, № 4; Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб. 1910.

ссылке работал среди чукоч и ламутов и северных русских с тем же самым подходом и по тому же научному методу.

Третий из нашей триады, В. И. Иохельсон, был старше на восемь лет и принадлежал к первому поколению „Народной Воли“, к эпохе ее роста. Но эти „излишние“ годы он провел в эмиграции и был арестован уже по возвращении, почти одновременно с нами. В ссылку он попал все-таки годом раньше и был в Колымском округе зачинателем этнографической работы. Точно так же он вернулся раньше и в Россию и первый повел переговоры через академика В. В. Радлова с Францем Боазом, относительно нашего участия в большой экспедиции Джексона. К этому участию я был привлечен совершенно естественно, как работавший среди чукоч, и в связи с этим участием я мог проехать из Колымска, через Якутск и Иркутск, прямо в Петербург. Впрочем в Иркутске я задержался на несколько месяцев, систематизируя свои материалы и в то же время состоя фактическим редактором довольно известной в Сибири газеты „Восточное обозрение“. Все же в Петербург я приехал в 1898 году. Иохельсон в то время был уже за границей, а Штернберг поневоле задержался в Житомире, так как достать разрешение возвращенному ссыльному на въезд в Петербург было исключительно трудно. Мне содействовали в этом Радлов и Залеман, встретившие меня, как и раньше Иохельсона, с особенным участием. Радлов достал мне разрешение остаться в Петербурге, „временное“, правда. Но в тогдашней России все было временное и сама она была временная. В материальном заработке я уже в то время благодаря литературе не особенно нуждался. Залеман меня между прочим научил держать корректуры туземных текстов, написанных особым алфавитом. Мы тщательно вырабатывали с ним фонетику и начертание звуков и мои корректурные ошибки он исправлял и ласково и строго, как настоящий учитель. Без его наблюдений и помощи мои „Чукотские материалы“ вышли бы в свет, вероятно, в ужасном виде. Он же взял на себя наблюдение за окончанием этого издания, когда мне пришлось на двухсотой странице уехать в Америку, а оставалось еще 217 страниц.

В 1898 году, несколько устроив в Петербурге свое собственное местопребывание, я поспешил сообщить Радлову и Залеману, что кроме нас двоих, Иохельсона и меня, есть еще третий — Штернберг. Я написал тогда же Штернбергу в Житомир, убеждая его торопиться и прислать образцы гиляцких материалов, составленные по тому же академическому плану, для того, чтобы представить их поскорее, еще до отъезда в Америку, на суждение двух академиков. Таким образом состоялось знакомство академиков с трудами Штернберга, в результате чего и Штернберг был вызван в Петербург. Залеман сделал для Штернберга и его гиляков то же, что для Иохельсоновских юкагиров и для моих чукоч. Он занялся гиляцкими текстами с отличавшим его прилежанием и точностью. Я помню, с каким волнением он даже жало-

вался на гиляцкий язык и его неустойчивые как бы порхающие формы. Гиляцкий и чукотский языки совершенно различны по строю, хотя оба принадлежат к одному и тому же палеоазиатскому кругу и оба проявляют американоидность. Но чукотский язык чеканный и стройный, с правильными формами, пожалуй, не хуже санскрита. А гиляцкий какой-то неустойчивый, со множеством частиц, с изменчивыми формами даже основных падежей и спряжений. В этом отношении гиляцкий язык отчасти приближается к кетскому (енисейско-остяцкому), тоже из палеоазиатского круга, который составляет уже в течение столетия загадку и мучение лингвистов.

Таким образом и Штернберг попал в Петербург, сначала на время, а потом и на постоянное жительство. При естественном разделении ролей и жизненных жребиев, вышло так, что мы с Иохельсоном попали в Америку, и наши основные труды были впоследствии напечатаны поанглийски и для русского учащегося круга донныне остаются неизвестными. Штернберг остался в Петербурге и работал в России и он имел перед нами то преимущество, что работы его были напечатаны порусски.

Его счастливая звезда привела его в Петербурге к дверям музея антропологии и этнографии Российской академии наук и сблизила его с академиком В. В. Радловым.

Радлов сумел оценить способности и знания Штернберга и через малое время Штернберг стал ученым хранителем, — в подлинном смысле слова хранителем музейских сокровищ и создателем дальнейшего развития музея.

С Музеем АЭ я пришел в соприкосновение в три различные периода моей собственной жизни. В первый раз это было в 1898 году, еще раньше Штернберга. Я работал в музее, регистрируя чукотские коллекции Н. Л. Гондатти и составляя в то же время описание этих коллекций, впоследствии опубликованное музеем.

В то время этот старый Музей академии наук, часть своих коллекций получивший еще от Петровской кунсткамеры и включивший в себя также сборы академика Шренка и Кастрена и иных, был все-таки в полуэмбриональном состоянии. Коллекции хранились под-спудом в больших деревянных ларях и порядка в регистрации не было. Персонал, аппарат и научный бюджет, все это было до крайности сужено.

Штернберг вступил на службу в Музей в эту подготовительную эпоху его существования, заместив Д. А. Клеменца, который ушел в ново-основанный Русский музей организовывать этнографическое отделение. Штернберг вместе с Радловым стали в свою очередь продолжать организацию Музея академии наук. И хотя средства Музея были более чем скромны, их соединенные усилия совершили огромную работу, и когда я вернулся в Петербург в 1904 г., я застал Музей уже в новой стадии. Коллекции Музея были выставлены и открыты для публики.

Все-таки эта эпоха музейского роста с 1900 и по самый 1905 г. была для Музея скорее эпохой накопления. То не было „первоначальное накопление“, так как начало накопления музейских сокровищ совпадает с началом XVIII века. Но это и не было также настоящим музейским бытием.

Радлов и Штернберг в полтора десятилетия собрали для Музея большую половину наличных коллекций и сборов. Особенно в последние годы, перед самой войной, их работа по организации научных экспедиций, можно сказать во все области и материке земного шара, развернулась с большой широтой. Мировая война застигла экспедиции Музея в таких отдаленных друг от друга местах, как южная Америка, Индия и восточная Азия. И все эти коллекции и сборы и самые ученые могли возвратиться уже не в Петербург, а в Ленинград, благодаря неусыпным стараниям и хлопотам того же Л. Я. Штернберга.

В третий период моей жизни, начиная с 1918 года, я работал рядом со Штернбергом в Музее АЭ, и посильно помогал ему хранить музейские коллекции прежде всего от замерзания, а также от поедания молью. Но выставка коллекций была в то время в том же несовершенном виде. Каждая зала и каждый шкаф громко вопияли о недостатке места. Музей задыхался от коллекций и вещи в шкафах были развешены в семь рядов. Даже на стеклах дверей были развешены особые добавочные выставки. Многие шкафы были просто набиты вещами почти до половины. И только повыше начиналась так называемая выставка.

В музее сохранились фотографии этих замечательных музейских выставлений по методу сверх-тесноты.

Штернберг, потерявший в разгаре разрухи престарелого Радлова, был все же счастливее своего старшего друга и учителя. Ему выпало на долю завидное счастье видеть возрождение этого главного дела его жизни и самому участвовать и руководить грандиозной работой перестройки и расширения Музея, связанной с двухсотлетним юбилеем Академии наук в 1925 году.

Он, растерявший в случайностях войны мировой и гражданской все старшее поколение своих учеников, мог воспитать и ввести в Музей второе поколение своих учеников, более молодое и более многочисленное и даже устроить для них ряд новых экспедиций в восточную Сибирь, вплоть до Амурского бассейна и острова Сахалина, где началась более тридцати лет назад его собственная этнографическая работа.

Ныне возобновляется также организация обмена коллекций с заграничными музеями, которая перед войной в 1913—1914 годах уже приобрела широкие размеры. Мировая война разорвала и нарушила этот плодотворный обмен и за иностранными музеями остались долги. В 1924 г., во время нашей совместной поездки в Германию, в Швецию и Францию, Штернберг успел получить в покрытие долгов две новые обширные коллекции, одну в Дании, а другую в Швеции.

В Стокгольме, совершенно больной, он многие часы проводил ежедневно, собственноручно выбирая наилучшие предметы из широко предоставленных ему археологических и этнографических сборов Стокгольмского музея.

Только последнюю коллекцию, застрявшую в Мексике, Штернберг так и не успел получить, несмотря на все старания и письма.

Ныне, по всей вероятности, мы стоим перед новым расширением работы Музея и перед планомерным возобновлением экспедиций в иностранные области в переднюю и среднюю Азию, а далее — в Африку и в южную Америку, — разумеется, если не вспыхнет новый период войны.

Штернберг, завязавший в свое время все международные связи Музея АЭ и оставивший их преемникам своим как готовое наследство, все-таки не дожил до этой последней фазы возобновления работы на 100% довоенных и более того.

Но каждый Моисей умирает у входа в страну обетованную.

Помимо музейской работы, научная деятельность Штернберга была широка и разнообразна. Он начал ее, как указано, гиляцкими „Материалами“ и монографией „Гиляки“ и закончил ее через тридцать лет такой же монографией „Проблема Айнов“, основанной тоже на его полевых изысканиях и пополненной живыми наблюдениями, произведенными в северной Японии в 1926 г., после тихоокеанского конгресса. Эта работа осталась в совершенно законченном виде, и можно надеяться, что она будет издана Академией наук СССР, как первый выпуск посмертного издания ученых трудов Штернберга.

Особое место среди его полевых изысканий занимает классификаторская система родства, открытая им у гиляков и других амурских народностей. В этой области работа Штернберга существенно дополняет известную работу и теорию Морганов о происхождении системы родства и форм брака у туземных народов Америки. Штернберг изложил свое открытие в различных статьях и докладах, написанных им поанглийски и порусски.

„Классификаторская система родства, — пишет по этому поводу Штернберг, — в противоположность системе описательной, представляет термин, введенный в 1871 году Льюисом Морганом. В описательной системе очень немного основных терминов родства: отец, мать, брат, сестра, сын, дочь, дед, внук, жена, муж и т. п.; для других степеней родства нет особых терминов и последние получают либо путем аугментации основных терминов (напр. прадед, правнук) или же описательно (напр. сын брата отца моей матери и т. д.).

В классификаторской системе все термины исключительно классовые. Каждый термин родства схватывает целую категорию (класс) лиц прямой и боковой линии, не указывая точно степень родства каждого отдельного лица, а лишь класс, к которому лицо принадлежит. Даже термины отец, мать при классификаторской системе термины класса...

Эту систему установил Морган у полинезийцев, у дравидических народов Индии, у северо-американских индейцев. Позже она найдена у многих других народов. В Сибири открыта у гиляков и тунгусов Л. Штернбергом¹⁾.

Эта часть работы Штернберга привлекла в свое время большое внимание европейских этнографов и социологов.

Большими достоинствами обладает серия статей по различным вопросам этнографии, этногеографии и антропологии, помещенных последовательно в трех русских энциклопедиях. Эти прекрасные статьи, стоящие на уровне новейших научных достижений и снабженные обильной библиографией на разных европейских языках, сами по себе могли бы составить славу для каждого ученого. Они составляют для студентов-этнографов источник обучения, глубокий и полный и ясный.

Далее следует ряд монографий,—кроме упомянутых выше, еще: „Античный культ близнецов при свете этнографии“ и „Культ орла“ и множество более мелких и крупных статей по разным вопросам этнографии, докладов, рецензий и прочее.

Я откладываю до другого раза более подробный отчет об этом значительном и важном научном наследстве. Особо нужно поставить три университетские курса Штернберга: 1) Введение в этнографию, 2) Эволюция религиозных верований и 3) Эволюция социальных отношений. Штернберг читал эти курсы в течение десятилетия, сперва на Этнографическом факультете географического института, а потом на Этнографическом отделении Геофака ЛГУ. Курсы эти были основаны, кроме собственных исследований Штернберга, еще на его исчерпывающем знании всей мировой литературы, относящейся к каждому вопросу, ибо начитанность Штернберга была совершенно исключительна, и в посмертном наследстве его видное место занимает сокровище ссылок и цитат, разобранных по разным отделам.

Свои университетские курсы Штернберг постоянно пополнял и совершенствовал, но в последние годы сам он и студенты почувствовали необходимость зафиксировать и увековечить это изложение этнографической науки. В 1925—1926 годах курсы Штернберга были записаны стенографами.

Они составляют в общей совокупности до 60 печатных листов, и в настоящее время приводятся в порядок Саррой Аркадьевой Штернберг при содействии ассистентов Штернберга, И. Н. Винникова и П. А. Хохолко. Даже за границей вероятно найдется немного этнографических курсов, подобных работе Штернберга.

Эти учебные курсы Штернберга находятся в связи с той этнографической школой, в тесном значении слова, которую он основал, как указано выше. В этой работе я был в течении последних лет соратником Штернберга. Я говорю „соратником“, ибо не раз

1) „Русская энциклопедия“ т. X стр. 137—138.

приходилось исполнять эту работу в ратном строе и проводить ее сквозь узкие ущелья, сквозь всякие Спиллы и Харибды. Приходилось доказывать право Союза ССР на устройство такой школы и наше собственное право на то, чтобы участвовать в ее построении. Л. Я. Штернберг возглавлял эту школу, рассадник этнографического образования, как возглавлял он и в более широком смысле всю новую школу российской этнографии.

Я считаю эту педагогическую часть наследства, оставленного Штернбергом, наиболее важной. Он сам был того же мнения, ибо он посвящал ей наибольшую часть своего досуга и внимания.

Второе поколение этнографов, воспитанное Штернбергом, многочисленное первого. Оно исчисляется многими десятками, быть может, даже сотнями начинающих этнографов, разбросанных в разных местах обширного Союза ССР, от старого славянского Коростеня до чукотского поселка Уэлен на мысе Дежнева. Все это музейские работники, учителя туземной школы, кооператоры, работники Северного комитета. Другая часть осталась в Ленинграде для обслуживания школы в виде ассистентов, лаборантов, практикантов, аспирантов и иных. Все перечисленные звания указывают на молодость учеников Штернберга, наших общих учеников. Но молодость — это совсем небольшой недостаток. Она, к сожалению, проходит слишком быстро. Помимо того эпоха, в которую мы живем — тоже молодая эпоха. Октябрьской революции всего десять лет от роду. Она успела сделать много и потрясти весь мир не только в десять лет, а прямо в десять дней.

Штернберг успел передать своим ученикам искру того неугасимого огня, того энтузиазма научного и общественного, который согревал его собственную душу от юности до старости. Он старался сделать своих учеников не только пионерами науки, но также миссионерами культуры, человечности и братства, и в этой готовности работать для блага туземных народов лежит наилучший залог для грядущего роста и преуспевания этнографической школы Штернберга.

Мне остается сказать несколько слов о последнем заключительном акте жизненной драмы, — о болезни и смерти Штернберга. Штернберг никогда не берег своего здоровья, а в последние годы оно не отличалось крепостью. Сказалось тюремное сидение, невольничий корабль от Одессы до самого Сахалина, сахалинская сырость и голод, петербургское недоедание, бессонная ночная работа. Штернберг страдал постоянными припадками желудочных болей и судорог. В 1924 году, во время нашего совместного пребывания в Париже эти припадки приняли такой бурный характер, что врачи заговорили об операции. Впрочем, специалисты разошлись в диагнозе. Одни и тогда говорили об язве двенадцатиперстной кишки, другие только об опущении желудка. Штернберг был подвергнут два раза освещению лучами Рентгена, но это освещение не дало необходимой ясности. Врачи заговорили о необходимости операции. Но организм Штернберга казался слишком истощенным.

Как бы то ни было, операция не была сделана, боли утихли, и Штернберг уехал на родину и прожил после того еще три года.

В 1926 году, уже совершенно больной, он совершил трудную поездку в Токио через всю ширину континента Евразии для того, чтобы участвовать в Тихоокеанском Конгрессе.

Я в то время был в Риме на Конгрессе Американистов и в одной из речей своих я мог сказать, что мы, этнографы Союза ССР охватили одним размахом весь круг земного шара. Но для Штернберга этот последний размах оказался роковым. Тридцать дней железнодорожного странствия, бурное море, конгресс и поездка к айнам — все это давало одновременно духовное удовлетворение и физическую муку. Не имея возможности соблюдать по дороге необходимую диету, Штернберг вернулся в Ленинград совершенно истощенным. Его унесло последнее обострение старого недуга.

Он бредил в последние часы и перед смертью пришел в себя. Говорить он не мог, и пальцем написал в воздухе: „я умираю“.

Он умер 64 лет (1863—1927) и прожил жизнь разнообразную и полную, но все-таки он умер слишком рано.

Если бы он прожил еще два или три года, он имел бы удовлетворение увидеть свою этнографическую школу совершенно окрепшей, и ряды своих учеников, ставшим на собственные ноги.

ПРИМИТИВНЫЕ ФОРМЫ ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА.

В. Н. Харузина (Москва).

(Продолжение) ¹).

Игры. Драматическое искусство в примитивных его проявлениях можно отметить и в играх и забавах как взрослых, так и детей. И тут усматривается, что слова и действия не обязательно соединены между собой для произведения определенного впечатления, воспроизводящего жизненную правду. И тут можно встретить реалистическое изображение, с одной стороны, с другой—удовлетворенность намеком, единичной чертой в картине. И здесь драматическое представление, разыгрывание определенной роли имеет иногда характер забавы, увеселения, иногда преследует серьезные цели.

Стоу пишет, что у бушменов в прежнее время было много игр, которыми они забавлялись наряду с плясками. Среди них выделялось так наз. надро или переряживание. Бушмены любят переряживаться животными и делают это не только на охоте и на войне, но также и для забавы. Надро происходит всегда вечером (некоторые игры у бушменов исполняются только днем, другие — только по вечерам) (97). Старые женщины переряживаются: они прикрепляют к голове головы и рога диких зверей, облачаются в шкуры и внезапно появляются среди группы своих. Они держат в руках небольшую палку, которой они производят шум. Появление их сначала пугает сидящих, напр., вокруг огня, а потом все начинают смеяться. Эта-то забава изображена бывает в их пещерной стенописи. В этих стенных изображениях видели, ошибочно по мнению Стоу, мифические существа ²).

У болоков (з. Африка) записана следующая игра, в которую играют девочки. Девочки становятся в круг, посредине которого остается одна из играющих. Она становится на четвереньки. Девочки поют про разных животных, слона, бегемота, крокодила и др. Находящаяся в круге девочка старается представить соответствующее животное (157) ³).

И у других народов мы встречаем драматическое изображение животных в виде игры или забавы.

¹) См. „Этнография“, 1927 г., № 1.

²) Stow, н. с. р. 972—98.

³) Weeks, Among Congo Cannibals. L. 1913, стр. р. 157.

Характерна для скотоводческого народа следующая игра киргизов. „Собираются вместе много детей, выбирают из своей среды двух мальчиков: самого большого и самого маленького. Мальчик побольше считается кобылой, а поменьше — жеребенком. Оставив этих двух, все остальные играющие удаляются в сторону и садятся. Посидев немного, они посылают одного из играющих посмотреть, не принесла ли кобыла жеребенка. Он возвращается и говорит, что жеребенка пока нет, но потуги начались уже, затем посылают другого тоже посмотреть на кобылу, но в это время кобыла оказывается уже с жеребенком, не подпускает посланного близко и прогоняет его. Посланный, возвратясь обратно, еще издали сообщает оставшимся, что у кобылы есть уже жеребенок, но она в таком состоянии, что не подпускает к себе никого. Дети, обрадовавшись, пускаются бегом посмотреть на жеребенка, но карая кобыла фыркает, не подпуская близко детей к жеребенку. Дети все-таки стараются подойти, и начинают уговаривать кобылу ласковыми словами: „Моя кобылочка смирененькая, моя кобылочка смирененькая“. В это время жеребенок с ржаньем перебегает от матери к детям и от детей к матери. Мать, опасаясь за свое детище, пускается гонять мальчиков. Этим игра и кончается“ (70)¹).

У русских лопарей записана игра в олени. „Играющие делятся на две партии: по одну сторону становятся мужчины, по другую — девушки; каждый из играющих берет в руки по оленьему рогу и прикладывает его к уху, наподобие настоящего рога. Девушки берутся друг с другом за руки попарно, тоже делают и парни: девушки изображают важенок (оленей-самок), парни — ирвасов (оленей-самцов); затем девушки становятся по одну сторону, парни — по другую. Два или три парня, изображающие охотников, уходят в сторону. Затем парни подбегают к девушкам, захватывают их за сарафаны и рогами и руками; девушки отбиваются, но парни их не выпускают; затем парни стараются повалить девушек на землю и садятся на них верхом, погоняя их. Девушки стараются спихнуть парней и, если им это удастся, убегают; парни гонятся за ними. Когда эта игра в полном разгаре, выходят парни, изображающие собой охотников; они вооружены либо самострелами, либо луками и стрелами, то и другое специально изготавливается для этой игры и являются копией с древних оружий лопаря, какими их описывает Шеффер, с той разницею, что стрелы не имеют наконечников, и луки гораздо меньше. Они стреляют в бегущих оленей, и тот, в кого попадет стрела, падает, притворяясь мертвым; охотники подходят к нему, делают вид, что осматривают добычу, затем принимаются свежевать оленя, делая вид, что снимают с него шкуру: охотники снимают либо каньги, либо косынку. Убитые должны лежать не двигаясь; остальные продолжают играть — причем ирвасы гонятся за важенками попрежнему, и это до тех пор, пока все олени не будут убиты. Затем игра начинается снова“ (340).

¹) Мелкова, Игры киргиз. Тр. Оренб. Об. Из. Кирг. Края. в. I. Оренб. 1921, назв. соч., стр. 70.

К этому описанию игры Н. Н. Харузин делает следующие замечания. „Древность этой игры очевидна: она доказывается не только самим содержанием игры, но еще и тем, что при ней употребляются древние оружия лопаря, давно уже вышедшие из употребления. Интересно и то, что в то время как в Нотозерском погосте в этой игре принимают участие лишь дети и подростки, в Сонгельском (340) погосте в ней участвуют всегда взрослые. Повидимому, этой игре, как и многим играм, предстоит обратиться из игры взрослых в игры детей и, наконец, забыться совершенно. Игру эту устраивают только зимой“ (341)¹⁾.

В этой игре русских лопарей нельзя видеть одну забаву. Она имеет характер магического обряда, в котором проявляется принцип симпатической магии: подобное вызывает подобное. Обрядовый характер игры подтверждается и тем, что в нее играют в определенное время года, и что исполнителями в ней являются, или являлись, по крайней мере, в прежнее время, взрослые. С внешней стороны это примитивное драматическое представление интересно тем, что в нем фигурируют бутафорские предметы, из которых некоторые (оружие) указывают на древность игры. Кроме того, тут применяются условные действия, так что символизм заменяет реализм в изображении.

Драматический элемент преобладает в так наз. подражательных играх. Во многих местностях земного шара записаны игры детей, сводящиеся к подражанию деятельности взрослых. Мы приведем только два примера, взятые нами нарочно из двух областей и у двух народов, не имеющих между собою ничего общего, а именно: подражательные игры у скотоводческого народа в. Африки масаи и у русских крестьянских детей Сарапульского у. Вятской губ.

Мальчики и девочки у масаи играют в „мужа и жену“. Они строят себе небольшую, приблизительно в фут вышиной, хижинку и в дверях ее кладут камешки — это их „дети“. Плоды соланум изображают их „рогатый скот“, камешки — их „коз“ и „овец“. Мальчик гоняет скот на пастбище, а девочка занимается стряпней. Потом мальчик возвращается домой, и они садятся за трапезу. Тут между ними начинается обсуждение, что пастбище объедено скотом и пора перекочевывать. Нагружают домашним скарбом „ослов“ — это те же плоды соланум, — но „ослам“ не под силу нести такую тяжесть. Поэтому изготовляют салазки — притаскивают высохший круг коровьего помета, продевают за край его веревочку, накладывают на него все „имущество“ и тащат его по земле. Круг скоро распадается — и игре конец (55)²⁾.

В Сарап. у. „Собираются несколько мальчиков и девочек на удобное для игры место и здесь начинают прежде всего строить дом. Дома делают или в виде шалашей... или же чаще просто из рядов вбитых в землю колышков, которыми они отгораживают себе воображаемые

1) Харузин Н. Русские лопари М. 1899. Стр. 340, 341.

2) Merker, Die Masai. В. 1906. S. 55.

жилища. Но зато чего, чего-то только не нагородят они себе из этих колышков. Тут и стряпушая изба, и горница, куда принимают гостей, и сени, и хлевы и сараи — все есть. Устроив таким образом жилище, дети начинают игры. Мальчики отправляются на работы, девочки остаются дома. Вот двое мальчиков берут соху (игрушечную) и везут ее куда-нибудь на такое место, где земля помягче или где песок — и начинается игра. Один впрягается в соху, другой берется за рога — и пахут выбранное место. Двое других привозят туда же борону (игрушечную) и начинают оборанивать вспаханное товарищами пространство. Там двое впряглись в тележку (игрушечную), третий сел на нее — и поехали. Приезжают они на луг и начинают сено косить. Нарвали руками травы, наложили ее рядами и поехали домой. Минуту спустя из дома выходят девочки: они идут тоже на луг — переворачивать сено и метать его в стога (3) и т. д.¹⁾

Но примитивные проявления драматического искусства можно отметить не в одних только подражательных играх. Две нижеприводимые детские игры русских крестьянских детей тем интересны, что требуют исполнение роли, и что в этих маленьких драматических представлениях употребляются бутафорские предметы (подожек, щепки — „кружки“ на кринках). Во второй из описанных игр интересно то, что часть исполнителей изображают неодушевленные предметы — аналогию чему можно встретить в драматических представлениях малокультурных народов.

В Лаишевском у. Казанск. губ. у детей существует, между прочим, игра „в бабушку Пыхтеиху“. „Сгорбленная бабушка Пыхтеиха с подожком в руках куда то бредет по улице. Ребята обступают ее и спрашивают: „Бабушка Пыхтеиха, куда пошла?“ — К обеденке. — „Возьми нас с собой“. — Идите, да не свистите. — Ребята некоторое время идут позади бабушки смирно, но затем поднимают свист, крик. Пыхтеиха сердится и бросается ловить шалунов: поймавши, тузит подогом“ (218)²⁾.

В Сарапульском у. Вятской г. записана детская игра в „кринки“. Она заключается в следующем. „Играющие садятся все, кроме двоих, по прямой линии на расстоянии одного — пол-аршина один от другого. На головы сидящих кладут по щепочке, подражая тому, как закрывают кринки. Эти все сидящие представляют кринки. Из остальных двоих играющих — один принимает на себя роль хозяйки, другой — кота этой хозяйки. Хозяйка уходит куда-нибудь поодаль, как будто уходит домой. Кот, пользуясь уходом хозяйки, бросается на кринки, сбивает с них крышки и опрокидывает их на землю. Хозяйка, увидя проказы кота, схватывает палку, бежит к кринкам и начинает ловить кота. Кот, увидя хозяйку, обращается в бегство. Если

1) Тихонов, Описание детских игрушек и игр в селе Мазунине Сарап. у. Вятск. г. Сборн. свед. для изучения крестьянск. населения России п. р. Н. Харузина. В. I. М. 1889, стр. 3. Приложения.

2) Нечаев И., Игры и песенки деревенских ребят Лаишевск. у. Казанск. г. Ж. Ст. 1890. 4, стр. 218.

хозяйке удастся поймать кота, она бьет его по ногам палкой, как бы ломая ему ноги. Затем она ставит кринки, покрывает их, и игра идет в том же порядке“ (221)¹).

На драматическом элементе построена следующая игра, записанная в Сарапульском у. Вятской г. „Отделяются двое от играющих, остальные все садятся на землю в ряд, один подле другого. Сидящие представляют из себя овец. Один из оставшихся играет пастуха этих овец, другой — чорта, вора овец. Пастух ходит перед овцами и приговаривает: „пасу, пасу овечек, пасу день и вечер, а как ночь придет, чорт придет и украдет овечек“. Чорт в это время стоит где-нибудь в стороне. Когда пастух кончит причитать, чорт подходит к нему и говорит: (22) „пастух, ступай домой, тебе мать обнову купила“. Пастух верит чорту и идет домой. Придя домой, он спрашивает у матери, что она ему купила. Мать сердится на пастуха и начинает бранить его, говоря при этом: „что я могла купить тебе?“ В то время, пока пастух ходит к матери, чорт уносит у него одну или две овечки. Пастух возвращается от матери, подходит к овцам, начинает считать их — оказывается недочет, но матери он боится сказать об этом — бранить будет. Снова начинает он пасти овец, ходя перед ними взад и вперед и говоря то же причитание, что и прежде. Снова является чорт, и так же, как и прежде, уговаривает пастуха итти домой... Чорт снова ворует у него одну-две овцы. Так ведется вся игра, и чорт в конце концов перетаскивает у пастуха всех овец. Тогда пастух идет к матери и объявляет ей о пропаже овец. Мать вместе с пастухом идет отыскивать пропажу. Подходя куда-нибудь к стене, они стучат в стену и ведут сами с собой разговор за себя и за воображаемых хозяев: „нет ли пришлых овец?“ „Нет“. Так они делают в нескольких местах и, наконец, доходят до того места, где сидит чорт со своими краденными овцами. И чорту они предлагают тот же вопрос. Чорт отвечает отрицательно. Овцы в это время начинают блеять. „Зачем же ты обманываешь?“ — кричат чорту ищущие. Чорт отвечает: „я не знаю, откуда они попали“. Тогда мать с пастухом делают ворота: они становятся один против другого и, соединив руки, поднимают их кверху. Овцы проходят в эти ворота, и чорт убегает“ (23)²).

В этом примитивном драматическом представлении выдается одна черта: исполнители действуют и говорят и за себя и за воображаемых лиц.

Драматическое действие имеется и в следующей игре киргизов. „Играют зимним вечером в жилом помещении. Несколько человек молодежи, от 16 до 18 лет, выбирают из своей среды хана... двух озирей, писаря, двух солдат и сажают впереди всех. Один принимает

¹) Тихонов, Описание детских игрушек и игр в селе Мазунине Сарапульского у. Вятск. г. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России п. р. Н. Харузина, в. 1. М. 1889, стр. 22.

²) То же, стр. 22—23.

на себя роль старика, а другой—старушки. Старик со старухой ссорятся из-за какого-либо пустяка и, не будучи в состоянии покончить между собой миром, старик одевается и идет к хану жаловаться на старуху. Хан, выслушав его, посылает двух солдат за старухой. Она одевается очень тепло, т. е. надевает несколько одежд, набивает еще за спину шерсти и на голову надевает „жаурук“ (несколько аршин белого миткаля или коленкора, которым киргизки обматывают себе голову). В жаулуке она скрытно помещает чашу с водой и в таком виде является к хану для ответа. Хан, приговорив к суровому наказанию, направляет ее к двум озирам, которые должны обсудить приговор хана. Если они найдут приговор хана несправедливым, то объявляют об этом народу, и народ, объявив хана низложенным, выбирает другого хана. Если же приговор признают справедливым и правильным, старушку направляют обратно к хану. Приказав писарю написать приказ о наказании и подписав написанное, он приказывает громким голосом двум солдатам высечь старуху. Старуха, как бы ища защиты, идет к (56) хану и в это время опрокидывает на хана чашу с водой, которая была у нее на голове в складках „жаулука“, что, конечно, озлобляет хана, который уж кричит: „Бейте же эту негодную больше“. Двое солдат начинают сечь старуху. Такая расправа со старухой возмущает ее старика, который со словами: „Я же не просил, чтобы ты приговорил ее к побоям“, бросается на хана и начинает его бить. Двое озирей со словами: „За чем же ты бьешь хана?“ накидываются на старика и бьют его. Уже начинается форменная потасовка“ (57)¹⁾.

У мордвы Петровского у. на все святки молодежью снимается дом, где каждый вечер собираются парни, девушки и пожилые люди и устраивают всякого рода игры и кроме этого здесь выполняются некоторые обряды... Первым обрядом в „Роштован Гуда“ (рождественский дом) является... так наз. „туляв-ксын паним“ — гнать поросят. Один мужчина одевается в чапан, а чтобы быть потолще, в чапан обертывают солому, опоясывается кушаком, ложится на полу и начинает охать, представляя опоросившуюся свинью. В это (103) время маленькие ребятишки лезут под лавку и под конек, которые и есть поросята. Приходит с улицы мужчина (пастух) с кнутом и палкой в руках, тушит огонь и начинает гнать поросят, ширя палкой под лавки и под конек, а вылезающих оттуда бьет кнутом (свитое полотенце), ребятишки без оглядки должны бежать на улицу. Во время этого взрослые или сидят, или стоят на лавках (104)²⁾. Собиратель справедливо называет это представление обрядом, хотя весьма возможно, что теперь в нем видят одну игру или забаву. Эта игра — представление имеет характер магического обряда размножения по принципу магии: подобное вызывает подобное. За это гово-

¹⁾ Мелкова. Игры киргиз. Тр. Оренбургск. Общ. Изуч. Кирг. края, в. I. Оренб. 1921, стр. 56 — 57.

²⁾ Саратовский Этнограф. Сборник. в. I. Саратов. 1922, стр. 103 — 104.

рит и время, когда устраивается представление — рождественские святки — время совершения обрядов размножения. Это же подтверждается и тем, что остальные две рождественские игры у мордвы той же местности, описанные тем же автором, носят грубо сексуальный характер и имеют также отношение к производительной силе.

Внимания заслуживают следующие данные, записанные у вотяков.

У вотяков „в Казанской губ. с обрядами вербного воскресенья соединяются разного рода зрелища, которые обыкновенно предшествуют изгнанию духов. (Обряды изгнания духов у вотяков приурочены к великому четвергу и к вербному воскресенью. Еще накануне вечером молодежь собирается в какую-нибудь баню на краю деревни, где разводят огонь и устраивают игру в сбор податей и рекрутский набор. Для игры в сбор податей выбираются соответствующие должностные лица: сборщик, контролер, судья и даже полицейские для наблюдения за порядком. Для уплаты податей служат бобы, которые каждый приносит с собой из дома. Некоторые при этом оказывают сопротивление, с таких подати берутся насильно, другие подвергаются даже наказаниям. Затем начинается игра в рекрутский набор. Молодежь избирает из своей среды несколько лиц, которым дается звание генерала, капитана и других военных чиновников. Избранные вербуют солдат на царскую службу. Потом начинается военное обучение. Солдаты упражняются на палках вместо ружей. Наконец, около полуночи генерал командует бежать в деревню изгонять злых духов“ (29)¹).

Здесь драматическое представление, модернизированное по содержанию, очевидно, по существу не связано с обрядом. Но для нас важно установить, что для действительности обряда, совершаемого ночью, требуется исполнить в предшествующий этой ночи вечер драматическое представление.

Но мы встречаемся и с такими играми или забавами в народной жизни, которые еще ближе могут быть сопоставлены с театральными представлениями. В обыкновенных играх исполнителями разыгрываются роли, если игра имеет в себе драматические элементы. Зрители, если они есть, — случайное явление: игра играется не для них, но единственно для удовольствия принимающих в ней участие. В тех народных забавах, о которых мы сейчас говорим, главным образом принимаются во внимание зрители: для них исполнители выступают во взятых на себя ролях.

В. Н. Добровольский записал в Смоленской губ. несколько подобных драматических представлений — „игрищ“. Они происходят в хате, причем сценой можно считать отгороженное мысленной линией от зрителей пространство, на котором исполняется действие. Интересно, что зрители временами принимают участие в действии, всту-

¹) Емельянов. Курс по этнографии вотяков, в. III. Казань. 1921, стр. 27, 28, 29.

пая в диалог. Имеется налицо: костюм, грим, бутафория, установленные действия и до известной степени устойчивый диалог.

Так, в „игрище“: „старцы“ — „дѣлались 12 старцы, адивались уси ў разную адежу, падѣлали сабѣ гарбы изъ сувалки, пастроили сабѣ кажинъ по двѣ сумки...“ (2). В другом „игрище“ — „входить пряля са сваим гребнем (пириадѣтый у женскую адежу мушина), бяреть сваю прялку съ аграмадным колесым, станавить сиряди хаты скамейку, станавитца ина „прясти и бычка пасти“ (3). В другом еще „игрище“ — „адяютца маладэя рыбаловы: кажинъ у халшевый балахон, устраивают сябе быструю лотку абъ шасти вислах (вазьмутъ карыта, нальютъ вады), зачaplють вяреуками, потэмъ пагрибаютца мяшулками и тянуть карыта...“ (6—7). Еще в другом „игрище“... „сдѣлають лося. Вазьмут аднаго чилавѣка, усодють у дерюгу или ў жупанъ. Потэмъ дадутъ яму дугу, усодють концами у рукавы, паставють сиряди хаты. Дѣлають такого батьку у роди старика: вывернуть шубу и здѣлають большой горбъ, привяжутъ бараду съ пасканней или съ хлопья, а потомъ ящо троя павывирнуть шубы и падѣлають гарбы: то батька, а тутъ яго сыны“ (7).

Вот два примера таких „игрищ“-представлений ¹⁾.

В Смоленском у. В. Н. Добровольским записано следующее „игрище“: „Здѣлали Злыдню: на дугу надѣли мушинскіи штаны, вуши здѣлали изъ двухъ ложекъ; — ета называитца кабыла. На кабылу садитца ахотникъ. Іонъ адяетца такъ: вусы сабѣ здѣлаить изъ черныи сажи. Выѣжаить іонъ у хату: — Здрастуйтя, гаспада мужики. Пазвольтя са свайго темныва лѣсу Злыдню выгнать. — Пайзвольтя спросить, аткуда вы такія іость, съ какихъ памѣстій вы находитесь сами? Ти іиость у васъ удаставѣрения, што вам можна ганять ахоту? Прачитали удаставѣрения, дозволили яму са свайго темныга лѣса Злыдню выгнать. Закричал ахотникъ громкимъ голосым: — Разбяжитись ка, сѣрыя сабаки; узнайтя, идѣ лихая Злыдни живеть. Дятишки у ахотника за сабакъ: тэй падъ лаўкый вяху, вяху! тэй тамъ падъ кутомъ, тэй тамъ на печи: тэй тамъ на палу — уси вяхають. Затрубилъ ахотникъ сиряди свайго лѣсу, стаў сабакъ звать, пасабрались усѣ злыя сабаки къ яму. Стаў іонъ вокала сабачикъ лошать кармить, выбиўшись изъ духа. Вдругъ упала лошадь яво са ўсѣхъ четырехъ нохъ, выбиўшись изъ силъ. — Ох, какой лѣсъ агромный ганяль, ганяль, лошади алишился, а Злыдни ня выгнал. — Сталь ў народи спрашивать, ти ня можить хто лошадь вличить, выискался маладой паринь. — Я табѣ лошадь атжиўлю, только пагрудитесь мнѣ съ темныва майва лѣса выгнать Злыдню. Онъ приступилъ къ сѣрый лошади, сталь вокала лошади хадить. Сталь ў вуши дуть — сталь конь дыхатъ. — Вотъ, гаспада народы, я яму лошадь атжиўлю, а іонъ мне Злыдню наўрядъ выганить, только какая есть — разсердить. Усхвати-лась яго сѣрая лошадь: то была лиха, а то ящо полишѣла. Сѣу на сваю сѣрую лошадь и затрубилъ ў сваю громкую трубу. — Ну ка,

¹⁾ Добровольский. Смоленский Этнографич. Сборник, ч. IV. М. 1903.

мае сѣрыя сярдитыя сабаки, разбигайтись па ўсѣмъ па углам, тащитя Злыдню. Разыщитя лихую Злыдню. Разсыпались собаки, стали ково за хвостъ, ково за нагу, тожа и самъ ахотник ни зивайт: кала плечъ народу задаеъ. — Ну што, гаспада, ти довольны, ты выгнал я вам Злыдню? — Благодарим пакорна, што патрудились, гаспадинъ ахотникъ. — Ну, пращивайтѣ съ естымъ“ ¹⁾).

„У дярюгу чилавѣкъ улѣзитъ, на колъ галаву усторонитъ кабылю, дярюгую яе ябтянитъ, уши ей, галавѣ, здѣлаитъ саломинныя, обротъ съ паиса, вазьметъ и пувядетъ у хату, разнаму народу на дива. — „Тпру, мая кабыла, пастой: кала насъ народ падивитца... „Павеу яе на народу. Кажинъ на яе смотритъ, у сяредки у яе голысъ иржет па лашадиному. — „Тпру, тпру, мая кабыла, ни пушай народъ. Кабыла шутки притворяла, абмахнулася — упала, семь дней пралыжала... Люди добрыя, ти ня іостъ са старыхъ бабъ урачы кабылу вылѣчыть: или змя ея укусила, или чемирь пристала. Прашу я васъ, чтоба вы мнѣ кабылу вылѣчили. Падходит баба лѣтъ 70, стала маю кабылу лячитъ: вылячила маю кабылку вочинь скоро: в адно выхадунула, въ другой вѣтеръ дунуль — кабылко устала. — Уижжай, мужикъ, на сваей кабыли, а то у насъ нехарошій народъ, сглазитъ яе — неустанитъ кабыла... Юнъ валакетъ кабылу, стараитца увалочъ паскерѣй, кала яво сміютца. Взялъ мужикъ кабылу за зеленый повадъ, сталъ тянуть изъ хаты вонъ, ударился абъ клѣтъ галавою — ни находятца яму дахтара. Кабыла падашла, въ адно вуха дунула, въ другая кроу выскачила. Маладец узвился на сваи ноги и сталъ уतिकать изъ нишасный дереуни, съ урочливыхъ глазъ“ ²⁾).

III

До сих пор мы имели дело с такими проявлениями драматического искусства, которые служили для развлечения, увеселения или забавы — хотя относительно некоторых из них можно было установить, что они связаны с обрядом. Теперь перейдем к драматическим представлениям, являющимся самим по себе обрядовыми действиями или входящими как часть в цепь обрядного ритуала. Интересно установить в каких случаях мы встречаемся с драматическими представлениями в этом значении.

Похоронные обряды. Драматические представления встречаются в похоронных обрядах многих народов. Они принимают разнообразные формы и имеют разнообразное значение, как видно из приводимых ниже примеров.

„У болоки (з. Африка), пишет Уикс, по смерти какого-нибудь туземца женщины селения, украсив себя листьями, ветками и ползучими растениями, ходят процессией по селению, распевая песни в честь

¹⁾ Добровольский. Смоленский Этнограф. Сборник, т. I. IV. М. 1903, стр. 1 — 2.

²⁾ То же, стр. 11.

умершего. Мужчины же окрашивают себе тело, вооружаются как бы на военные действия и драматически представляют военные подвиги покойного. Если он при жизни отличился в сражении, происходившем на реке, представление устраивают на реке же. Оно принимает вид примерного сражения на воде, в ладьях. В нем участвуют 15—20 ладей, в которых сидят вооруженные копьями и щитами туземцы. Они делают вид, что бросают копья в неприятеля, парируют неприятельские копья щитами, кричат о своей храбрости и громко хохочут, если кто в пылу сражения по неосторожности упадет в воду. На берегу собирается толпа. Оттуда слышатся громко выкрикиваемые советы сражающимся и возгласы одобрения им. Действующие лица и зрители одинаково увлечены. Они исполняют это зрелище в честь покойника — так объясняют этот обряд туземцы“ (105)¹⁾. Это последнее объяснение не раскрывает нам нисколько внутренний смысл этого обряда, уяснить его могло бы только детальное знакомство с представлениями болоко о загробном мире и состоянии души после смерти.

Герц отмечает драматизированные действия жриц на похоронах у даяков Борнео.

„В песнопениях жриц, которыми они препровождают души умерших в город мертвых, родственники покойных занимают видное место. Во все время этих песнопений жрицы держат в складках своей одежды души устроителей торжества, как бы маленьких детей. Поднимаясь на небо, чтобы призвать добрых духов, жрицы уносят с собой эти души... (102). Они призывают на устроителей торжества внимание духов. „Воспрянь, — восклицают они, обращаясь к могущественному духу, — сожми тело вот этого человека, чтобы выгнать из него несчастье...“ Необходимо также, чтобы Темпон Телон (проводящий души умерших в город мертвых) окропил их животворящей водой и тем обеспечил бы им долгую жизнь, чтобы он снабдил их магическими средствами, доставляющими славу, богатство, успех в торговле (102). Жрицы, пишет Герц, во время пения драматически представляют те действия, которые песнопения приписывают небесным духам (103). Здесь проявление драматического искусства не является, повидимому, существенной частью похоронного обряда. Оно только подчеркивает словесный обряд жриц и говорит о драматическом искусстве их, пример чего мы еще увидим ниже.

Не только в Индонезии, говорит Герц, отмечен драматический элемент в погребальных обрядах. Обыкновенно он имеет место при обрядах вторичного погребения, когда, по мнению Герца, покойник окончательно порывает связь с миром живых. Так, на о. Мабуиаг существует верование, что душа, только что прибывшая в страну мертвых, представляет из себя нечто в виде неопределенной тени. Ее принимает и скрывает у себя душа какого-нибудь умершего раньше его приятеля. В первую ночь следующего новолуния душа приятеля вводит ее в общество умерших. Эти последние бьют ново-

¹⁾ Weeks, н. с., стр. 105.

прибывшую душу по голове дубиной — и тем самым душа становится настоящим покойником, и ее обучают всем тайнам загробного мира. Это перерождение души разыгрывается в лицах, причем исполнители замаскированы духами“ (117)¹⁾.

Демоническими же существами замаскированы исполнители плясок на поминках у племен сев.-зап. Бразилии, описанные Кохом-Грюнбергом.

Кох-Грюнберг присутствовал на окончании одного похоронного торжества, его справляли по умершему за несколько недель тому назад (131). Пляски продолжались круглые сутки (132). В малоке (обширный дом под двускатной крышей — жилище индейцев этой части Бразилии) Кох видел следующее представление. Около четырех часов пополудни появилось шестеро замаскированных. Они вышли из леса и шли гуськом (133). На площадке деревенской они начали плясать поодиночке или группами по двое, под звуки пения. В это время двое замаскированных, держась друг за друга скрюченными пальцами рук, плясали в среднем проходе малоки. Вдруг с громкими криками примчались к входной двери малоки замаскированные, плясавшие на деревенской площадке. Они стали ударять в стену палками с длинными крючьями и стремились насильно войти в жилище. Это — были злые духи, старались они проникнуть в жилище. Во время этой волнующей и очень натурально разыгранной сцены, мать и вдова покойного испускали жалобные вопли. Нападение духов было отражено, но духи обежали вокруг дома и стали ломиться в малоку через дверь в ее задней стене. Повторилась прежняя сцена, но она приняла еще более дикий характер. Все громче ревели нападавшие на жилище и защищавшие его: „хе-хе-хе...“, все яростнее становился штурм. Малока сотрясалась от ударов в стену. Замаскированные духами оторвали своими крючьями несколько связок соломы, покрывавших стены. Усилились и вопли женщин. Наконец, духи проникли в малоку. Двое замаскированных стояли друг против друга и держались длинными крючьями за одну из перекладин, поддерживавших крышу малоки. Они пели при этом ту же песнь, как и на площадке (134). Остальные плясали тут и там в доме. Вопли обеих женщин перешли постепенно в мелодичное пение, прерываемое рыданиями; наконец, замерло и оно. Зрители держались спокойно. У женщин были испуганные лица. Две девушки поспешили даже залезть на какой-то помост. Но, когда пляска кончилась, все снова стали шуметь, и раздался смех. Не остались чуждыми общему оживлению мать и вдова покойного, только что рыдавшие так горько (135). Точный смысл этого представления остается в приведенном изложении неясным. Важно отметить, что оно имело место на поминальных торжествах. Обрядовый характер его подтверждается обязательным, повидимому, в нем участием матери и вдовы умершего, также и отношением их и зрителей к происходив-

¹⁾ Hertz, *Réprésentations collectives de la Mort*. Année Soc. X. 1907, p. 102 — 102, 117.

шему перед ними: сменой настроения тотчас по окончании представления, когда сразу разрежается сгущенная атмосфера, создаваемая исполнением обряда.

После этого внушительного вступления, продолжает Кох, начались более безобидные пляски, из которых некоторые были особенно характерны. Замаскированный Черным кондором держал обеими руками приложенную к затылку палку и подражал, раскачивая верхнюю часть тела, походке в перевалку этой птицы, которой мешают ходить свободно по земле ее мощные крылья. Замаскированный Ягуаром делал прыжки, сильно нагнувшись вперед верхней частью тела, наподобие кошки, и дул при этом в тростник с привязанным к нему для резонанса горшком, извлекая из него звуки, напоминающие рев ягуара. Песня, сопровождавшая эту пляску, также воспроизводила крик ягуара. Пляска Навозных жуков изображала, как это насекомое катает шарики из навоза, которые оно потом запрытывает в землю. Двое замаскированных навозными жуками, двигались, держа друг друга за руку, взад и вперед под звуки песни. В другой руке каждый из них держал палку, зажав ее под мышкой. Этими палками они катали по земле третью палку, изображавшую навозный шарик. У замаскированного Совой был надет только на голову маскировочный убор: тело было, в противоположность другим маскировочным нарядам, ничем не покрыто. У него в левой руке была горящая щепка, а в правой — палка. Короткими шагами он прыгал то туда, то сюда и стучал палкой о столбы в доме. Этим он изображал, как сова перелетает с дерева на дерево, причем кричал посовиному: „пу-пу-пу“. Горящая щепка, повидимому, изображала горящие глаза совы (136).

В одной пляске замаскированный изображал зловредного лесного духа, карла, который досаждал охотникам, застреливая у них перед носом дичь. Иногда он убивает и людей, пуская в них отравленные стрелы. В пляске мимически изображается охота с выдувальной трубой. Изображается, как охотник подкрадывается к добыче и наконец, убивает ее. При этом в нужную минуту замаскированный бросил перед собой сплетенную из полосок лыка фигуру обезьяны, которая была у него привязана к левой руке. Эта фигура представляла подстреленную добычу, и замаскированный приколол ее своей плясовой палкой, изображавшей „выдувальную трубу“. В это время он подражал очень натурально испуганному писку обезьяны (137).

Полно юмора было представление „охоты на аллигатора“. Из лычной материи свернули грубое изображение аллигатора. Трое замаскированных „убили“ зверя палками. Затем они привязали „добычу“ к длинному шесту и стали ее носить по дому, взяв шест на плечи. Потом они присели на корточки, сбросили на землю „аллигатора“ и начали резать его на куски. Женщины принесли горшки. Сделали вид, будто подложили под них огонь и куски „мяса“ положили в горшки. Потом делали вид, что едят „мясо“. Принять участие в „трапезе“ пригласили и немецкого исследователя. К великому удоволь-

ствию присутствующих Кох вошел в роль: делал вид, что отрывает зубами куски мяса, жевал их как будто с трудом и бранился на то, что мясо жестко. Под конец замаскированные навязали опять на шест остатки „мяса“ и под звуки распеваемой ими песни обошли с ними дом (137).

Более глубокое значение этих плясок с масками ясно. Они являются магическим средством. Плясками и воплями примиряется дух покойника — и он не возвратится, чтобы взять с собой кого-нибудь из живых, полагаются препоны злобной деятельности злых демонов, которые, может быть, были повинны в смерти умершего. Враги охотника: Макуэ и Ягуар, также вредители плантаций: гусеницы или личинки жуков, благодаря мимическому воспроизведению их действий подвергаются магическому воздействию и становятся благорасположенными к людям. Также и охотничьи звери. Таким образом обеспечивается богатая охотничья добыча, богатая жатва и общее плодородие (139)¹⁾.

Помимо драматических представлений: определенных сцен и пантомимных плясок, входящих, как существенная часть в серию погребальных обрядов, иногда очень сложных, примитивные формы драматического искусства проявляются в них и в другом направлении. Обряд, связанный с теми или иными похоронными торжествами, требует видимого присутствия покойника, и кто-либо берется играть его роль или временно быть его воплощением. Как ярко переживает такое ненормальное состояние временный заместитель покойника, доказывают данные, записанные у батаков Суматры.

Музыка, сопровождающая все более значительные жертвоприношения у батаков Суматры (наигрывание на барабане) имеет главной целью расположить духа, которому приносят жертву, войти в человека, служащего медиумом между духом умершего и его потомками. Игрой на барабанах больших и меньших размеров призывают духа. Под влиянием этой музыки посредник начинает плясать, после чего наступает пароксизм. В таком состоянии он теряет самосознание и считает себя данным покойником — и он с удивительной точностью воспроизводит его походку, манеры, его речь и пр. (375). Часто посредник представляет так правдиво и трогательно печаль покойника, проливающего слезы при свидании с оставшимися в живых родственниками, что эти последние начинают громко рыдать (376)²⁾.

В погребальных обрядах корейцев отмечена следующая любопытная черта: возвращающихся с погребения „родственников встречает с рыданиями на пороге дома похоронный староста. Все молятся, сжигают много бумажек, затем входят и принимаются за скромную трапезу. Являются две-три шаманки (му-дань) с музыкой, они переодеваются покойником, говорят от его имени, рассказывая в первом лице известные происшествия из его жизни“³⁾.

1) Koch-Gr., Zwei J. S. 131 — 139.

2) Warneck, Das Opfer bei d. Tobobatak in Sumatra, Arch. f. Religionswiss. B. 18. 1915. S. 375 — 376.

3) Сорошевский, Корея, 3-е изд. СПб, 1909, стр. 228.

На поминках у черемис и у мордвы выступает также заместитель покойника, лицо, играющее его роль.

У черемис, пишет И. Н. Смирнов, „в 40 день (по кончине родственника) перед закатом солнца старший в семье отправляется пешком или в телеге на кладбище, останавливается над могилой умершего и обращается к нему со следующей просьбой: „вот настал твой 40-й праздник, приходи на свой праздник. Дедушки, бабушки, дядюшки, тетуски, все приходите“... Родные в это время ждут покойника в доме, завидев телегу, они выходят на встречу и приглашают покойника войти: „приди на твой 40-й праздник, войди в избу“.

Присутствие покойника на поминках представляется в различных местах различно. Самым наглядным образом покойник фигурирует на поминках в Царевококшайском. „Здесь в то время, как родные выходят встречать покойника, лицо, назначенное им для этого, заживо надевает праздничную одежду умершего и выходит на двор. Родные радостно приветствуют его, „а ты уж пришел на свой праздник, пойдика, взойди в избу пировать с нами, завтра, переночевавши, уйдешь“. Так как покойник не сразу сдается на просьбы, ему выносят в сени вина и подчуют. Покойник, смилостивившись, входит в избу и садится на почетное место. Ряженого принимают, как настоящего покойника. Вдова зовет его мужем, дети отцом. Он в свою очередь держит себя, как настоящий глава семейства. Вся ночь проходит в пировне. Покойник ест, пьет и пляшет наравне с другими гостями, хотя несколько своеобразно. В промежутки между пляской он рассказывает, как ему на том свете хорошо живется, как он видится со всеми ранее умершими. Печалиться он о себе не велит, зато советует почаще поминать (124)... В Аринском приходе Царевококшайского у. роль ряженого исполняет свиток одежды покойного. Он кладется на почетном месте — к нему обращаются, как к живому лицу, с ним пляшут поочередно все пирующие...“ В некоторых местностях на следующий после поминок день покойника провожают на кладбище. „Богатые везут ряженого на паре, в кибитке, с колокольцами. Приехавши на кладбище, покойника сажают на могилу, раздевают и возвращаются домой. В Козьмодемьянском у. везут quasi-покойника с песнями, музыкой и пляской в овраг, где устраивают ему прощальную трапезу на особенном столике-одноножке“ ¹⁾.

Аналогичный обряд отмечен у мордвы Саратовской губ. „На поминовение в 3-й или 9-й день, если покойник был взрослый, сродники его выбирают такого человека, который представлял бы собою поминанного умершего. Его сажают на переднем месте за столом и, в то время, когда он вместе с прочими ест и пьет, каждая из родственниц покойного поочередно плачет над ним, облокотясь на его голову. Потом сажают его на стул и, в сопровождении горько плачущих родствен-

1) Смирнов, Черемисы. Казань. 1889, стр. 124, 125.

ников, выносят к воротам, где, отерев только что лившиеся ручьем слезы, весело пьют в честь покойника водку и брагу. Затем все родственники вместе с лицом представляющим покойника отправляются на кладбище, где кланяются могиле умершего и... кладут на нее несколько яиц, лепешек и прочего съестного (125)... По возвращении с кладбища, родственники покойника в последний раз принимаются плакать над разыгрывающим его роль, но он мановением руки останавливает их и ведет к ним от лица покойника следующую речь: „Не плачьте, место у меня там (в загробной жизни) хорошее: я живу слава богу хорошо, и об вас молю бога, чтобы он дал вам счастье в жизни“. — Этим заканчиваются поминки, и родственники усопшего дают приличную награду принимавшему на себя роль его (126)“. В другой записи отмечены следующие подробности: „Б о г о л ю б о в (Волга, 1862) при описаниях похоронных обрядов мордвы, говорит, что через 6 недель, справив поминки на могиле покойника и возвратившись в дом, мордва выбирает старика, если покойник был мужчина, или старуху — если женщина, одевают в платье умершего, сажают за стол в переднем углу и угощают, а старик или старуха, представляя лицо покойного, рассказывают им о загробной жизни, как поживают умершие их родные, что делают и каков на том свете урожай хлеба“¹⁾.

Мы встречаемся и с длительным исполнением принятой на себя роли покойника. У мосси, племени, живущего на Нигере, начиная с минуты смерти вплоть до вторичного погребения имеется среди оставшихся живых представитель умершего. Каждый мосси, умерший от болезни, будь то мужчина, женщина, ребенок, вождь, продолжает жить после смерти в лице так наз. курита. Если умрет женатый, его курита или кутарса (подражающая покойнику) — бывает обыкновенно одна из женщин его семьи, чаще всего одна из жен кого-нибудь из младших его братьев, и в которой усматривают известное сходство с покойным. Ее выбирает семья, а иногда назначает ее для этой роли умирающий. Она надевает на себя одежду покойного, его головной убор, туфли, браслеты и кольца. Она носит на себе его пояс и ножи, ходит с его палкой, с его киркой, с его копьем, обратив к земле его наконечник. Она ходит его походкой, вообще подражает ему во всем. Если покойника имел обыкновение сопровождать ребенок для ношения ему его сумки, курита будет брать с собою ребенка, и он будет носить за ней ту же суму, только вывернутую наизнанку. Если покойник был прокаженный, и у него отвалились пальцы, курита будет представляться, что она лишена пальцев. Если он часто смеялся, и она будет смеяться, если он был ворчлив, она также представится ворчуньей. Дети покойника называют ее отцом, жены его — мужем и готовят ей кушанье. Если покойник был вождем, его так и зовут: наба, если он был рядовым членом племени, его курата зовут по его имени. Курита исполняет роль покойника до вторичного погребения, так наз. кури.

1) М и н х, Моляны и обряды мордвы. Этн. Об. 1892, кн. XV, стр. 125 — 126.

В этот день она бреет себе голову, как и остальные члены семьи, и роль ее закончена. За ней, однако, остается название: курита, и при дележе имущества ей выдают одежду, взамен которой она возвращает одежды покойного. Существует у мосси верование, что курита умирает раньше положенного ей срока жизни, так как за ней приходят предки (до того, очевидно, сильна связь между покойником и играющей его роль: курита заражается началом мертвости от покойника и не принадлежит уже к миру живых) ¹⁾.

Наконец, на похоронах разыгрывается иногда целая сцена с различными ролями. Вот что происходит на Украине при похоронах незамужней и холостого. „... в некоторых местностях умершей девушке назначают жениха из парней, который в соответственном костюме идет за гробом на похоронах. С подобными же добавлениями происходят и похороны парубка-жениха“. „Для похорон девушки-невесты устраивается нечто вроде свадебного шествия: собирают друзей, старост, бояр, сваху и пр., совершенно так, как на свадьбе, на крышке гроба несут коровай, старост и „підстарост“ перевязывают „рушниками“, хустку, которую невеста дает жениху, отдают священнику на крест, друзьям вплетают в косы черные ленты и всем присутствующим раздают проводнички, т.е. маленькие свечи из зеленого воска“ ²⁾.

Свадебные обряды. В свадебных обрядах многочисленных народов ярко выражен бывает драматический элемент. Вот как, напр., смотрит на свадебные обряды украинского народа Ф. К. Волков.

Заканчивая обзор свадебных обрядов украинского народа, Ф. К. Волков указывает, что эти обряды, можно, по существу, разделить на две главные категории: историко-драматическую и религиозную. „Первая из них, которую мы называем драматической, так как она состоит из ряда сцен, представляющих в лицах события и отношения далекого прошлого, изображает сначала попытку войти в дом девушки хитростью, потом проникнуть туда силою, причем инсценировка старается восстановить, сколько возможно, общественные отношения приблизительно киево-княжеского периода: сборы в поход, феодальные отношения, столкновение с родом невесты и пр., затем, ввиду невозможности овладеть невестой насильно — мирные переговоры, которые кончаются сделкой — выкупом невесты, после чего опять следуют насильственные действия: грабеж приданого, увоз невесты с особенным подчеркиванием ее иноплеменного происхождения в виде обязательного молчания и т. п.“ ³⁾.

Но, помимо этого общего характера свадебных обрядов многих народов, драматически воспроизводящих прежние формы брака, примитивные формы драматического искусства проявляются иногда в тех

¹⁾ Levy Bruhl, Mentalité primitive 1922, p. 73 — 74.

²⁾ Волков, Этнограф. особенности украинского народа. „Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II. Петрогр. 1916, стр. 640, 642.

³⁾ То же, стр. 636.

играх и забавах, которые сопровождают свадебные торжества и которые, может быть, в прежнее время исполнялись, как действенный обряд.

В Юрьевском у. Владимирской губ. записано следующее. На утро после дня венчания молодые отправляются за водой и приносят ее в дом. Гости препятствуют им в этом, выливая у них по пути воду. Наконец дадут донести воду, хотя все же выплеснут немного воды на порог. Молодая должна умыть руки свекрови и вытереть ей руки полотенцем, которое она потом дарит свекрови. Потом молодые должны мести пол, и им опять мешают гости, подбрасывая сор, горшки и пр. Потом молодой, одетый с утра в праздничное платье, надевает поверх хорошего плохое платье, закутывается в рогожу или надевает на себя одеяние, сшитое из рогож, и выходит из избы. На дворе его обертывают соломой и вносят его затем на руках в избу, объявляя, что родился теленок. Молодой, исполняя роль новорожденного теленка, мычит, отфыркивается. Молодая подносит ему рюмку водки — это она „поит“ теленочка. Он фырчит, не пьет. Она уговаривает его: „Быченко, быченко“. Наконец он встает. Молодая расшивает его, оглаживает словно бы он еще мокрый, как только что родившийся теленок, снимает с него солому, гладит. Потом „идут гулять“. Сцена с теленком ведется живо. Когда несут молодого, зашитого в рогожу и обернутого в солому, говоря, что корова отелилась, гости спрашивают: „Кого бог послал?“ Им отвечают: „Бычка“.

Интересно также отметить, что на свадьбах мы иногда сталкиваемся с ряжеными.

В Юрьевском же у. Владимирской губ. на следующий день после венчания, наряду с другими развлечениями, соблюдался еще недавно обряд: „звать румяниться, белиться“. Сельчане из деревни молодого с лицами, вымазанными сажей, в нарочно сшитых комических шапках, повязанные поверх кафтанов соломой с колосьями, а то и кушаками, объезжали с помелами, кочергами и пр. избы своей деревни и зазывали всех к молодым „порумяниться, побелиться“. При этом им полагалось „чудить“ побольше. Они говорили „прибаутки“ вроде следующей: „Старые старушки, почтенные старички, молодые молодушки, красные девушки, просим милости к нашей молодой побелиться, порумяниться, пожалуйста, не откажите“. Их встречали шутками. Иногда они возили с собой соломенные куклы, и хозяева встречали их, как приезжих из другой деревни, усаживали их за стол, потчуют кукол, разговаривают с ними: „Вы, должно быть, озябли, ехали издалека“. Раз, на одной свадьбе устроили следующую шутку: приехав к богатым домохозяевам, тихонько взяли у них же теленка, впрягли его в салазки, посадили в них кукол, теленка подняли по лестнице, во второй этаж и там заставили его войти в горницу, таща салазки с куклами. На зов к молодой собиралась вся деревня. Образовывался перед домом молодых обязательный хоровод. Молодая выходила к собравшимся, за ней, если таковые находились тут, „кавалеры“ и „бабышники“ (так звали приехавших из Москвы родственников, отличавшихся

от деревенской молодежи большим лоском). „Кавалеры“ при этом бывали наряжены „барышнями“ и наоборот. Такое переряживание считалось обязательным. Шествие молодой (мы приводим полностью весь обряд для того, чтобы он выявился во всех чертах) открывается золовкой, а вслед за ряжеными идет молодой с вином. Молодая оделяет каждого из присутствующих более дорогими сладостями, напр. орехами, и обязательно должна перечеловать всех, сколько бы ни было человек в хороводе. В шествии участвует и сваха: она тоже оделяет всех гостинцами, но попроще. Молодой же обязан всех угостить вином ¹⁾.

(Продолжение следует.)

¹⁾ Из соб. зап. кн. запись 1915 г. от кр. П. М. Козловой.

БЫЛИНЫ СТАРИННОЙ ЗАПИСИ

(Семь неизданных текстов.)

Борис Соколов (Москва).

(Окончание). 1)

4. История об Илье Муромце и Соловье Разбойнике.

(По рукописи из собрания Е. В. Барсова № 9 XIV отдела, конца XVIII — начала XIX в., по нашему обзору № 22).

Рукопись собрания Е. В. Барсова № 9 отд. XIV конца XVIII — нач. XIX в. в 4 долю листа состоит из 22 листов, писанных скорописью; заглавия писаны красными чернилами. Состав статей за исключением (л. 1) Истории об Илье Муромце исключительно религиозный: молитвы и краткие жития. 1) л. 5 об. Молитва св. мученику Иоанну Воину, 2) л. 6 об. Память 1400 младенцев, от Ирода избиенных, 3) л. 9 об. „Синаксарь“ на собор св. Иоанна Предтечи, 4) л. 11 память св. Вукола, еп. Смирского, 5) л. 11 об. Кондак св. великомученице Варваре. Лл. 13—22 представляют, собственно, особую тетрадку на другой бумаге и несколько меньшего формата, вставленную в первую и содержащую Сказание о создании мира. На ч.—„Егда неба не бысть и земли, едино море бысть Тивириадское, оу того моря береговъ не было. Господь же нашъ Исусъ Христосъ сниде на море по воздуху и виде гоголя, плавающа, сиречь Сатанаила“ и т. д. В конце этой вставленной тетрадки на л. 22 той же рукой написано: „Сия тетрать города Суждаля посацкого члвека Ивана Иванова сына Вьюшкова, сегодня 1794 года, месеца февраля“. На внутреннем же заднем листе бумажного переплета первой тетради, в которой находится и История об Илье Муромце, запись: „Кондак великомученице... списаль месеца генваря... 1817 года“. Другой рукой: „Сия тетрать города Суждаля мешчина Вьюшкова“.

Текст № 22 нашего обзора должен быть отнесен к „лубочной“ версии „черниговской редакции“ старинных рукописных былин об Илье муромце и Соловье Разбойнике, одинаково как издаваемые нами тексты № 21 и № 23 нашего обзора. Выше на странице 118 „Этнографии“ 1927 № 1 мы перечислили другие, уже опубликованные ранее, „лубочные“ тексты этой редакции. Разбираемый сейчас текст особенно

1) См. „Этнография“ 1926 г. № 1-2 и 1927 г. № 1.

близок к лубочному тексту, напечатанному А. Н. Афанасьевым в „Русс. народных сказках“ т. 4 № 174 (стр. 188—192 по 4 изданию) и перепечатанному в подстрочных вариантах П. А. Бессоновым в „Песнях, собранных П. В. Киреевским“ (в. I. стр. XVII—XXII примечаний). Текст в рукописи Барсова оборван.

Исторія о славномъ и о храбромъ богатыре Иліе Муромце и о славномъ Разбойнеке.

Въ славномъ было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем кресьянинъ Иванъ Тимофеичъ; у него было любимое детище Илія Муромецъ. Сидел он сидне^{мъ} 30 летъ, и какъ минуло 30 лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крепко и отшупаль в себе великую силу, и зделалъ себе збрую ратную и копие булатное, и оседлалъ коня своего богатырскаго. Приходит и ко отцу своему и к матери, и сталъ у нихъ просить благословение: „Государь, батюшко и матушка, отпустите меня в Киевъ Град, Богу молится, царю киевскому объявится“. Отецъ и мать даютъ ему благословение (л. 1 об.), и кладутъ на ево заклѣтие великое и говорятъ такіе рѣчи: „Поеждай ты в Киевъ прямо на Черниговъ градъ, будучи Ѽ пути своемъ не делай обиды, не проливай криви христіанской напрасно“. Илія Муромецъ принялъ у отца і матери благословеніе, Богу молитъца, со Ѽцем и матерью прощаетъца, и поехалъ в путь свой. И такъ далеко заехалъ в темныя лѣсы, что наехалъ табуры разбоиничье. И те разбоиники увидели Илію Муромца, разгорелись у нихъ сердца разбоиничье на коня богатырскаго, и стали между собою разговаривать, чтобъ лошадь у него отнять: „Что мы такой ни в которыхъ местахъ не видывали. Он иедет на тако^{мъ} добра^{мъ} коне незнаемой некоторой человекъ“. И стали на Илію Муромца напущивать (л. 2) человекъ подъдесять ти, по два(д)цать. И сталъ Илія Муромецъ остоновливать своего коня богатырскаго и вынималъ ис колчена колену стрелу, накладываетъ на тугой лукъ и пусти^{лъ} кален^у стрелу подъ землю, и колена стрела.... в косую сажень. Видя то, разбоиники испужалися, і собирались во едины кругъ, и пали на колени и стали говорить: „Государь, нашъ батюшко, удалъ добрай молодець, виновати мы пред тобою, и за нашу вину бери казны, сколько надобно, и платъя зветныя, и табуны лошадей, сколько угодна. И, усмехнувшись сказывъ: „Не куды мне девать, но естли хотите жи^{вы} быть, то впредь не отваживайтесь етова делать“, И поеха^л (л. 2. об.) в путь ево к славному граду Кіеву, и подъежаетъ ко граду Чернигову. И подъ тѣм градомъ Чернигово^{мъ} стоитъ войско босурманское,

что ему и сметы нѣтъ. И Черниговъ градъ осадили, и хотятъ ево вырубить, и Божіи церкви на дымъ пустить, а самого князя кіевскаго и воеводу Черниговско^{го} в полонъ взять. И той великой силы Илія Муромецъ ужаснулся, однако положилъ на волю Создателя своего, Господа Бога, и вздумалъ положить свою главу за веру христіанскую. Копие^{мъ} булатнымъ и всю силу поганую и царевича босур-

манскаго в полонъ взялъ. И ведетъ во градъ Черниговъ, и встречаются из града Чернигова граждане с честію. Идетъ самъ (л. 3.) князь киевски и воевода черниговски принимаю уже добра молодца с честію, благодареніе Гѣду Бѣу возсылають, что Господь нечаенно граду очищение о семъ и не далъ напрасно погибнути Ѡ такой силы басурманской. И вели ево в полаты, и сотворили вели пиръ, и отпустиша его в путь свои. Илія Муромецъ поехалъ ко граду Кіеву прямою дарогою Ѡ Чернигова, которую заложилъ Соловей. 30 летъ не пропущалъ ни коннаго, ни пешева, а убивалъ ни оружіемъ, но своимъ разбойническимъ свисто^{мъ}. И выехалъ в чистое поле и увидѣлъ попрыски богатырскіе, по нимъ поехалъ на леса брянскія, на те грязи топучіе, на мосты калиновы, к той реке Смородинной. И Соловей Разбойникъ послышалъ себе кончину и безчастіе великое, не допущалъ Ілію Муромца за 20 верстъ, засвисталъ своимъ свисто^{мъ} (л. 3 об.) разбойническимъ крепко, но богарское сердце не устѣшилъ. И не допускаетъ за 10 верстъ, засвисталъ громче того; и с тово свисту под Ыльею Муромце^{мъ} конь то спотыкнулся. И приехалъ под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубахъ, и Соловей Разбойникъ, на гнезде сидя, увидалъ светорускаго богатыря, и засвисталъ во весь свистъ разбойничей и хотелъ Ілію Муромца убить до смерти. Илія Муромецъ снимаетъ с себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрелу, и пустилъ на то гнездо соловьиное, и попалъ в правы глазъ и вышипъ вон. Соловей Разбойникъ свалился з гнезда, что овсяной снобъ. Илія Муромецъ беретъ Соловья Разбойника, и привязалъ ево крепко ко стремени (л. 4) булатному, и поехалъ к славному граду Кіеву. На пѣти стоятъ палаты Соловья Разбойника. И какъ поровнался Ілія Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, оу которыхъ окны разкрытые, и в те окны смотрятъ разбойничье три дочери. И увидела меньшая дочь, закричала сестрамъ своимъ. „Вонъ нашъ батюшко едетъ з добычею и везетъ намъ мѣжика, привязана оу стремени булатнова“. А болшая дочь посмотрела и заплакала горко: „Что не батюшко етатъ едетъ, нѣзнамой какой тотъ человекъ и везетъ нашева батюшка“. И закричала мѣжьямъ своимъ: „Мѣжья наши милые, поезжайте навстрѣчу, отбейте нашева батюшка и не кладите женъ в такомъ позоре“. Мужья ихъ, сильные богатыри, поехали светорускаго богатыря, кони у нихъ добрые и копы и копы вострые, и хотятъ Ілью на копы поднять. И увидель ихъ Соловей Разбойникъ и сталъ говорить: „Зятя мои милые (л. 4 об.), не поборитесь вы и недразните такова силнаго богатыря, чтобъ вамъ (чтобъ вамъ не принять—зачеркнуто) смерти не принять. Вамъ лучше с покорностію просить в домъ мой выпить по чаре зелена вина“. И по прозбе зятѣмъ отворотилъ в домъ, не ведая ихъ злобы, что болшая дочь подняла железную на цепяхъ подворотню, чтобъ прибить, но Ілья усмотрилъ на воротахъ, ударилъ копиемъ и ушипъ до смерти. И какъ приехалъ в Кіевъ градъ и прямо на княжески дворъ, входитъ в палаты белокаменны, Богу молитца, князю кланятца. Князь же киевски спрашивать: „Скажи, доброй молодецъ, какъ тебя звать, которова города

уроженецъ?“ Ѡвегъ (л. 5) держитъ Илія Муромецъ: „Меня, государь, зовутъ Илюшкою, а по отчеству Ивановъ сынъ, а уроженецъ я города Муромъ села Карачарова“. И князь спрашива: „Которою дорогою ехалъ изъ Муромъ?“— „Я, государь, ехалъ изъ Муромъ на Черниговъ градъ, и под Чернигово^м побилъ войско босурманское, сметы нень (sic!), и очистилъ Черниговъ градъ и под Черниговымъ; и отуда поехалъ прямою дорогою и взялъ силнова богатыря Соловья Разбойника, которова привезъ с собою у стремени булатно^{ва}. Но князь, осердясь (текст остался недописанным).

5. Сказка об Илье Муромце и Соловье Разбойнике.

(По рукописи из собрания Е. В. Барсова Отд. русских повестей № 30, тридцатых годов XIX века; по нашему обзору № 23.)

Рукопись собрания Е. В. Барсова отд. русских повестей № 30 писана скорописью на бумаге с водяным знаком „1830 г.“ в 4-ю долю листа, на 26 листах. В ней помещены четыре сказки: 1) л. 1 „Скаска о Иване царевиче и жаръ птице“, 2) л. 20 „Еще скаска о слаткой и др. репе о глупомъ деревенскомъ мужике Фадеюшке“, 3) л. 21 об. „Скаска о воре и о бурой корове“ и 4) л. 23 об. „Скаска о Иліе Муромце и Соловьѣ Разбойнике“.

Издаваемый текет № 23 нашего обзора, как и предыдущий № 22, относится к той же „лубочной“ версии „Черниговской редакции“. Однако в нем больше стилистических отступлений от известных лубочных текстов, а также изменений некоторых деталей содержания (напр. вм. царевича бусурманского Илья берет в плен царя бусурманского, младшей дочери Соловья приписаны слова старшей и т. д.). Текст, как и предыдущий оборван в конце.

Скаска о Иліе Муромце и Соловеѣ Разбойнике.

(л. 23 об.) Какъ во славномъ было городе Муроме, в селе Карачарове, жилъ в немъ, былъ в немъ кресянинъ Иванъ Тимофеѣвичъ. У него было любимое детище Илія Муромецъ; и сидолъ онъ сиднемъ тритцать летъ. И какъ минуло 30 летъ, то онъ сталъ ходить и на ногахъ крепко ступать. И ощутилъ въ себе силу великую, и зделалъ себе збрую ратную и копие булатное, и оседлалъ коня своего богатырскаго. И приехалъ ко отцу своему и к матѣри, и сталъ у нихъ просить благословеніи, и сталъ говорить: „Милостивой мой государь, батюшко, Иванъ Тимофеѣвичъ, даждъ мне благословеніе въ Киевъ градъ Богу помолится и князю Киевскому объявится“. Отецъ и матъ его даютъ ему благославление и кладутъ (л. 24) на него закліание великое и говорятъ такие речи: „Поежай ты прямо на Черниговъ градъ и, будучи подъ Черниговымъ, стоитъ войско босурманское, что и смѣты нетъ, и поежай прямо на Черниговъ и, будучи в пути, не делаи обиды и не проливаи крови христианской напрасно“. Илія Муромецъ принелъ у отца своего благословеніе и поехалъ благополучно въ путь свой. И какъ поѣхалъ прямо изъ Муромъ на

Черниговъ, и поехалъ на те грязи топучие, на мосты калиновые, при той реке Смородине и наѣхалъ на таборы разбойничіи. И увидели разбойники Илію Муромца и начали напускать человекъ по 10-ти и по 20-и. И сталъ Илія Муромецъ остонавливать коня своего богатырскаго, и вынимаѣтъ ис колчана колену стрелу, и накладываѣтъ на тугой улукъ, и пустилъ колену стрелу подъ землю; и калѣна (л. 24 об.) стрела стала рвать въ косую сажень. Увидевши то, разбойники испужались, и собирались во единъ кругъ, и стали говорить: „Государь, ты нашъ батюшка, удалъ доброй молодець, виноваты мы предъ тобою, и за нашу вину бери казны, сколько угодно и платіа тветнаго, и табуны лошади, сколько нада“. Смотря на нихъ разбойниковъ, Илія Муромецъ, усмехнувшись, сказалъ: „Некуда мне девать, но если хотите вы живы быть, то въпретъ не отъваштесь етова и думать“. И такъ поѣхалъ Илія Муромецъ въ путь свои благополучно прямо на Черниговъ градъ. И подъ Черниговымъ стоитъ войско босурманскаго, что и сметы нѣтъ, и хотятъ Черниговъ градъ опустошить и Божіи церкви на дымъ пустить. И такъ сталъ остонавливать коня своѣго богатырскаго и простился со отцемъ своимъ и матѣрію (л. 25). И въздумалъ положить главу свою за веру христианскую, и сталъ побивать силу босурманскую копиемъ булатнымъ, и всю силу великую побилъ и царя босурманскаго живыхъ въ полонъ взялъ. И ведетъ во градъ Черниговъ. Увидели того града граждане, и увидѣлъ самъ князь киберски и воевода черниговски, вѣстречаютъ добраго молоца с честию, благодареніемъ Господу Богу воссылаютъ, что Господь прислалъ начаѣнно граду очищение и не далъ намъ погибнуть всемъ отъ такой силы босурманские. И възвзяли его в полаты своя и сотвориша ему великую честь, подарили его драгоценными дарами и отпустили его въ путь свои. И поехали тою дорогою, которою заложилъ Соловеи Разбойникъ. Равно 30 летъ не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а убивалъ не оружіемъ (л. 25 об.), но своимъ разбойничимъ свистомъ. И услышалъ Соловеи Разбойникъ Илію Муромца и, не допуская ѣго за 30 верстъ, засвисталъ во весь свистъ разбойнически и хотелъ ѣго убить до смерти; но Илія не испугался и поѣхалъ на то самое гнездо, которое было свито на 12-и дубахъ. И, не допуская еще за 10 верстъ, засвисталъ въ полсвиста, отъ чего под Илеѣю Муромцемъ конь спотыкнулся. Но Илія не испугался сего свисту, подѣхалъ подъ самое то гнездо Соловиіно, которое было свито на 12-ти дубахъ. И увидѣлъ Соловеи Разбойникъ Илію Муромца, и узналъ себе кончину и нещастіе великое, и засвисталъ во весь свистъ разбойничіи, и хотелъ ѣго убить до смерти. Но Илія усмотрѣлъ Соловья Разбойника, сидящаго на гнезде, и вынималъ ис колчана колену стрелу, и накладывалъ на тугой лугъ, и пустилъ на то гнездо Соловиіно, и попалъ ѣму въ правой гласъ, и вышипъ вонъ. И Соловеи Разбойникъ (л. 26) свалился с гнезда, что овсяной снопъ. Илія Муромецъ, възввъ Соловиіа Разбойника, привезалъ къ стремени булатному и поехалъ тою дорогою, где былъ домъ Соловиіа Разбойника. И подѣжаѣтъ недалеко

къ дому Соловіному, и увидела в окно болшая дочь Соловіна и за-
крычала мужіямъ своимъ: „Поежайте и встречайте нашева батюшка,
что везетъ какого то человека, привязана къ стремени булатному“..
А меншая дочь посмотрела и заплакала горко: „Что не батюшко
нашъ ѣдетъ, а ѣдетъ какой то незнаѣмой человекъ и везетъ нашева
батюшка“. И закричала громкимъ голосомъ: „Охъ, вы, гой еси, му-
жія наши, силние богатыри, поежайте навстречу и отъбейте нашево
батюшка“. Зятія его, силние богатыри, кони у нихъ добрые и копия
вострые, и поехали вѣстречу к Іліе Муромцу, и увидель зятеи
своихъ Соловеи Разбоиникъ и закричалъ своимъ голосомъ: „Охъ,
вы (л. 26 об.), зятія мои милые, не напушайте“... такого силнова бо-
гатыря Ілію Муромца и ис.... (Дальше 11 строк рукописи от вре-
мени вытерлись, запачкались, разбираются съ большим трудом)¹⁾....
и во градъ Киевъ, где далъ обещаніе, чтобъ быть во граде Киеве.
И приехали во градъ Киевъ, поѣѣжаѣтъ ко дворцу царскому. И
увидели изъ дворца и встречаютъ доброго молотца Ілію Муромца.
И вѣодятъ его в полаты белокаменные, Богу молится.... кланяется, и
князь спрашиваѣтъ: „Скажи, доброй молодець, чего ты царства?“
(На этом рукопись обрывается).

6. Сказка об Ілье Муромце.

(По рукописи собрания Уваровых без №, первой пол. XIX в.; по нашему обзору
№ 24.)

Рукопись в 4 д. листа на 10 печ. листах в виде несшитой тет-
ради первой половины XIX в.; писана разными почерками; содержит
только текст сказки об Ілье Муромце, озаглавленной: „Ілья Муро-
мецъ“. Рукопись любезно была передана мне для изучения и издания
С. К. Шамбинаго, в свою очередь получившего ее для занятий
от покойной П. С. Уваровой. Теперь рукопись поступает обратно
в собрание Уваровых, находящееся в Государственном Россий-
ском Историческом Музее в Москве.

Текст былины из собрания П. С. Уваровой представляет тот
интерес, что, как нам кажется, он может пролить некоторый свет на
тексты богатырских сказок и былин, помещенных некогда в изданиях
стяжавшего себе печальную славу „подделывателя“ народного твор-
чества „ученого“ И. П. Сахарова. Дело в том, что публикуемый
нами текст почти буквально совпадает с текстом сказки об Ілье Му-
ромце, помещенным в „Русских народных сказках“ Сахарова, из-
данных в 1841 г. в Петербурге (ч. I) и затем перепечатанным Бес-
соновым в примечаниях к I выпуску „Песен, собранных П. В.

1) Приводим разобранные отрывки: и не д..... вамъ не принять
смерти, а в..... попроситъ въ домъ нашъ выпить..... ше зелена вина. И по
прозбе зятен..... ротили въ домъ Соловія Разбойника. И, не ведая такой злобы,
Ілія Муромецъ, что болшая дочь подняла зную на цепяхъ подворотню и
хотела.... убить до смерти, но Ілія усмотрель.... воротехъ и ударилъ ко-
ннемъ.... дочь.... Ілія Муромецъ не поехалъ въ домъ Соловія и поѣхалъ...

Киреевским" (М. 1868. Примечания стр. IV—XVI). Однако у нашего текста имеется одно характерное отличие от сахаровского: в издаваемом нами списке совершенно отсутствует известный эпизод об освобождении Ильей города Чернигова (ср. сахаровский текст в „Песнях Киреевского“ со стр. VII со слов „а за темными лесами стоит чуден град Чернигов“ и до стр. X, кончая словами „и заехал он, Илья, во темны леса“).

Сахаровские тексты богатырских сказок давно заподозрены в подделке со стороны их издателя. Сам Сахаров отмечал, что богатырские сказки взяты им из „рукописи тульского купца Бельского“, рукописи уже Бессонову (ср. „Песни, собр. П. В. Киреевским“ в. V, М. 1863. Примеч. Бессонова стр. CXXXIII—CXLIII) казавшейся мифической и служившей Сахарову лишь для прикрытия его манипуляций над народно-поэтическим материалом. (Ср. А. Н. Пыпин. История русской этнографии. I. П. 1890 стр. 306—307.)

Покойный А. Н. Пыпин недоумевал—как это Сахаров, уже владевший этим сокровищем еще в 30-х годах не поделился с любителями старины другим ее содержанием и указывал, что „рукописное собрание Сахарова, богатое важными памятниками, перешло потом во владение гр. А. С. Уварова, но не слышно, чтобы у последнего находилась „рукопись Бельского“ и вообще о ней с тех пор неизвестно“ (Ibid. Стр. 308.)

Делавший в 90-х годах обзор всех письменных и устных вариантов сказок об исцелении Ильи Муромца, В. Ф. Миллер (см. „Очерки русск. народн. словесн.“, т. I. М. 1897 стр. 372—373) очень резко отозвался о тексте Сахарова, сказав, „что при всяких соображениях об Илье Муромце сказка Сахарова (которую, к сожалению, слишком часто пользовались) должна быть устранена, как продукт личного сочинительства, хотя и любопытный для характеристики идеи официальной народности 30—40 годов, но негодный для научных заключений“.

В. Ф. Миллер для доказательства своей мысли приводит подробную выписку, как раз из упомянутого нами эпизода об освобождении Чернигова, изложение которого, по словам В. Ф. Миллера, „настолько отзывается обычным приторным стилем Сахарова, что в его (Сахарове) авторстве едва ли может быть сомнение“.

По отношению к издаваемому нами тексту по списку Уваровых нужно обратить внимание на следующие три момента: 1) указанное нами почти буквальное тождество текста с сахаровским, 2) отсутствие лишь эпизода об освобождении Чернигова, эпизода, как раз наиболее заподозренного в сахаровском измышлении, и в 3) нахождение рукописи с этим текстом в собрании Уваровых, куда поступили сахаровские рукописи.

Все это говорит за то, что издаваемый нами список сказки об Илье Муромце имеет несомненное отношение к пресловутому тексту Сахарова из рукописи купца Бельского.

Ближайшее рассмотрение этого текста приводит нас к заключе-

нию, что он составляет искусственную компиляцию различных источников.

1-я его часть — исцеление Ильи взята действительно из широко-популярных сказок. В известных лубочных текстах эпизод чудесного исцеления Ильи — отсутствует. Лишь в одной лицевой лубочной сказке об Илье (Пет. 1839 г.) исцеление уже внесено (ср. В. Ф. Миллер. „Очерки“ I, стр. 371).

2-й эпизод — встреча со станишниками — несомненно взят из сборника Кирши Данилова (О станишниках или разбойниках) и из лубочной сказки, причем стилистические „поновления“ и изменения явно выделяются (ср. С. В. Савченко. „Русская народная сказка“. История собирания и изучения. Киев. 1914. стр. 129—130).

3-й эпизод о бое Ильи с Соловьем Разбойником и о привозе последнего в Киев также представляет из себя прямое перенесение другой былины из того же сборника Кирши Данилова (Первая поездка Ильи Муромца в Киев) и вместе с тем использование лубочного текста (Ср. Савченко, *ibid*).

Наконец, 4-й заключительный эпизод — Илья и Идолище — является стилистической переделкой соответствующего эпизода по „лубочной“ версии историй и сказок об Илье (ср. текст по изданию Афанасьева „Русс. нар. сказки“. Изд. 4, т. IV № 174 или тексты, напеч. в „Песнях, собранных П. В. Киреевским“ т. I. Примеч. стр. XVII—XXII). Этот эпизод особенно сильно подвергся сахаровской псевдонародной обработке.

Если бы мы постарались наложить издаваемый нами текст (или все равно текст Сахарова из его сказок) на указанные сейчас источники, то мы довольно ясно могли бы выделить всю выдающую себя компиляционную технику и стилистическую обработку автора издаваемого нами текста. Мы думаем, что издаваемая нами рукопись есть „творчество“ самого Сахарова. Это как бы первая редакция его сочинения в былинно-сказочном духе. Второй и окончательной редакцией с включением эпизода об освобождении Чернигова является изданный им самим текст в его „Сказках“.

Издаваемый нами сейчас текст проливает, нам кажется, некоторый свет на загадочную рукопись тульского купца Бельского.

В примечании к своим „Сказкам“ Сахаров дает такое описание рукописи купца Бельского: „Эта рукопись писана в пол-лист, скорописью, разными руками в XVIII веке. Впереди всего были почти без разделения помещены былины, а после их сказки. Бельский постоянный житель г. Тулы, как сам сказывал мне, получил эту рукопись из дома Демидова“ (Сахаров. Сказки, стр. 269).

Внешнее сходство нашей рукописи с „рукописью Бельского“ — бросается в глаза. Сказка об Илье Муромце написана на отдельной тетрадке (которая могла бы входить как составная часть в толстый рукописный сборник) в пол-листа, скорописью, разными руками... но не в XVIII веке, а несколько позднее.

Не хотел ли Сахаров этой рукописью, м. б. им специально смастеренной, доказывать, если бы это потребовалось, фактическое существование рукописи купца Бельского.

Сравним слова Бессонова, разоблачившего сахаровские подделки: „дошло до необходимости создать уже какой-нибудь авторитет подобных поправок: это и была знаменитая рукопись Бельского, выведенная Сахаровым в ссылках, но не напоказ, ибо она гораздо более сомнительна, чем Акимовская-Татищевская; и увидеть ее в том виде, как она цитировалась, конечно, мы никогда не увидим“ („Песни, собранные П. В. Киреевским“. Вып. V. М. 1863. Примечания Бессонова стр. СХХV).

Во всяком случае публикуемый нами текст из собрания Уваровых представляет безусловный интерес для уяснения источников сказок и былин в изданиях своеобразного „ученого“ 30—40 годов и в фактическом разъяснении вопроса о подлинности печатавшихся им текстов.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ.

Во славномъ было Городѣ во муромѣ, въ томъ ли селѣ корачаровѣ, жилъ былъ крестьянинъ, по имени Иванъ по отчеству Тимофеевичъ. А и было у него любимое дѣтищѣ Илья Муромецъ, а и то, дѣтище сидело сиднемъ тритцать лѣтъ. Приходило время страдное, наставало пора рабочая, и Илья остался дома одинъ. По божьему велѣнію приходили два калика прохожіе, становились подокошечко косяшное и просили милостыни. И говорятъ имъ Илья: „Нищіе братія взойдите ко мнѣ во храмину, есть у насъ всего много, а подать вамъ нѣкому“. И говорятъ ему калики прохожіе: „Встанька самъ!“ „Сижу сиднемъ я тритцать лѣтъ, а вставать не стану, нѣтъ у меня нирукъ, ниногъ“, проговорить имъ Илья. И говорятъ калики перехожіе ему во второй разъ: „Встанька самъ!“ Илья сидитъ силу пробуетъ, а вотвѣтъ держитъ речъ: „Въсталъ бы я и сила есть, да нѣтъ ногъ“. И говорятъ ему калики перехожіе въ третій разъ: „Въстанька самъ!“ Илья сидитъ силу пробоетъ: тронетъ ногу — нога поднимается, тронетъ другую — другая поднимается, и сталъ вставать Илья наноги, встаетъ Илья поднимается, посередѣ пола становится. И говорятъ ему калики перехожіе: „Сходика за пивомъ да напой насъ“. И взялъ Илья братину великую, пошелъ во подвалы глубокіе, наливаль братину пивомъ крѣпкимъ, и подносилъ каликамъ перехожимъ. „Выпейка самъ“, въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину заразъ. Только и увидели пиво. Говорятъ ему калики перехожіе: „Сходика за пивомъ, да напой насъ“. И взялъ Илья братину болше прежняго, пошелъ во подвалы глубокія, опускался ниже того, наливаль братину пивомъ крѣпкимъ пуше того, и подносилъ каликамъ перехожимъ. „Выпейка самъ“, въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину заразъ. Толо и увидели пиво. И спросали его Илью калики перехожіе: „Слышиши Илья свою силу?“ И молвить Илья: „Слышу“. И спросали его Илью калики перехожіе: „Какъ велика твоя сила?“ И молвить Илья: „Кабы былъ столбъ отъ земли до неба и я перевернулъ бы всю землю“. Стали промежъ себя говорить калики перехожіе: „Много дано силы Ильѣ, земля не снесетъ. По убавимъ силы“. И говорятъ ему калики перехожіе: „Сходика за пивомъ, да напой насъ“. И взялъ Илья братину болше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливаль братину пивомъ крѣпкимъ пуше того и подносилъ каликамъ перехожимъ. „Выпейка самъ“, въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину заразъ, только и увидели пиво. И спросали его Илью калики перехожіе: „Слышиши, Илья, свою силу?“ И молвить Илья: „Поубавилось силы, кабы на сему часть“. Стали промежъ себя калики говорить: „Будетъ съ него“, ипрошались съ Ильєю калики перехожіе.

Приходить отецъ съ матерью въ избу, а нидумано, нигадано стало ихъ дѣтище на ноги крепко, пробоваль силу великую. Отецъ имать съ дивудивовалися, что содѣялось съ ихъ дѣтищемъ съ Ильею Муромцемъ.

И задумаль Илья Муромецъ дѣло великое, дѣлаеть сбрую ратную, куеть копье булатное, седлаеть коня богатырскаго, въходить къ отцу къ матери, просить благословеніе вѣλικое: „Осударь ты, мой батюшка, Осударыня ты, моя матушка, соизволте выслушать слово вѣλικое, позадумалось мнѣ во столный градъ Кіевъ Богу помолитца, князю Владиміру поклонитца“. И билъ челомъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью. И возговорить отецъ съ матерью: „Любимое наше дѣтищѣ, накого ты насъ старыхъ покидаешь?“ И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью пуще того, и даютъ ему отецъ съ матерью благословеніе великое, а благословя кладутъ нанего заповѣдь крепкую и говорятъ таковы речи: „Поезжай, наше любимое дѣтище, прямо на Кіевъ градъ, а будешь въ пути дороженки берегись обиды напрастныя, не проливай крови христіанскія“. И принималъ Илья Муромецъ благословеніе, а принявши, чинилъ отъповѣдь, соблюдать заповѣдь крепкую.

Какъ изъ славнаго города изъ Муромъ, изъ тоголи села Карачарова была поездка богатырская. Снаряжался болшимъ нарядомъ Илья Муромецъ, ко стольному, городу ко Кіему, того дорогою прямоезжею, котора за легла равно тритцать лѣтъ а заложилъ ее Соловей разбойникъ. А не пропускаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пешаго, а побиваетъ онъ Соловей разбойникъ и коннаго и пешаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую проехать ту дорогу прямоезжею, котора залегла равно тритцать лѣтъ, не выимать изъ колчана калену стрелу, изъ налучни тугой лукъ.

И выехалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выехавши завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ следъ поехалъ, и стегаетъ онъ Илья коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается, и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ приехалъ натѣ леса брынскіе, на тѣ мосты калиновы, ко той рекѣ Смородинѣ. И поѣхалъ Илья Муромецъ черезъ тѣ леса брынскіе, чрезъ черны грязи смоленскія, и заехалъ онъ во темны леса, а во темныхъ лесахъ наехалъ онъ на белы шатры, а во белыхъ шатрахъ піръ пировали штанишники, по нашему воры-разбойники. Илью Муромца разгорелись ретивы сердца разбойничьи на коня богатырскаго и стали промежъ себя рѣчь держать, кабы достать того коня богатырскаго; экова коня слыхомъ не слыхать, видом не видать, а нонесъ проявился во очью, да иѣдетъ натомъ конѣ нѣзнамой человекъ. И стали воры разбойники возмущать волницу, кабы достать коня богатырскаго. И облапили кругомъ Илью штанишники, ограбити его стараго хотять, съ душой, съ животомъ разлучить хотять. Какъ завидѣлъ то Илья Муромецъ, какъ завидевши, коня своего богатырскаго останавливаетъ, а самъ говоритъ: „А и гой еси, вы братцы штанишники, убить меня стараго незачто, а взяти у стараго нечего“. Съ Ильею вѣдь денегъ не годилось, толко было снимъ золотыхъ семь тысяччей, да дробныхъ денегъ сорокъ тысяччей, коню подъ Ильею цены не было, броду онъ не спрашивалъ акотора рѣка съ целу, и онъ скачетъ съ берегу на берегъ. И сталъ Илья охранять себя съ душой, съ животомъ, разрушаеть онъ заповѣдь великую, вынимаетъ изъ налука тугой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрелу, а стрелять хочеть Ильи не по штанишникамъ, а по сыру дубу, да по сырой землѣ. Спѣла была тетевка у его туга лука, угодила стрела въ сырѣ краковястой дубѣ, давъ сыру землю, изломала въ черенья въ ножевыя дубѣ, учала рвать землю въ косую сажень. Отъ тоголъ грома богатырскаго штанишники испугалися, а и пять они часовъ безъ ума лежать, а и будто отъ сна проуждаются. Замешалися воры разбойники, собиралися во единъ кругъ и падали на колена до одина.

„Осударь ты мой батюшка, удалъ добрый молодецъ. Не соймай наши буйныя головы, прогрѣшилися мы предъ тобою, возми ты насъ въ холопство вѣковѣчное, дадимъ рукописанье служить до вѣку, бери изъ нашей казны злата и сребра и платяя разноцвѣтнаго“. — „Глупые, вы воры разбойники, возговорить

Илья Муромецъ, „куда мнѣ девать вашу казну, награжу васъ животомъ и жизнію, а вы содержите покорность до моего приезда“.

И поехали Илья Муромецъ ко столпному Городу ко Кіеву тою дорогою прямоезжею, которая залегла равно тритцать лѣтъ а заложилъ ее Соловей разбойникъ и не пропускаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пешаго, и побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, и коннаго и пешаго небоевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую проѣхать ту дорогу прямоезжею, которая залегла равно тритцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрелу изъ налучна тугой лукъ.

(Начинается другой почеркъ.—Б. С.). И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто полѣ, а выѣхавшій завидѣлъ попрыски богатырскія, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а на другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ леса брынскія, на тѣ черны грязи смоленскія, на тѣ мосты калиновы, которой рекѣ ко Смородинѣ. И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ леса брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья во темны леса. И какъ будетъ Илья во темныхъ лесахъ, во темныхъ лесахъ, въбрынскіихъ на ѣзжалъ Илья на девяти дубовъ, а на тѣихъ дубахъ свилъ гнѣздо Соловей Разбойникъ. И какъ слышалъ Соловей Разбойникъ того ли топъ коннаго, и тойли онъ поѣздки богатырскія и засвисталъ Соловей по соловьиному, а во другой зашипелъ разбойникъ по змеиному, авъ третій зрякнетъ по туриному. Со товоли свисту соловьиного, со того ли шипу змеинаго, со того ли зряка туринаго, конь подъ Ильею спотыкается, по одалъ съ пути сбивается, ко гнѣзду ли Соловьиному набѣзжается, а подѣхавши падалъ накукорачъ. Говорить тутъ Илья Муромецъ — „Ай, ты, волчья сыть, травяной мешокъ! Аль ты не бывалъ во пещерахъ белокаменныхъ? Аль ты не ѣзжалъ во темныхъ лесахъ? Аль ты не слышалъ свисту соловьиного, шипу змеинаго, зряку туринаго?“. А Соловей то Разбойникъ пустилъ свистъ во весь крикъ туриной, а нехочетъ онъ Соловей его, Илью Муромца, свистомъ до смерти убить.

Разрушаетъ Илья Муромецъ заповѣдь великую, вынимаетъ изъ налучна тугой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрелу. Кладетъ Илья калену стрелу на другой лукъ, и пускаетъ стрелу въ того ли Соловья разбойника. Спела была тетивка у его туга лука, взвыла дапошла колѣна стрела. И угодила та стрела Соловью да во правую глазъ, со того ли уразу молодецкаго повалился Соловей комомъ насыру землю. Хватаетъ Илья Соловья на бѣлы руки, а сохватавши привязываетъ его, Соловья, которой лукъ коседельный. И проѣхалъ Илья сквозь воровску заставу крепкую, тойли ли дорогѣ прямоѣзжей, которая залегла тритцать лѣтъ. Какъ и ѣдетъ то онъ тѣмъ лесомъ темнымъ, и завидѣлъ палаты белокаменные того ли Соловья подворье великое. Какъ учалъ Илья подѣзжать ко палатамъ белоканнымъ, востретеналъ Соловей и забилъ, а забившись, учалъ молить его, Илью Муромца: „А и бери ты себѣ палаты белокаменные совеликімъ подворьицемъ, а бери ты во тѣхъ палатахъ белокаменныхъ злата и серебра и каменя самоцветнаго сколько хошь. А и пусти животъ навспокаянье“. А Илья то, братцы, удалъ молодецъ, онъ ѣдетъ коподворьицу великому, не спрашаючи, Соловьиной рѣчи не внимаючи.

И подѣзжалъ Илья коподворьицу великому, а и дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ, около двора железной тынь, а на всякой тынникѣ по маковкѣ, а на всякой маковкѣ по голове богатырской. И завидели его поѣздъ Соловьева молодца жена. А Соловьева то молодца жена была баба хитрая и умная, она взбегала на свои терема высокіи, и будила она девять сыновъ: „Мои ясны соколы! не чуете вы беды надъ собой: вашего батюшку везетъ въ торокахъ незнамой челоувѣкъ. Вы берите скорей мои золоты ключи, отмыкайте вы мои окованы ларцы, вынимайте мою золоту казну, выносите золоту казну наширокъ дворъ, вы встречайте удала, добра молодца“. А тутъ ея девять сыновъ просыпались, просыпались, захорачились, не берутъ у ней золоты ключи, не походятъ воподвалы глубокіе, не берутъ ея золотой казны, не встрѣчаютъ удала, добра молодца, а с ху-

домъ свои думушки думаютъ. „— А, и намѣли, братцы, возговорятъ Соловьевы дѣти, встречать не знама мужика? А и намѣли, братцы, дарить незнама мужика золотой казной? Обернемся, братцы, черными воронами, со тѣми носы железными, расклосемъ, братцы, незнама мужика, разбросемъ его тело белое по пустымъ полямъ.

Задумали хидом Соловьевы дети, а дѣла не смогутъ здѣлать: старшей хоронится за моложева. Подѣзжаетъ Илья Муромецъ, ко подворьницу великому. Въ та пора молода жена Соловьева бросилась ко воротичкамъ дубовымъ, сама молится, убивается: „Гой еси, ты, удалъ, добрый молодецъ, бери у насъ золотой казны сколько надобно; отпусти Соловья ко себѣ во дворъ, не вози Соловья во Кіевъ градъ“. — А Илья то братцы, онъ удалъ молодецъ, онъ Соловьеву жену не слушаетъ, золотой казны не пріимаетъ, онъ Соловья ко себѣ во дворъ не пускаетъ. А его то дѣти Соловьевы во окошечки косящаты поглядываютъ, Илью Муромца на задоръ подзадориваютъ. Не долго думаль онъ, Илья, оборотилъ коня, да и поѣхаль прочь.

И выѣхаль Илья Муромецъ во чисто полѣ, а выѣхавши завидель попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхаль. И стегаетъ онъ, Илья коня потучнымъ, а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его первой скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхаль ко дубровнымъ дремучимъ, ко лесамъ заповѣданнымъ, ко тѣмъ лѣсамъ княженецкимъ. Проѣзжаетъ онъ лѣса заповѣданные и скоро тутъ завидель Кіевъ градъ. Пріѣзжаетъ онъ во Кіевъ градъ.

Не ветры буйны во чистомъ полѣ подымались, старъ и младъ во Кіевъ градъ сходились, ктому двору, двору княженецкому, ко тѣмъ теремамъ златоверхимъ. Не пески белосыпучіе по широку полю пересыпались, а удалы молодцы ко князю Владимиру собирались на широку дворъ. Вотъ поры веселья, вотъ то радости великія выѣзжаетъ онъ Илья на дворъ княженецкой, а среди двора княженецкого сходитъ онъ съ добра коня. Самъ привязываетъ добра коня ко дубову столбу. Въ та поры выходилъ изъ терема Воевода Кіевскій, тотъ ли Микула Микитичъ, и выходя со красна крылечка, говорилъ таковыя речи: „А и кто бы таковъ, удалъ, добрый молодецъ? Ты скажи, родимый, какъ зовутъ тебя поимени, какъ величаютъ по изотчествѣ? А какъ ты пріѣхаль сюда, во Кіевъ градъ?“ Не долго думаль онъ Илья, да и молвилъ на крепко: „Калика Перехожій, а пріѣхаль поклониться князю Владимиру“. И вводитъ его воевода Кіевскій во теремъ княженецкой. Входитъ онъ во гридню во светлую; кланяется князю Владимиру со княгиней Апраксѣвною на вселі на четыре стороны. У него, Осударя, у князя стольнаго Кіевского, былъ почестной пиръ, и натомъ пиру много было князей и бояръ, много сильныхъ могучихъ богатырей. Возговоритъ князь Владимиръ, стольный князь Кіевскій: „А и кто бы ты таковъ, удалъ, добрый молодецъ? Ты скажи, какъ звать тебя поимени, какъ величать по изотчеству?“ Кланявшисъ молвилъ онъ Илья: „Изъ того ли города изъ Муромъ, изъ того села Карачаева, Калика Перехожій, Илья Муромецъ“. И подносили ему, Ильѣ, чару зелена вина в полтора ведра. Принимаетъ онъ единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Возговоритъ Владимиръ стольный князь Кіевскій: „Ты скажись, молодецъ, кто твой родъ племень? Порода тебѣ можно мѣсто дать, по племени пожаловать“. Отвѣчаетъ Илья: „Не великъ мой родъ племень, а почестень по міру. Единъ былъ сынъ у батюшки, единъ сынъ у матушки, да и оба живутъ во селе Карачаевѣ, да и оба правятъ міромъ“. — „Ты скажи молодецъ, — какъ доѣхал до стольнаго до города до Кіева“. — „Ѣхаль тою дорогою прямоѣзжею, которая залегла равно тритцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускалъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго“.

Въ та поры во теремѣ пошла молва неудачная: на него то Илью косо посматриваютъ, про него то Илью, худомъ поговариваютъ. Говорятъ тутъ могучіи богатыри: „А и гой еси ты, ласковый Владимиръ князь Кіевскій, красное солнышко нашъ! Въ очахъ дѣтина завирается. А и гдѣ ему проѣхать тою дорогою прямоѣзжею? Залеглали та дорога тритцать лѣтъ отъ того ли Соловья разбой-

ника!“ — Говорилъ тутъ Илья Муромецъ: „Гой еси ты, Осударь, Владиміръ Князь! Кладу голову въ неправдѣ, дай судъ съ расправой на твоємъ широкомъ дворѣ, при старинныхъ старикахъ. Напередъ того посмотри на удалъ Калики Перехожаго: привезъ я къ тебѣ, стольному Князю Владиміру, Соловья разбойника на дворъ“. — Въ та поры пошелъ онъ, Великій Князь съ Ильєю, на широкъ дворъ, смотреть на удалъ Калики перехожаго. Выходили тутъ князья и бояре, и все сильны могучіе богатыри: Сампсонъ богатырь Колывановичъ, Суханъ Богатырь Домантьевичъ, Свѣтогоръ Богатырь и Полканъ другой, и семь братовъ Збродовичи, еще мужики Залешане. Еще два брата Хапиловы и всѣхъ было тридцать молодцовъ безъ одинаго. Идетъ Илья котому Соловью разбойнику и уговариваетъ его Соловья: „Послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! Посвисти Соловей по соловьиному: пошпи змѣй по змѣиному, зрявки зверь по туриному и потешъ Князя съ Княгинею Апраксѣвною“. Засвисталъ Соловей по соловьиному, оглушилъ онъ во Кіевѣ князей и бояръ, зашипѣлъ злодѣй по змѣиному поморилъ онъ старыхъ стариковъ, зрявкалъ зверь по туриному побилъ онъ молодыхъ молодцов. Со тоголи свиста соловьиного и бояре испугалися, и сильны то могучіе богатыри на земь присядали, даикруто ходомъ побранивали. И накурилъ Соловей беды несносимыя: добры кони со двора разбежались, добры молодцы по улицамъ расходилися, молодцы молодушки и все дочери отецкія по теремамъ прятались. А и самъ Владиміръ Князь едва живъ стоитъ со душою Княгиней Апраксѣвной. Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ Князь: „А и гой еси ты, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника: а и эта та шутка намъ ненадобна“. И зато онъ, Илья убилъ его Соловья.

Высоко солнце восходило, выше леса стоячева, широко вода въ непрѣ разливалася, по всемъ полямъ заповѣданнымъ. Выходили изъ Кіева старъ и младъ посмотрѣть на повадку богатырскую. Снаряжались, собирались сильные могучіе богатыри — молодой Добрыня Никитичъ младъ, да мать челоувѣкъ Илья Муромецъ, Добрыня-то, братцы, Никитичъ, удалъ, ясенъ соколъ, онъ побилъ, погубилъ Змѣя Горынчища, освободилъ Кіевъ градъ отъ полону басурманскаго, а и не было ему Добрынь равнаго на сушѣ, а и не было сопротивника на морѣ. Илья то, братцы, мать челоувѣкъ, онъ побилъ, погубилъ, побилъ, погубилъ Соловья разбойника. Освободилъ стольный градъ Черниговъ отъ полону басурманскаго. А и не было ему Ильѣ, равнаго на сушѣ, а и не было ему противника на морѣ.

И поѣхали они могучіе сильны богатыри по дорожкѣ по пробойныя, ко тѣмъ ли горамъ Железнымъ, котомули Окіану глубокому, ко тѣмъ ли лесамъ не проходимымъ. Ъдутъ они день, ѣдутъ и другой, ѣдутъ и третій, а и нѣтъ имъ сопротивника во чистомъ полѣ, нѣтъ поборника по крутымъ берегамъ, нѣтъ повольника во темныхъ лесахъ. Прошло много дней, и много ночей, и идетъ имъ на встречу Калечише Перехожій. Гуня-то на калечищу была во пятьдесятъ пудъ, шляпа-то во девять пудъ, а костыль у калечища въ косу сажень. Какъ завиделъ его Илья Муромецъ и завидевши сталъ напущатися, а и хочетъ опробывать свою силу богатырскую. Возговоритъ тутъ Калечише перехожій: „Не честь богатырская на пущатися на Калечищу перехожаго, не хвала доброму молодцу побивать стара старика. Не чуешь и неведаетъ ты, Илья Муромецъ, что во стольномъ городѣ во Кіевѣ незгодушка учинилася: появился самъ о себѣ силенъ богатырь Идолища Нечестивой. Голова то у него сопивной котель, во плечахъ то коса сажень, промежъ бровей-то борозда со три пяди, промежъ ушей-то пройдетъ калена стрела, а ѣстъ то онъ Идолища по цѣлу быку, а и пьетъ-то попивному котлу. Скорбятъ тугою весь Кіевъ градъ, скорбятъ тугою добры люди, православные, скорбятъ тугою со тоскою Стольный Князь Кіевскій Владиміръ. Нѣтъ во Кіевѣ противника Идолищу поганому“. — Возговоритъ тутъ Илья Муромецъ: „Не скорбѣть бы тугою стольному городу Кіеву, не скорбѣть бы тугою православнымъ людямъ; не скорбѣть бы тугою со тоскою стольному Князю Кіевскому Владиміру, какъ бы былъ во Кіевѣ Добрыня Никитичъ младъ. А и давай ты, Калечища, мнѣ свое платье“. Инаряжался онъ Илья во калечищино платье.

Приходить онъ Илья во Кіевъ, приходитъ онъ Илья, на широкой дворъ къ

стольному Князю Владиміру. Никто-то во Кіевѣ не вѣдаетъ, ни кто то во Кіевѣ не знаетъ его Калечищу. Входитъ онъ Ильа на княженецкой дворъ, а самъ кричитъ: „А и гой еси ты стольный Князь Кіевскій, Ласковый Осударь Владиміръ! Сошли мнѣ Калечищу Перехожему малу милостыню“. — Въ та поры увидалъ его, Илью, Владиміръ Князь, а увидевши, таковы рѣчи говорилъ: „Подика во палаты теремныя: на кормлю тебя яствой великою, напою тебя сытой медовой, надѣлю золотой казною“. Идетъ онъ въ палаты теремныя, а во палатахъ теремныхъ сидитъ Идолище посередъ пола, а самъ проситъ пить, ѣсть.— „А кабы скорѣй быка жаренова“, скоро кричалъ Идолище, скорей того несли во палаты теремныя быка жаренова. Недолго думалъ Идолище; съѣлъ того быка жаренова со всеми костями. Только и видели быка. Кричитъ Идолища: „А кабы скорѣй мѣду сыченова“. Скоро кричалъ Идолище, скорѣй того несли вопалаты теремныя съ краями полны дубовы чаны меду сыченова. Недолго думалъ Идолище: схватилъ чанъ, да и выпилъ весь медъ заразомъ.

Во тѣ-то поры Ильа Муромецъ стоялъ поодаль, и самъ на Идолѣ посматривалъ, посматривалъ, да въслухъ поговаривалъ: „Экова Идолища до сыта не накормишь, до пьяна не напоишь, а кабы жить ему со зверьми, а кабы быть ему со собаки“. На тѣ-то слова извѣстныя Колечище осержается, самъ на Илью воздымается. „Гой еси ты, Колечище перехожій, ты что почто меня замаешь? Ужъ и мнѣ ли молодцу молодому, нечего и въ руки взять? Посвернулъ бы я голову и Илью Муромцу, какбы онъ тутъ былъ. Не было народу мнѣ со-противника, да и тебѣ ли, Колечищу Перехожему, приадумалось стать супротивъ меня? Ино добръ человекъ ты ударъ челомъ мнѣ да и величай по имени и по прозванью“. Не успѣлъ Идолища да молвить словечушка, какъ Ильа-то Муромецъ скидывалъ свою шапочку девятипудовую, а скидавши свою шапочку девятипудовую окликалъ себя Ильей Муромцемъ. Да и покрылъ Идолище своею шапочкою девятипудовую, а самъ приговаривалъ: „Вотъ тебе Идолище чело-битьице“. Подъ тою ли шапочкою девятипудовую Идолище и духъ испустилъ.

Въ та поры стольный Князь Кіевскій Владиміръ Осударь Ласковый, вставалъ изъ задубового стола, а и сажалъ застоль Илью Муромца. На его-то Князя Владиміра ласки приветливыя, на его-то, осударя слова вежливыя, Ильа билъ челомъ, а бивши челомъ, вымолвилъ челобитьице немалое. „Гой еси, стольный князь Кіевской Владиміръ Осударь Ласковый! Спасибо на ласкахъ привѣтливыхъ, есть у тебя князья и бояре и сильны могучіе богатыри. А то-то мѣсто припасено для нихъ, а мнѣ ли стару старику пригоже и поодаль быть“.

Какъ тутъ возговоритъ Владиміръ князь: „Въ моемъ ли теремѣ есть почетъ про князей и бояръ, в моемъ ли изукрашенномъ есть почетъ про сильныхъ могучихъ богатырей, а и нынѣ столь меня про молодца Илью Муромца. Ему то у меня почестъ и почетъ“.

Натѣ то слова вежливыя билъ Ильа Князю Владиміру большимъ челобитьицемъ; помолъ столь, пирушка великая про Илью Муромца.

Со той поры жилъ онъ Ильа во Кіевѣ, стары старики чтили его Илью большимъ почетомъ, молодые молодцы уряжали ему Ильѣ челобитьицы. А живши онъ Ильа во Кіевѣ состарелся, состарелся и переставился. А то старина, а то и дѣянье.

Конецъ оной исторіи.

ОБ ЭСТОНСКОЙ МИФОЛОГИИ ¹⁾.

(По поводу труда проф. М. Эйзена).

Е. Г. Кагаров (Ленинград).

Несколько лет тому назад известный знаток эстонского фольклора, профессор Дерптского университета, М. Эйзен, выпустил в свет двухтомный труд по эстонской мифологии на родном языке (*Eesti mütolooogia I, Tallinnas 1920, 255 стр.*). Первый том этого сочинения появился ныне в немецком переводе Эдуарда Эркеса, причем в настоящем издании, просмотренном и расширенном самим автором, помещены ссылки на источники, опущенные в эстонском оригинале. Ввиду громадного интереса, представляемого финским фольклором для русской этнографии, я позволю себе остановиться подробнее на содержании рассматриваемого труда.

Автор начинает свой труд с характеристики эстонского шаманизма и чародейства, причем подчеркивает, что слово, обозначающее это понятие в эстонском языке (*nõid*), родственно с аналогичными словами в других финно-угорских языках: по лапландски колдун называется *noaidde*, по вогульски — *nojt*, по вотяцки — *nodo*. Любопытно, что финляндских колдунов эстонцы считали более могущественными, нежели их собственные, а в Финляндии полагали, что лапландские чародеи сильнее, чем местные.

Двумя основными источниками мифологических представлений эстонцев Эйзен признает культ покойников и веру в демонов природы.

Культ предков у эстонцев рисуется вкратце в следующих чертах. Еще до принятия христианства с его учением о бессмертии души эстонцы верили в загробную жизнь, которая рисовалась им, как продолжение земного существования. Отсюда стремление доставить душе усопшего безбедное существование на том свете. Эстонец, желая обставить умершего всем необходимым, кладет ему в могилу различные вещи, особенно гребень, нож, иголку с ниткой, деньги и т. д. В русской Карелии найдено в могиле небольшое изображение дома, в точности воспроизводящее архитектуру современного карельского дома. После смерти кого-либо из членов семьи оставшиеся сторожили три дня и три ночи его тело, поддерживали огонь, избегали

¹⁾ М. I. Eisen, *Estnische Mythologie*, aus dem Estnischen übertragen von Dr. Ed. Erkes Leipzig. Harrasowitz, 1925, 223 pp.

шума. Верили, что покойник, если ему будет скучно, может захватить с собой для общества кого-либо из членов семьи. Поэтому, для умиловления покойника на могиле его закалывали какое-нибудь животное, обычно, петуха, ягненка или корову. О поминальных трапезах говорится в одном из памятников XV столетия (постановление церковного собора в Риге 1428 г.).

Автор подробно останавливается на представлениях эстонцев о мертвеце, или, вернее, его духе (Kodukäjad), оборачивающемся иногда животным, на осеннем празднестве в честь душ (Kooljakun), их угощении, а также на мерах, принимаемых эстонцами для обезопасения себя от разгневанной души покойника. Но особенный интерес представляют некоторые категории умерших, например, маррас (мардус, маргус, мардо и т. д.). Это — предвестники смерти или несчастья. По четвергам вечером женщины не пряли, говоря, что если прялка свободна, то маррас сам придет. Во многих местах верят, что в пустой комнате прялка сама начинает прядь, и в таких случаях говорят: „слышишь, как маррас прядет“. Когда вечером куры на насесте кудахчат, то это, по народному верованию, значит, что они почуяли близость марраса. Человек не может его видеть, могут одни лишь куры. Крейцвальд считает название „мардус“ заимствованием из германск. Märtyrer, возникшим под влиянием католицизма. Эйзен не соглашается с этим, указывая на существование в эстонском языке многочисленных вариантов этого слова, которые не могут восходить к германо-латинскому Märtyrer. Профессор Миккола полагает, что слово „маррас“ означает мертвец и заимствовано из иранского цикла. Автор оставляет этот вопрос открытым.

Другую категорию духов подземного мира составляют мана и тоони, встречающиеся в народной поэзии эстонцев. Демонами могилы являются кээбас и калым. Это — хозяйка кладбища. Дочери калыма иногда фигурируют в народной поэзии: парень сеет овес на могильном кургане и обещает жениться на дочери калыма, но забывает о своем обещании и сватается за другую. Тогда дочь калыма, чтобы отомстить ему, останавливает свадебные сани и только, когда жених обещает свою невесту в качестве выкупа, духи отпускают сани. По возвращении домой жених обнаруживает, что невеста мертва: дочь калыма похитила ее душу.

Духи мертвых насылают на живых болезни. Эти болезни нередко олицетворялись в образе человека: так, чума преследует людей пешком или на колеснице. Сказав несколько слов о демонах, насылающих кошмарные сны, luurajaja, профессор Эйзен переходит к характеристике природных духов эстонской мифологии (haldijas).

Вся природа, по представлению эстонцев, населена духами, вносящими жизнь и движение в царство растений и камней, в воды, воздух и т. д. Эстонское обозначение этих духов haldijas, haldjas, halijas вполне совпадает с финским haltija и означает „дух-покровитель“ (англ. guardian spirits). Автор переходит к рассмотрению этих духов по отдельным категориям и начинает с „духов людей“ (inimesehaldijas). Каждый

человек имеет своего духа, который появляется у него в течение первых трех дней после рождения. Поэтому ребенка тщательно охраняют в эти дни и не тушат огонь, чтобы чорт не мог подменить ребенка. С другой стороны существует поверие, что дух людей переходит из рода в род, от поколения к поколению: вот почему внуку дают часто имя бабушки. Дух всюду сопровождает человека, а если с последним случится какое-либо несчастье в дороге, дух сообщает об этом родственникам каким-нибудь знаком. Когда человек спит, дух его отлетает, принимая, обычно, вид мухи, бабочки или другого летающего существа. Нередко дух говорит с человеком во время его сна, дает ему советы и наставления, указывает ему местонахождение клада. В случае нанесенной ему обиды, дух может покинуть человека и не вернуться больше, и даже отомстить ему.

Вблизи от человека находятся также демоны дома, или домовые (*majahaldijas*, *koduhaldijas*). Они получают различные названия: покровители дома (*majavarjaja*), духи дома (*majavaim*), духи двора (*taluhaldijas*), даже хозяева (*majaperemees*). Перед постройкой нового дома испрашивается их согласие, и в случае отказа постройка производится в другом месте. Профессор Эйзен указывает на то, что, согласно смутным данным, образ домового возник из души первого собственника данного дома. В Финляндии верят, что домовый, это — дух первого хозяина или того, кто впервые развел огонь в этом доме. В Эстонии существует мнение, что во многих домах одновременно живут мужские и женские духи дома. Домовые живут не только в обитаемых помещениях, но также в мельницах, ригах и даже церквях. Домовой в общем наделен чертами доброго духа, покровительствующего людям. Жертвоприношение ему заключается в том, что ему наливают какого-нибудь питья в угол, или выставляют на чердак ночью.

Леший (*metshaldijas*) рисуется в народном сознании эстонцев в образе старика с длинной седой бородой из мха, на нем шляпа из бересты и шуба из мха. Впрочем он может принимать и вид лесного зверя. Лешего наделяют семьей, полагая, что у него могут быть сыновья и дочери. Он — существо коварное: любит сбивать человека с пути, дразнить охотников, превращаясь в зверя, скрываться от них. Лешему приносят в жертву ягоды, кости от дичи и прочее.

Сходны со славянскими русалками и греческими нимфами эстонские „дочери Земли“, точнее — хозяйки лесной муравы (*tiigueta*). Мать-Земля представляется старухой, опирающейся на посох, дочери же отличаются неземной красотой. В светлые лунные ночи они любят плясать на широких лесных лужайках. Видеть их можно, лишь помазав глаза волшебной мазью, полученной от колдуна. Если кто-нибудь их подкараулит во время купанья, то Мать ослепит любопытного. Иногда какому-нибудь парню удастся поймать одну из этих дев, и, уведя за собой в дом, жениться на ней, но рано или поздно она возвращается к своим сестрам.

Народные предания рассказывают, что в незапамятные времена

у подножья некоторых гор лежали прекрасные города, которые впоследствии провалились сквозь землю, где жители и до сих пор продолжают свое существование, и откуда и по сейчас иногда слышатся звуки их голосов и пения. Иногда горный дух показывается прохожим в Иванову ночь у подножья горы, приглашая их посетить город. Приглашенный идет по улицам, мимо лавок, наполненных красивыми вещами, окликаемый продавцами, предлагающими ему купить что-либо. Дурных людей туда вовсе не пускают.

Подобно деревьям, камни также имеют собственного духа (*kivihaldijas*), являющегося иногда в виде красивой девушки. Духу камня приносят различные жертвы. Накопившаяся на камне дождевая вода считается священной и ей приписываются целебные свойства: ею лечат глазные болезни и другие недуги. Некоторым духам камня приносятся жертвы для изменения погоды.

Глубоко под землею живут крошечные гномы, — старички с длинной бородой и громадной головою (*härjarõlvased* = „по колена быку“). Они занимаются кузнечным делом и куют мечи, серпы, косы, топоры, золотые и серебряные вещи, но куда они девают свои изделия, — неизвестно. Несмотря на маленький рост, они обладают большою силой и ударяют своими тяжелыми молотами так мощно, что звук их ударов слышен даже на поверхности земли, особенно в ночь под Рождество и под Новый год.

От карликов нужно отличать других подземных духов, являющихся нередко в образе женщин, имеющих на земле крестников, которых они ежедневно навещают, пока напоследок не возьмут с собой в подземные недра. Они питаются, по народному верованию, главным образом, росой. Во время доения коров им проливают несколько капель молока в жертву. Другим видом жертвоприношения подземным духам служит несколько капель пива или щепотка соли. За неимением лучшего можно даже в виде жертвы плюнуть на землю. Прежде чем сесть на землю, нужно трижды плюнуть на нее и сказать: „Земля, не делай мне ничего худого!“

Из многочисленных водяных духов наиболее чтим у эстонцев Нэкк, который живет в море, реках, прудах, колодцах. Автор приводит три народных объяснения происхождения водяного, на которых мы здесь, однако, не можем останавливаться. Людям водяной является обычно в виде мужчины, женщины или ребенка. Узнать его можно по зубам, похожим на рыбы. Чаще мужских водяных духов встречаются женские (*näkineid, näkineitsi*). Это молодые прекрасные женщины с золотистыми, реже — зелеными, волосами, в белых одеждах; эти водяные девы нагими людям не показываются, стыдливо погружаясь в воду при приближении человека. В некоторых местностях рассказывают, что нижняя часть их тела оканчивается рыбьим хвостом. Водяной и русалки любят заманивать человека в воду, а также топить лодки и корабли. Водяной нередко оборачивается лошадью. Рыбаки и прибрежные жители стараются умилиловать водяного жертвами. На острове Хиумаа водяному бросают в жертву камень, предварительно

поплевав на него, произнося: „водяному булочки!“ Дух Нэкк, по мнению проф. Эйзена, не эстонского, но германского происхождения.

Верят эстонцы и в существование духов тумана (*uduhaldijas*), называемых также „королями тумана“, „дочерьми тумана“ и т. д. Когда туман расстилается по земле, то разводят огонь, которого дух тумана боится.

Ветер также имеет своих духов, носящих различные названия. „мать ветров“, „мать бури“, „ветряной старец“.

Погодоу ведают особые демоны, рисующиеся в образе молодых дев (*ilmanen* и друг.). В народе существует много сказаний об их сватовстве. Зимой господствуют дедушка-мороз (Пакане) и его три сына Иней, Холод и Мороз.

Знают эстонцы и духов огня (*tulehaldijas*), которых они считают живыми существами, требующими себе почета: в огонь нельзя плевать и нельзя ногами поправлять поленья. Тушить пожар от молнии можно только молоком, предпочтительно женским. Любопытно, что в Финляндии избегают называть огонь своим именем, подобно тому, как в Эстонии избегают произносить слово медведь, лисица, чорт.

Далее проф. Эйзен обращается к духам производственным, т. е. связанным с различными сторонами хозяйственной деятельности человека. Покровителем скотоводства является у эстонцев Метсик, по мнению Крейцвальда и Видемана — лесное божество (Метс значит „лес“). В книге приводится интересный рассказ из одного памятника XVII столетия об изготовлении чучела в честь этого духа. Зерновые хлеба также имеют собственных духов (*viljaneitsi*). Эстонское название „девы нивы“ показывает, что эти духи рисовались в образе молодых девушек. Древние свидетельства говорят нам, что это были злые существа, появлявшиеся во время жатвы и портившие поля. Однако их возможно умиротворить жертвоприношениями, заключающимися в следующем: берут ведро воды, насыпают в него зерно всех сортов, выносят на поле и кропят этой водой поле по всем направлениям. Кроме того, эстонская мифология знает ржаного волка (*rukkihunt*), горохового волка (*hernehunt*), бобового волка (*oahunt*) и другие образы, напоминающие соответствующих духов германских и романских народов. К той же категории можно отнести полевого деда (*nurmeisa*), духа доброго, покровительствующего полям и стадам.

Далее проф. Эйзен переходит к группе духов универсального, если можно так выразиться, характера. Таков Пеко, культ которого встречается у населения Сетумаа и который является не только божеством хлебопашества, но и скотоводства и даже погоды. Пеко защищает посевы своих почитателей от града, молнии и проливных дождей, охраняет стада от волков и прочих опасностей. Подобно Метсику, восковое изображение Пеко должно храниться в амбаре, и так как на него идет много воска, это изображение делается на известную группу лиц, или даже на всю деревню и переходит от хозяина к хозяину по жребию. Карл Крон сопоставляет Пеко с исландским Беггвир, фигурирующим в северной мифологии в каче-

стве слуги богини плодородия Фрейи: недаром в шведском языке слово „bjugg“ и поныне обозначает ячмень.

Особое место занимает в эстонской демонологии так называемый „огненный хвост“ (tulihänd), существо, доставляющее своему хозяину всевозможные блага, которые оно таскает у соседей. Летая, он оставляет после себя огненный след. Эстонцы верят, что его можно изготовить человеческими руками, в течение трех четверговых вечеров, из старых тряпок и тому подобных вещей, придавая ему внешность животного. Хозяин должен кормить его, главным образом кашей с молоком. У южных эстонцев этот своеобразный фетиш получает наименование „pisuhänd“. Автор ищет происхождения этих верований в Швеции.

К категории злобных духов относится, по представлениям эстонцев, чорт, принимающий различные названия, Колль и Тонт. Колля народ представляет себе в виде зверя с длинной шерстью и большими зубами, или копыта сена с горящими глазами. Со страшным треском вламывается он в дом и похищает все живое, исключая черного петуха. У других финно-угрских племен встречаются аналогичные представления и наименования, и проф. Сетэлэ, на этом основании, относит образ Колля к эпохе общезинского единства. Из домового развился с течением времени особый злой дух Тонт, в котором Видеман усматривает общее обозначение злых духов.

Вся природа, по представлению древних эстонцев, была одушевлена, наделена особой таинственной жизнью. Небо, посылающее людям дождь и засуху, холод и тепло, более, чем остальные явления природы, служило предметом олицетворения и культа. Эстонцы очень рано стали обозначать животворящую силу, исходящую от неба, именем Юмал. Родственные слова встречаются почти во всех финно-угрских языках. Вопрос о первоначальном значении этого слова является спорным. Долгое время господствовало в науке предположение Кастрена, разделяемое Паасоненом и Компаретти, согласно которому это слово образовано от „jum“, обозначающего отдаленные глухие раскаты грома, и „la“ — место. За последнее время возобладало другое объяснение, предложенное Буденцом и Сетэлэ, по которому в основе имени „Юмал“ лежит финно-угрское „juma“, означающее добрый, хороший. Окончание же la есть словообразовательный суффикс. Имя „Юмал“ стало обозначать впоследствии божество вообще. Излюбленным местопребыванием их считались деревья. В западной Нигуле росли два вяза, называвшиеся старинными богами, а в Хиу-Кёпу показывали липу, носившую название бога. Равным образом обителью божеств считались камни. В некоторых местностях Эстонии (Сетумаа, Краасна) божество называется „Пуслик“, что, повидимому, является искажением русского: „божий лик“.

Верховного бога, живущего в небе, древние эстонцы знали под многочисленными другими именами: Ванайса, Ванатаат, Ванамеес, Уку. Если первые три названия совершенно прозрачны (Ванайса означает старший отец, Ванатаат—древний старец, Ванамеес — старший

человек), то последнее представляется не вполне выясненным (Е. К.): по Кастрену, финскому Укко соответствует венгерское Агк — старик, у якутов — Ага — отец (то же у восточных турок). Любопытным пережитком старинного культа Уку в Эстонии являются так называемые Uku vakad, т. е. берестяные корзины, в которые клали пищу и питье для бога Уку, и которые были обязательны в каждом доме.

Двойником Ванайса и Уку является Таара, упоминающийся еще в летописи Генриха Латыша, хрониста XIII века, под именем Таара-пита, что, на самом деле, означает: Таара авита — „Таара помоги!“ Это — могущественный бог грома и молнии, живущий на небе или в священных рощах, где ему приносились на каменных алтарях жертвоприношения. Тааре посвящен был четверг. В этот день в его рощах справлялись в честь Таары празднества, особенно, в летние ночи. Жители Хиумаа приносили жертву на церковной площади обнаженными, причем хватались за ножи и старались поранить друг друга, так чтобы показалась кровь, которая и считалась жертвоприношением богу. Несмотря на большое сходство эстонского Таара со скандинавским Тором, проф. Эйзен не находит возможным считать первого заимствованием у германцев, т. к. у многих финно-угрских племен имеется божество, сходное с Таара: у лопарей — Турмс, у вогулов — Таром, у остяков — Торем и Турум, у чувашей — Тора.

В следующем параграфе мы находим характеристику божеств грома и молнии Кюу и Пиккер, из которых первое представляется стариком, а второе молодым мужчиной, его сыном. Не останавливаясь подробно на этих образах, как и на известных из Калевалы и Калевипоег героях эпоса Ванемуйне, Ильмарине, Леммекюне и т. д., перейдем к оценке разбираемого нами труда проф. Эйзена.

Перед нами первый опыт реконструкции мифологических представлений эстонского народа, характеризующейся полнотой содержания, трезвостью взгляда и осторожностью выводов, основанный на долголетнем и тщательном изучении первоисточников, в большинстве случаев — собственноручных записей автора. Эти источники, опущенные в эстонском оригинале книги, восстановлены в ее немецком переводе, что придает последнему особую научную ценность. Как строго проверенный инвентарь эстонской мифологии, как добросовестно выполненное собрание материалов, извлеченных из неопубликованных еще рукописных источников, книга проф. Эйзена является положительно незаменимым пособием. Но есть в ней существенные недостатки. Прежде всего расположение материала нельзя не признать крайне неудачным. Автор не делает попытки разобраться в собранных им многочисленных данных по эстонской демонологии, установив определенные группы или категории в мире духов, например: 1) духи явлений и стихий природы, 2) духи-покровители различных областей материальной культуры, 3) духи родовые или семейные, возникшие на почве культа душ предков, 4) демоны болезней, кошмарных снов, безумия и т. д. Далее, мы не находим в книге эволюционного подхода; автор почти никогда не стремится наметить ос-

новные моменты и стадии развития тех или иных мифологических представлений и не показывает, как одни формы выросли из других. В спорных вопросах о происхождении того или иного образа или его названия автор обычно воздерживается от изложения своего собственного взгляда, ограничиваясь сопоставлением высказанных ранее гипотез. Сравнительный материал приводится лишь в редких случаях и исключительно из области финно-угрской мифологии. А между тем, некоторые из эстонских народных верований, несомненно, могли бы получить лучшее освещение при помощи аналогий и параллелей: так, эстонские гномы „величиною с ладонь“ (пакапикумехед) напоминают греческих дактилов, крошечных гениев земли „величиною с палец“. Запрещение произносить определенные слова, как „медведь“ (у эстонцев — медовая лапа), „волк“ (запачканное рыло), „чорт“ (старый язычник) и т. д. находит в себе соответствие в так называемом словесном табу, распространенном чуть-ли не у всех народов земного шара, как показывают многочисленные примеры, собранные Фрезером в его *The golden Bough*, I³, (глава 6: *Taboold words*, стр. 318—418), вообще многие народные поверья и обряды эстонцев сходны с верованиями и обрядами других народов. Наконец, недостатком книги Эйзена является отсутствие строгого разграничения идеологического влияния отдельных культурных циклов (германского, восточнославянского, балтийского) на эстонскую мифологию.

Несмотря, однако, на указанные недостатки, труд проф. Эйзена представляет собою, несомненно, крупное явление в области изучения религий древних эстонцев: огромный материал, собранный автором, который больше, чем кто-либо другой, был подготовлен к своей задаче, материал, подвергнутый строгой критической проверке и тщательному отбору, послужит могущественным толчком для дальнейшего развития эстонской мифологии, как науки. Появление разбираемого труда составляет поворотный пункт в истории научной разработки данной области. В этом — основное значение вдумчивого и добросовестного труда проф. Эйзена.

ПО ПОВОДУ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ ПРИМИТИВНЫХ СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ ДРЕВНИХ ЦЕХОВ И ЦЕХОВЫХ СКАЗАНИЙ (РИСАЛЯ).

М. Андреев (Ташкент).

Судя по тому, что приходится и теперь еще наблюдать в виде остатков и реликтов в наиболее глухих арийских углах Средней Азии, вероятно, почти всякое искусство, ремесло было окружено, насыщено в глубокую старину ореолом небесного происхождения, являлось для занимающихся им настолько священным, к чему и теперь еще набожные люди приступают не иначе, как с молитвой к небесному патрону, покровителю. И не только верили в происхождение, но и в постоянную связь у занимающихся с этим божеством, патроном данного ремесла. К нему обращались за помощью, за разрешением начать работу и пр. Его ублажали с этой целью жертвами, что сохранилось еще во многих случаях и сейчас в измененном виде. В долине Варзоба (в Восточной Бухаре), например, токари, выделяющие деревянные чашки, приносят жертву своему патрону, раздавая бедным хлебные лепешки, но называют это словом „буйи“, т. е. „курение“, где ясно, по моему мнению, еще сохраняется след сожигаемых в древности жертв, запах которых приятно щекотал обоняние божества ¹⁾).

В самых древних доступных формах это мне встретилось в Ягнобе (записи Е. М. Пещеревой, ездившей со мной), где, видимо, духами-покровителями в молочном хозяйстве считались местные высокие горы Мирварз и Антарварз. К ним в молитве и заклинаниях о даровании удоев и сейчас еще потихоньку обращаются женщины-хозяйки в некоторых обрядах. Имеются и варианты. В Ягнобе и в других некоторых местах священной, порождающей изобилие, рост, силу, считается первая дождевая вода от весеннего облака (древне-арийское представление об облаке-корове в Ср. Азии тоже имеется). Ею хозяйки моют подойники, кропят в закромах, смачивают головы детям и пр.

У земледельцев — тоже свой особый патрон: Бобб-і Діһкѳн — „Дед-Земледелец“. К нему обращаются с молитвами, ему приносят

¹⁾ В долине Хуф (верховья Панджа) совершается такое же „курение“ более осязательно. По четвергам и пятницам при совершении поклонения домашнему очагу в него кладется трава „ситірах“, намазываемая маслом, как курение, угодное угодникам, ангелам и духам предков (последние пользуются среди таджиков большим почетом, чем угодники).

жертвы. В особенности сильно это выражалось в типичных обрядах, сопровождающих пахоту, посев, а также сбор урожая. Как передавали горные таджики из Каратегина, в старину, по рассказам стариков, не только первый раз плуг выводился в поле особым стариком, носившим название Деда-Земледельца, пропахивавшим, подобно китайскому императору или сиамскому временному королю, первые борозды для ознаменования начала пахоты, но что даже „на весь мир“, известный предкам теперешних каратегинцев, имелся один такой Дед-Земледелец, который назначал по отдельным селениям своих представителей, которые тоже назывались Дедами-Земледельцами. И теперь таджик, в горах и равнинах, собирая свой урожай, отделяет соответствующую часть, которая называется „доля Деда-Земледельца“ (حق بابای دحقان) и раздает ее теперь, обычно, уже нищим.

Точно так же в железном деле. В глухой долине Ванча (верховья Аму-Дарьи) кузнецы, считающие себя сословием, непосредственно стоящим под покровительством св. Давида (исламизированная форма таджикского Гефеста) приходят к таджикам, имеющим доменные печи и плавящим первобытным способом из руды железо, требуя и получая с них долю св. Давида. Это наблюдается и в некоторых других ремеслах и занятиях.

В отношении к железу в верховьях Панджа довольно ясно называются многие первобытные формы верований и отношений. При выплавке железа в Рушане, например, к доменной печи не подпускают людей, заподозренных в нечистоте (например, имевших недавно половые сношения с женщиной). Раскаленное железо там же применяется при ордалиях (в долине Хуф). Для этой цели обвиняемый предварительно купается, чтобы предстать чистым для обряда. Подходит к кузнице голым, за исключением небольшого передника кругом бедер. Он почтительно целует 3 раза наковальню и кладет затем пред нею 3 земных поклона, после чего приступают к предварительному испытанию. Если налитая в небольшом количестве вода в котле, под который подложены абрикосовые дрова, закипит сразу и будет бурлить, переливаться через край — признак виновности, если тихо будет кипеть — невинности. Если выяснилась виновность, то приступают к дальнейшему испытанию раскаленным железом. Вытаскивают из горна раскаленную полосу, счищают белый налет и подают обвиняемому. Последний, обращаясь к пророку Давиду, говорит: „св. Давид, будь справедлив и не сожги понапрасну: я не делал этого дела“. Затем берет полосу правой рукой и мешает воду в котле три раза, после чего берет в левую и делает то же самое и показывает затем руки. Если обвиняемый смог все это сделать — он прав, если нет — виновен, что выяснил св. Давид.

Положительно каменным веком, недоверием к вновь появившемуся железу веет от обычая, про который мне рассказывали в Ишкашине (верховья Панджа). На афганской стороне, в Зебаке, в сел. Горив имеется обычай, согласно которому после того, как произведены весною посевы, все железные предметы тщательно укладываются и до

них не дотрагиваются вплоть до наступления жатвы пшеницы, когда вынимаются серпы и разрешается употребление всякого железа вплоть до новых посевов. Даже ячмень, поспевающий раньше пшеницы, жнётся серпами из рогов диких горных козлов (подробнее описано мною в „Ишкашим и Вахан“, Сборник. музея антр. и этногр., В. IX, СПб, 1911 г., стр. 26—27). Здесь недоверчивое отношение к железу сказывается ярче, чем в избегании железных бритв при бритье римских и сабинских жрецов, брившихся бронзовыми, а также в обычном запрете вносить железо в греческие святилища и в других известных обычаях.

Как многие древние языческие святыни, находившиеся например при истоках рек, в особенности при горячих ключах, при столкновении с исламом могли сохраниться, только приняв мусульманскую окраску, точно так же и многие древние обычаи и верования в Средней Азии уцелели только таким же образом. Характерно, что для удобства такие святыни, превратившиеся потом в мазары, были наделены часто очень мифическими (для данного района, по крайней мере) и очень отдаленными по времени библейскими святыми. Или это мазар многострадального св. Иова (حضرت ایوب پیغمبر) при горячих серных источниках в Желалабаде (Фергана,) или Еноха („Идрис Пайгамбар“) у горячих ключей в верховьях р. Ангрена, или пророка Давида в истоках ходжентской речки Ходжа-Бакырган и пр. Точно, так же и с древними патронами разных ремесел и занятий. Бѣбѣ-і Діһкѣн („Дед-Земледелец“) превращается в мусульманских рисаля в праотца Адама, научившего людей земледелию. Патрон кузнецов — в упомянутого выше пророка Давида; патронесса прях, называемая подобно русским „Матушке Среде“ и „св. Параскеве Пятнице“, тоже тем или иным днем недели, а в некоторых глухих местах известная все еще, как Діw-і Сафід („Белая Богиня), превращается в народных исламизированных верованиях в св. Фатиму и св. Зуһрѣ (хотя в действительности „Зуһрѣ“ — только эпитет Фатимы). В писанных же средне-азиатских рисалях, составленных позднее, она фигурирует, как тетка популярного в Средней Азии бухарского святого Баһѣд-Дина.

Таков, по моему мнению, в кратких чертах процесс слагания существующих сказаний о происхождении того или иного ремесла, где древние представления, вероятно постепенно, модернизировались (ведь представляется же теперь Индра в одном записанном мною сияпушском гимне, сложенном в его честь, щеголяющим в жилете с золотыми часами и в золотых очках). Преследования религиозные заставили вставить имена новой религии вместо старых божеств, и старое почитание, связанное с тем или другим ремеслом, продолжалось под мусульманской окраской, постепенно слабая в формах и силе.

Это отразилось, конечно, не на одних только патронах ремесел; древняя турецкая богиня Умай, соответствующая в некоторых случаях римской Люцине по своим функциям, и известная еще и в настоящее время среди средне-азиатских турецких народов в некоторых

местах, как Умай-Ана (Мать Умай), среди семи-реченских киргизов в окрестностях Пишпека (все еще кое-где, как мне передавали, потихоньку имеющих идолов и мажущих их салом, принося жертву), превращается в Умар-Ана, т. е. исламизируется заменой, очевидно, подсказанной созвучием, где Умай заменяется арабским Умар (عمر). В известных мне материалах процесс исламизирования древних божеств, покровителей ремесел, помоему, очень ясно сохранился среди существующих еще и в настоящее время в Средней Азии верований в упомянутую выше патронессу пряж, называемую в Туркестане обычно Бибі Се-Шамбё (Госпожа Вторник), но также известную в разных местах и под названием других дней недели. Некоторые сведения о ее культе мною изложены в отдельной статье под заглавием: „Средне-азиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева Пятница. Діw-i Сафід“. („По Таджикистану“ — краткий отчет по экспедиции 1925 г., в. I. — Изд. о-ва для изучения Таджикистана. Ташкент, 1927, стр. 60 — 76.)

ЭТНОГРАФИЯ НА III ВСЕТИХООКЕАНСКОМ НАУЧНОМ КОНГРЕССЕ В ТОКИО В НОЯБРЕ 1926 г.

Л. Я. Штернберг (Ленинград).

Всетихоокеанские научные конгрессы явление совершенно новое и весьма своеобразное. Зародились они всего шесть лет тому назад. Честь инициативы в этом деле бесспорно принадлежит маленькому городу Гонолулу на Гавайских о-вах. Здесь еще в 1898 г., по инициативе Б. П. Бишопа (В. Р. Bishop), основателя музея, носящего его имя, был разработан широкий план исследования Тихого океана, и тогда же снаряжен был целый ряд тихоокеанских экспедиций, а в 1907 г. там же был основан особый Научный институт, ставящий своей целью „изучение Тихого океана и использование результатов для блага человечества“. После этого на целом ряде самых различных конгрессов в Америке и Австралии все более и более выдвигалась серьезная необходимость в координированной международной работе в этом направлении, и, наконец, в 1920 г., по предложению Национального исследовательского института Соединенных штатов, в Гонолулу, там, где впервые зародилась идея изучения Тихого океана, был созван первый Всетихоокеанский конгресс.

Конгресс этот, ввиду новизны своих задач, носил преимуществу организационный характер, и то, что на нем преобладали представители научных и общественных кругов Гавайев, наложило отпечаток на всю дальнейшую работу конгрессов.

По своему географическому положению, в самом центре Тихого океана, Гавайи представляют как бы срединное звено между востоком и западом, между Восточной Азией и Америкой, а маленькая столица этих островов, Гонолулу, своего рода микрокосм всех рас Тихого океана, начиная с коренных полинезийцев, продолжая японцами, китайцами, корейцами и кончая представителями самых различных народов белой расы, и, что самое главное — в этом маленьком, кстати сказать, экономически цветущем интернационале нет ни расовых предрассудков, ни расовых антипатий, ни политической и интеллектуальной гегемонии белой расы. Здесь-то, где в атмосфере собственного благополучия особенно остро ощущалась ненормальность междурасовых и международных отношений в странах Тихого океана, и зародилась мысль объединить в работе конгрессов научные и гуманитарные цели — путем организации международного научного сот-

рудничества создать атмосферу международной симпатии и общей работы на благо всех народов Тихого океана.

С американской практичностью организаторы первого конгресса сумели вложить в эту идею вполне конкретное содержание.

Совершенно правильно на первый план была выдвинута проблема, связанная с крайней перенаселенностью стран Дальнего Востока Азии, проблема консервации и более совершенного использования производительных сил (охрана водных богатств, научная селекция культурных растений, усовершенствование культуры риса, сахарного тростника, горное дело и т. д.). Далее, такие проблемы, как вопросы сейсмологии и вулканологии, океанографии, борьба с тропическими болезнями и т. п., проблемы, одинаково близкие всем народам Тихого океана.

Второй конгресс, собравшийся в Австралии, гораздо более многочисленный и разнообразный по своему составу, еще более углубил гуманитарную тенденцию работ конгресса. Достаточно сказать, что среди резолюций на первом месте фигурировал тезис, что „главная неотложная проблема Тихого океана — изучение способов сохранения здоровья и жизни туземцев“. Этот вопрос, действительно, особенно остро волнует и колониальные правительства и общественное мнение.

Налицо два поразительных факта: с одной стороны — страшная картина вымирания населения Океании в прошлом, и с другой — блестящий успех мер, которые в некоторых местах не только остановили процесс вымирания, но вызвали быстрый рост туземного населения.

На о. Самоа, например, за последние 20 лет, благодаря мерам правительства, туземное население возросло на 42%. И подобные меры начинают теперь применяться и в целом ряде других мест (Фиджи, Таити, Филиппины, Ява), так что вопросы туземной политики приобретают первостепенное значение.

Еще более ярко и широко гуманитарная тенденция была выдвинута на настоящем, III Конгрессе, широко организованном на средства и при горячем содействии правительства Японии.

Цели этого, как и всех будущих конгрессов были сформулированы в двух основных положениях: 1) „Пробудить и споспешествовать сотрудничеству в разработке научных проблем, связанных с Тихоокеанским кругом, и преимущественно тех из них, которые особенно важны для благосостояния и благоденствия (prosperity and wellbeing) народов Тихого океана и 2) пробудить чувство братства и укрепить узы мира среди народов Тихого океана“.

То, что настоящий Конгресс собрался в Японии, сразу придало ему характер крупного международного события. Съехалось более 600 членов, в том числе свыше 200 иностранных делегатов, представителей 15 стран: Великобритании, Франции, Соединенных штатов, Канады, Голландии, СССР. Совершенно автономно и равноправно были представлены доминионы и колонии, как Пануа, Новая Гвинея, Новая Зеландия, Филиппины и т. д. СССР был представлен специаль-

ной делегацией Академии наук и научных учреждений Дальнего Востока, в общем в количестве 8 человек представителей различных отраслей знания. Но и качественно Конгресс был достаточно импозантен.

Те специальности, которые более всего имели отношение к Тихому океану, как океанография, сейсмология, геология, горное дело, морская фауна, агрикультура, были представлены учеными мировой известности, как Воган, Грегори, Лакруа (непременный секретарь Парижской академии наук) и т. д.

В организационном отношении, равно как в отношении внешних удобств для членов Конгресса, радушия и гостеприимства — Конгресс этот, по единодушному отзыву всех участников, превзошел все ожидания. По справедливости можно сказать, что вся Япония, начиная с правительства и кончая всеми классами населения, приняла самое горячее участие в благоустройстве Конгресса. Правительство не щадило средств, научные организации самоотверженно в течение трех лет работали над подготовкой Конгресса до мельчайших деталей, а все классы населения наперерыв выказывали свои чувства гордости и радости — видеть в своей стране впервые международный праздник науки.

Три недели продолжались заседания и научные экскурсии в самые отдаленные части страны, и все это время члены Конгресса не только были на изживении своих гостеприимных хозяев, но были окружены трогательной атмосферой заботливости, которая одинаково свидетельствовала и об организаторском таланте, и о подлинно рыцарском отношении. Недаром так часто в речах фигурировало изречение Конфуция о том, что нет большей радости, чем встречать друзей, приехавших издалека...

Но, быть может, самая замечательная и заслуживающая подражания особенность Конгресса — это рациональная организация его работ. Еще на предыдущем Конгрессе в Австралии была выработана планомерная программа вопросов, которые должны фигурировать на следующем Конгрессе, причем разработка каждой группы вопросов была возложена на определенных лиц. Нынешний Конгресс пошел еще дальше. Конгресс превратился в перманентную ассоциацию с соответствующими секциями, которые в промежутке между сессиями конгрессов должны разработать вопросы, поставленные им предыдущим конгрессом. Этим раз навсегда устранился обычный хаос беспорядочных докладов на конгрессах.

II.

Оставляя своим русским товарищам натуралистам делиться своими научными впечатлениями по соответствующим статьям знания, перехожу к тому, что может интересовать этнографа.

Прежде всего должен сказать, что благодаря утилитарной тенденции Конгресса, до сих пор вся обширная область гуманитарных

наук, связанных со странами Тихого океана,—такие дисциплины, как языки, религии, искусства и, вообще, культура Востока в обширном смысле слова,—осталась совершенно вне поля зрения инициаторов Конгресса. Этнография, таким образом, осталась в блестящем одиночестве, для нее даже не было создано особой секции, и она фигурировала на Конгрессе, как подсекция отдела биологии. И только на последнем общем собрании русский делегат-этнограф поднял вопрос об учреждении самостоятельной секции гуманитарных наук, в которую вошла бы и этнография, но решение этого вопроса было отложено до следующего конгресса.

Впрочем, в своем скромном звании подсекции, наука о человеке дала очень многое своим соучастникам. Прежде всего, это было поучительное rendez-vous работников самых отдаленных частей Тихого океана. Огромный интерес представляли прежде всего местные ученые Японии. Крайне поучительно было встретиться с такими выдающимися деятелями, как маститый антрополог (Koganei), бодрый еще старик, до сих пор неутомимо работающий в своем антропологическом институте и руководивший нашими антропологическими экскурсиями; далее, назовем неутомимого этнографа и археолога, исследователя Японии, Кореи, Сахалина, Курильских о-вов, Формозы и, наконец, Монголии д-ра Torii; ояпонившегося англичанина — д-ра Bachelar, в течение 50 лет изучавшего автохтонное племя Японии, айну, или такую замечательную личность, как профессор Янагида (Kurro Yanagida), пламенный пионер научной этнографии в Японии, президент краеведческого общества и редактор единственного специального этнографического журнала; и многих других полезных деятелей, перечислять которых было бы очень долго.

Другие страны Тихого океана прислали своих компетентнейших исследователей. Упомяну известного географа-социолога, профессора университета в Сиднее Гриффита Тэйлора (Griffith Taylor), известного знатока Полинезии, профессора Macmillan, Brown'a из Н. Зеландии; главного судью в Папуа, 30 лет проводшего в Новой Гвинее, сэра Н. Murrey, директора исследовательского института в Маниле на Филиппинах W. Brown, профессора социологии в Батавии B. T. Schrieke; исследователей Полинезии, этнологов из Bishop Museum в Гонолулу, супругов Handy и целый ряд других лиц, личное общение с которыми давало гораздо больше, чем многие томы описаний или доклады на Конгрессе.

Среди докладов, например, совершенно отсутствовали доклады по культуре, так как программа Конгресса выдвинула лишь антропологию и междурасовые вопросы. И я лично с чрезвычайной признательностью вспоминаю свои беседы с упомянутым профессором Янагида и русским японистом, давно живущим в стране, профессором Невским, специально занимающимися шаманством, первый в северной Японии, второй — кроме того еще на островах Лиу-Киу. Для меня сообщенное ими было настоящим откровением. В литературе, в том числе и японской, их материалы еще не опубликованы.

Японцы более склонны к наукам точным, поэтому много занимаются физической антропологией и археологией; этнография пока в некотором пренебрежении. Из гуманитарных наук, правда, в большем почете история Японии, да еще буддизм, но народная религия мало кого интересует. А между тем, кто мог думать, что Япония — типичная страна шаманства, и притом совершенно своеобразного шаманства. Оно до настоящего дня настолько распространено, что правительство содержит целый ряд духовных семинарий, выпускающих квалифицированных шаманов (так называемых мико), третируемых в духе шинтоизма, который, несмотря на все старания правительства сублимировать его, недалеко ушел от шаманства. У одной из представительниц шаманства, молодой женщины, окончившей такую школу, я в Хакодате даже попробовал „лечиться“ и, конечно, с большим успехом... для своего этнографического просвещения.

III.

Перехожу к докладам.

По численности преобладали доклады чисто антропологические. По антропологии Японии наиболее выдающимся явился доклад профессора токийского университета Матсамуры о географическом распределении головного указателя в Японии¹⁾.

Согласно этому докладу в Японии 57% короткоголовых, среднеголовых 37%, а длинноголовых всего около 5%. Формы эти своеобразно распределены. В одних районах мы находим население с совершенно однородным типом, в других, наоборот, типы перемешаны; но самое интересное это то, что высшая вариабельность концентрируется специально в западной части Японии, в то время как в северо-восточной части эта вариабельность резко понижена. Этот странный факт докладчик объясняет исключительно тем, что западная Япония с древнейших времен была наиболее культурной частью страны. Отсюда важный вывод, что головной указатель способен изменяться в зависимости от культуры (более культурные элементы будут различаться по указателю от менее подвергшихся культуре) — вывод, являющийся еще одним серьезным ударом по ортодоксальному догмату о неизменяемости головного указателя.

Из докладов по другим областям Тихого океана отмечу прежде всего доклад профессора Гриффита Тэйлора, в котором он сообщает, что в сев.-зап. Австралии ему удалось констатировать огромное распространение среди женщин и детей индивидов с желтоватым цветом волос, факт опять-таки подтверждающий крайнюю вариабельность антропологического типа австралийцев.

Д-р Н. Vylmer, участник голландской экспедиции в централь-

¹⁾ Доклад этот — резюме обширной монографии, составленной на основании большого материала и обработанной по новейшим методам. Напечатан под названием „On the Cephalic Index and Stature of the Yapanese and their Local differences; b Journal of the Faculty of Science, Section V. 1925.

ную часть Новой Гвинеи, дал на основании как личных наблюдений, так и литературных данных, интересную характеристику папуасской расы, соединяющей в себе черты с одной стороны негритосской, с другой — кавказской расы, с полным отсутствием черт монгольских. И что для расовой проблемы Тихого океана вообще, и по моему мнению, для проблемы аинской в частности, очень интересно, это то, что черты, которые доклад называет кавказскими, именно, волосатость тела, длинные бороды, длинный и орлиный нос — отнюдь не ограничиваются папуасами, а встречаются в той или другой степени среди полинезийцев, индонезийцев, австралийцев и дравидийцев. Напрасно только докладчик во что бы то ни стало эти черты признает внесенными извне представителями кавказской расы: волосатая раса могла быть и автохтонной.

Из других антропологических докладов упомяну еще работу профессора Saseba по кранио- и остеологии Микронезии, приведшую его к выводу, что резко выраженная ортодолихоцефалия и другие остеологические особенности микронезийцев свидетельствуют о ближайшем родстве их с меланезийцами.

По доисторической археологии исключительный интерес представил доклад о последних (1926 г.) раскопках на Филиппинах. В 95 км от Манильи, в местности отныне исторической, Novuliehes была открыта обширная площадь с пятью культурными горизонтами: два — каменного века, два железного, один с глазурованной керамикой. Первые четыре горизонта чрезвычайно близки соответствующим горизонтам Индии и Бирмы, последний связан с Китаем. Нижний горизонт каменной культуры относится к мезолиту и раннему неолиту и может быть отнесен к эпохе за 3000 лет до нашей эры.

Самый верхний горизонт восходит к суньской, юанской и мингской династиям. Открытия эти, совершенно изменяющие наши прежние хронологические представления о миграциях в Тихом океане, раскрывают совершенно новые перспективы на историю Малайзии.

Целый ряд докладов был посвящен наиболее интересной для Японии проблеме о происхождении автохтонного племени Айну, программе, которая с давних пор волнует мир антропологов, до сих пор не пришедших еще к единодушному решению.

К сожалению, почти все докладчики подходили к вопросу теми же методами, какими ученые и раньше безуспешно пытались решать эту трудную проблему, принимая за критерий либо антропологические данные, либо лингвистические сближения — особенности, которые, изолированно рассматриваемые, ничего доказать не в состоянии и неизбежно приводят, как и приводили раньше, к самым различным решениям.

Д-р Bachelar, бесспорно лучший знаток аинского языка и культуры, исходя из немногих сомнительных топонимических сближений из территории Айну и Сибири, доказывал, что Айну пришли из Сибири и принадлежат к кавказской расе.

Проф. Macmillan Brown, единственно на основании некоторых фонетических сближений первых трех числительных в айнском и индо-европейских языках, пришел к заключению о принадлежности Айну к индо-европейской группе народов, от которых они отделились задолго до возникновения санскрита, причем указывал даже, к какой группе индо-европейских языков нужно причислить айнский язык, именно к группе Kantum.

Профессор сравнительного языкознания и преподаватель айнского языка в Токийском университете, Kindaichi, исходя из того, что в айнском языке личные местоимения инкорпорируются в глаголы, принимая вид персональных аффиксов, так что одно глагольное слово может образовать целое предложение, утверждал, что эта особенность совершенно отсутствует как в языках азиатского континента, так и в океанийских, и потому айнский язык должен быть признан совершенно изолированным языком, языком островным, аналогично тому, как Koganei в антропологическом отношении признает Айну островной расой. Между тем указанная грамматическая особенность отнюдь не представляется чем то исключительным. Прониминальные аффиксы совершенно такую же роль играют в урало-алтайских языках, с той только разницей, что в последних они являются аффиксами, в айнском — префиксами.

Что касается антропологов, то их аргументация в айнском вопросе оказалась еще более безнадёжной. Французский антрополог George Montadon, на основании своих измерений находит среди Айну, особенно среди женщин, наряду с типично айнским, и монголоидный тип, и считая, повидимому, свои данные недостаточными для решения вопроса, привлек на помощь аргументацию Bachelar (см. выше) о топонимических сближениях и считает поэтому возможным связать Айну с предками белой евразийской расы.

С другой стороны доклады антропологов, работавших методами изогемоагглютинации, дали выводы совершенно парадоксальные. Так, Айну о. Сахалина, по их данным, ближе всего подходят к сенегальским неграм (sic!), а Айну о. Иезо представляют особую «островную расу»...

Наконец, несколько слов о докладе по айнской проблеме, сделанном мною.

Я подошел к вопросу другим методом. Я нахожу, что решение этого трудного вопроса невозможно, исходя из какой-нибудь одной особенности этого таинственного племени, и менее всего можно безопасно исходить из данных антропологических и лингвистических, наиболее сложных и запутанных, и в отношении к которым Айну совершенно исключительно изолированы от окружающих их народов. Необходимо поэтому базироваться на всем *habitus'e* айнского племени, и начать с той области, которая легче и яснее всего поддается сравнительному анализу, именно с особенностей культуры, и, только установив родство в культурном отношении, уже с большей уверенностью можно искать родства в антропологическом и лингвистическом отношениях.

Подробный анализ материальной культуры, орнамента, социального строя, верований и фольклора показал, что в этих отношениях Айну, несомненно, родственны народам Океании и, следовательно, в Океании нужно искать данных о родстве в антропологическом и лингвистическом отношениях.

Поиски в этом направлении показали, что айнский язык по своему строю родственен языкам Океании ¹⁾ а самую характерную антропологическую особенность Айну, их крайнюю волосатость и бородатость, находим у целого ряда народов Южного океана, у австралийцев, меланезийцев, дравидов, среди полинезийцев и индонезийцев, и нечего, следовательно, искать родство Айну среди народов индо-европейских. Подробный доклад будет напечатан мною в одном из академических изданий.

Теперь о докладах более общего характера. Профессор Schricke из Батавии подверг критическому разбору теории культурно-исторической и манчестерской школ в применении к истории культуры в области Тихого океана и нашел выводы представителей этих школ совершенно необоснованными и в частности по отношению к Индонезии он указал, что с одной стороны доисторическая археология древнейших периодов совершенно еще не поддается ни датировке, ни этническим сближениям, а с другой стороны—некоторые памятники, отнесенные такими исследователями, как, напр., Реггу, к египетским влияниям, датируются веками после христианской эры.

Чрезвычайно поучительный в частности и для нашего Союза, включающего столько первобытных народностей, доклад о политике по отношению к таким народностям, представил J. H. Murray, проведший много лет среди папуасов, в должности главного судьи и вице-губернатора. Долгий опыт близкого общения с такими примитивными народами, как папуасы, среди которых имеются племена людоедов, убедил его в том, что умственно и психически они ничем не отличаются от народов цивилизованных и, далее, что особенно важно в практическом отношении, что в интересах сохранения жизни и привлечения к культуре таких народов нужно тщательно избегать коренной ломки их исконных учреждений и воззрений, особенно при невозможности дать взамен старого удобоусваиваемое для них новое, и только в тех крайних случаях, когда то или другое учреждение коренным образом идет вразрез с интересами гуманности или с их собственным благополучием, как каннибализм, войны и т. п., вмешательство допустимо. Вообще же, поменьше вмешательства! Такой способ управления он называет «косвенным» (indirect) в противоположность системе ломки, системе непосредственного (direct) вмешательства в жизненный режим.

¹⁾ Кстати укажу, что по возвращении из Японии, я получил статью шведского филолога, Olaf Gjerdman, Wordparallels between Ainu and othes languages (Le monde oriental, XX, 1926), в которой убедительно доказывается лексическое родство айнского языка с полинезийскими.

Наконец, совершенно особо стоит присланный из Парижа необычайно важный доклад известного археолога и антролога Поля Риве (Paul Rivet), затрагивающий всю тихоокеанскую проблему. Он утверждает, что австралийские языки, до сих пор считавшиеся совершенно изолированными, обнаруживают очень много тождественных особенностей с малайо-полинезийскими и еще более с так называемыми аустро-азиатскими (Мунда и Мон-Кмериме). Таким образом, в лингвистическом отношении получается единая океанийская группа, включающая языки австралийские, малайо-полинезийские и аустро-азиатские. С другой стороны, расовые различия между носителями этих языков говорят за долгий период миграции и широкое распространение всех этих рас по всей этой обширной области в отдаленные времена, как показывают археологические открытия эпохи раннего неолита в Индо-Китае и эпохи плейстоцена на Яве.

Все это привело его к заключению, что центром, откуда распространились представители всех рас Океании, является либо индийский архипелаг либо Южная Азия. Океанийская группа по его мнению, играла огромную роль в истории человечества. Из этого центра австралийцы и малайо-полинезийцы достигли Америки, а с запада их влияние сказалось в Африке, а в доисторическое и протоисторическое время, и на Европе. И весь этот огромный путь пройден исключительно морем.

Грандиозная гипотеза, быть может, пока слишком смелая, но раскрывающая широкие перспективы, стимулирующая к широким многообещающим исканиям.

Проблема, выдвинутая Риве, для своего решения, конечно, потребует громадной координированной работы лингвистов, археологов и этнографов, и это яркая иллюстрация того, насколько важна роль тихоокеанских конгрессов и как грандиозна предстоящая им работа.

Но проблема народов Океании не единственная из стоящих перед деятелями Тихого океана. Она стоит не одиноко. Она связана с проблемой заселения Америки и Африки и в связи с ней стоит также и темный вопрос о происхождении населения Японии.

Грандиозна и проблема происхождения миграции палеазиатов, а с ней, в свою очередь, связан вопрос о заселении Америки с севера.

Но, быть может, самая грандиозная проблема, стоящая в настоящий момент перед наукой на Тихом океане — это проблема, возникшая только в самые последние годы, именно проблема доистории Китая, которая разворачивается с поразительной быстротой. Уже открытая в Сев. Китае геологической экспедицией Андерсена керамика 5000-летней древности, сближаемая с аналогичной не только в Средней и Передней Азии, но и с европейской (так называемой трипольской), раскрыла совершенно неожиданные перспективы по отношению к древнейшей истории Китая. Далее последовали известные открытия американской палеонтологической экспедиции And-

гews'a, после которых стало несомненным, что прародиной млекопитающих является примыкающая к северному Китаю западная Монголия, и тут же в ныне совершенно необитаемых местах, были открыты остатки доисторического человека.

И, наконец, в то самое время, когда заседал настоящий конгресс, получилось ошеломляющее известие об открытии недалеко от Пекина окаменелого человеческого зуба из верхнего терциера, открытия, торжественно подтвержденного специальной комиссией из геологов, палеонтологов и анатомов. Мы как будто приближаемся, наконец, к решению вопроса о прародине человека.

Интенсивная археологическая работа в северном Китае становится жгучим требованием дня.

ОБЗОР РАБОТ ПО ЭТНОГРАФИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ЗА 1917 — 1925 гг. ¹⁾.

Д. К. Зеленин (Ленинград).

(§ 5: Хозяйственный быт. § 6: Обряды и верования. § 7. Народная медицина.)

(Окончание.)

Перехожу к трудам методологически-анкетного характера о крестьянском хозяйстве. — С. В. Чефранов — Краеведение и народное хозяйство (Вопросы краеведения, сборник докладов на всеросс. конференции 1921 г., под ред. В. В. Богданова. Нижполиграф, 1923, с. 18 — 22). О задачах краеведческого изучения народного хозяйства.

В. Э. Ден — О производстве местного обследования о влиянии войны и революции на сельское хозяйство (Как изучать свой край. Сборник статей по краеведению, составленный Советом географо-экономического исследовательского института, под ред. С. А. Советова и Н. И. Кузнецова. Ленингр. 1925). Приложены программы. Срв. критические замечания М. Феноменова в журн. „Краеведение“, 1925, № 3—4, с. 331—2.

Описание техники сельского хозяйства („Краеведение“, 1924, № 4, с. 417—420). Краткая анкета, составленная Бежецким научным Обществом по изучению местного края.

Н. Я. Марр — О собирании памятников быта. (Перепечатано в книге Бродского, Гусева и Сидорова — Русская устная словесность. Л. 1924, с. 193—195; первоначально издано Росс. академией истории материальной культуры в 1921 году). Обращение к обществу с просьбой сообщать об изменениях в народном быту под влиянием хозяйственной разрухи.

В. А. Щавинский — Живая археология и новые формы („Краеведение, 1923, № 2, с. 98—102, и 1924, № 3, с. 269). Анкета в 6 вопросов и объяснительная записка.

Н. В. Валукинский — Программа обследования городского и пригородного ремесленника (Известия Воронежского краеведческого общества, 1925, № 5, с. 17—20). Анкета в 23 вопроса и пояснительная записка к ней.

М. Я. Феноменов — Обследование крестьянского хозяйства силами учащейся молодежи („Краеведение“, 1925, № 1—2, с. 42—58).

¹⁾ Окончание, см. „Этнография“ 1926, № 1—2, с. 133—152 и 1927, № 1, с. 161—173.

Не перечисляем здесь других работ по вопросу об изучении быта деревни в школе; срв. новую книгу А. И. Никифорова — Этнография в школе. 1926. Гиз.

Переходим к литературе об отдельных отраслях крестьянского хозяйства. — О льноводстве: А. В. Чаянов — Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. 1918. Изд. Центр. т-ва льноводов.

И. С. Шулов — Прядильные растения в России. Лен и конопля. Петрогр., 1922. Изд. КЕПС Академии наук.

Н. Соинов — Краткий очерк коноплеводства и пенько-промышленности в Пензенской губ. („Природа и хозяйство Пензенского края“, 1925, № 4—5, с. 65—76).

А. Клечетов — Основные моменты культуры льна в Смоленской губ. („Экономическая жизнь“, 1925, № 8—9 и 10—11. Смоленск).

В. Н. Минаев — О русской льняной промышленности и о мерах поднятия ее в Сибири („Известия Института исследования Сибири“, 1921, № 4. Томский отдел Гиз.).

Н. Ф. Детинев — Лен и конопля, их культура и обработка в условиях Енисейской губ. („Вестник сибирских инженеров“, 1924, № 4).

Об огородничестве и садоводстве: Л. П. Шуйский — Современное состояние огородничества в Иваново-Вознесенской губ. („Труды Иваново-Вознес. научного общества краеведения“, вып. 3, 1925, с. 220—228).

М. К. Боровский — Современное состояние садоводства Ульяновской губ. и меры его поднятия („Вестник Среднего Поволжья“, 1925, № 4, с. 97—104).

Н. Сороченко — Огородное и овощесушильное дело в Тобольском округе („Наш край“, 1924, № 4. Изд. Тобольского Общества изучения края).

В журнале „Народное хозяйство Черноземной области“, 1925, кн. 4 (Воронеж), напечатаны две кратких программы И. Коновалова. — Программа изучения огородничества и садоводства центрально-черноземной области.

О скотоводстве: А. Е. Лосицкий — Современное состояние скотоводства в России. М. 1923. Изд. „Новая деревня“.

Н. Шляков — Крупный рогатый скот Солигаличского уезда („Труды Солигаличского отдела Костромского научного общества“, IV, 1925, с. 3—15).

Н. А. Поспелов — К вопросу о пойменном скоте. Рязань, 1925. 8°. 35 („Труды Общества исследователей Рязанского края“, IV).

М. Г. Миславский — Скотоводство Полтавской губ. („Бюллетень Полтавского губ. статистического бюро“, 1924, № 1—6).

И. И. Калугин — Красный белорусский скот. Минск, 1923.

Д. Панкеев — Коневодство в Западной области („Экономическая жизнь“, 1925, № 8—9. Смоленск).

Е. Титов—Конские бега в Восточном Забайкалье („Сибирская живая старина“, II, 1924, с. 38—54). Речь о „метисах“ Урульгинской волости Читинского у., у коих конские бега устраиваются гл. обр. на маслянице. В статье приведены также и заговоры, поверья; описана психология бегунцов.

Не приводим литературы об оленеводстве (статьи Иевлева, Керцелли, Катца, Дмитриева, Плотникова, программа Полтораднева), поскольку в ней речь идет не о вост. славянах.—Яковлев—Мараловодство в Семипалатинской губ. („Записки Семипалат. отдела Р. географ. общ.“, XV, 1925, Семипалатинск).

О птицеводстве: В. В. Фердинандов. Программа изучения сельскохозяйственного птицеводства Центрально-черноземной области („Народное хозяйство Черноземной области“, IV, 1925. Воронеж).

Обследование крестьянского куроводства по Коломенскому уезду („Листок краеведа“, 1925, № 1. Москва).

Об охоте и рыболовстве: А. А. Жилинский—Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Петроград, 1917.

Е. Суворов—Рыбные и морские звериные промыслы севера („Производительные силы района Мурманской железной дороги“. Петрозав., 1923. Изд. Мурман. жел. дороги).—В этом же сборнике: Г. Мебус—Озерные и речные рыбные промыслы района Мурманской железной дороги.

И. Ф. Правдин—Программа исследования звериного промысла в Белом море („Север“, 1924, № 1. Вологда).

Е. Дюбюк—Из материалов к истории зверовой охоты в Костромском крае („Труды Костромского научного общества“ XVIII. Буй, 1920. 8°. 27). О бобровниках и о костромских гончих собаках.

Ушков—Современное состояние охоты в Пермском округе („Экономика“, 1925, № 11—12. Пермь).

Б. Г. Перетц—Перспективы Урала как центра пухо-перовой промышленности. Екатеринбург, 1923. 8°. 35.—В Свердловске издается с 1925 г. специальный журнал „Уральский Охотник“, ежемесячный орган Уральского областного кооперативного союза охотников; статьи, имеющие этнографический интерес, в этом журнале редки; назовем среди них: В. Богомоллов—Медвежья кулема (ловушка) („Уральский охотник“, 1925, № 7—8).

Л. Кожанчиков—Промысловая охота и рыболовство в Минусинском крае („Ежегодник Государств. музея им. Мартыанова в гор. Минусинске“, т. II, вып. 2, 1924. Минусинск).

В. Ч. Дорогостайский и М. П. Соколов—Пушной промысел Средне-сибирского края. Иркутск, 1925. 8°. 29. Изд. Губстатбюро.

М. Константинов—Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Иркутск, 1921. 8°. 94 и карта. Сиб. ГИЗ.

С. Куклин—Краткий обзор охоты в Сургутском крае („Наш край“, 1925, № 8—9 и 10—11. Тобольск).

Н. А. Байков—Изюбрь и изюбреводство („Известия Общества изучения Манчжурского края“, XV, 1925. Харбин. 8°. 14, с 9 рис.).

С. Кулюкин—Охотничий промысел Бельского уезда Смоленской губ. („Экономическая жизнь“, 1925, № 10—11. Смоленск).

П. Е. Васильковский—Программа изучения промысловых животных („Краеведение“, 1925, № 3—4, с. 293—296). В анкете ряд вопросов также и о промыслах.

И. Ф. Правдин—Рыболовство в Северо-Западной области СССР. Научно-популярный очерк. Ленингр. 1925. 8°. 114, с 42 рис. и картой. Изд. кооперат. союза „Кооперация“. Описано рыболовство—Онежское, Ладожское, на Волхове, на Неве и в Финском заливе, в Псковском водоеме, на Ильмене, на Белоозере, на Белом море и Мурмане; Астраханские коптильни (рис. 23—24).

Исследование рыбных промыслов—оз. Ильменя и р. Волхова („Материалы по исследованию р. Волхова и его бассейна“, вып. III. Ленингр. 1924. 8°. 183 и 4 листа чертежей). Работы Ихтиологического отряда изысканий Волховского строительства.

Ремизов—К познанию рыбного хозяйства в озерах Псковского края („Познай свой край“, Сборник Псковского общества краеведения, II, 1925).

И. С. Ряховский—Состояние рыбного промысла по западному побережью Ладожского озера („Известия Государств. института опытной агрономии“, III, № 1. Ленинград, 1925).

Б. Лукаш—Материалы к исследованию Вятского края в рыбопромышленном отношении („Известия Вятского научно-исследовательского института краеведения“, I, 1922. Вологда). История рыбных промыслов с 1771 года.

Н. Пальмов—К истории рыбной промышленности Астраханского края в первой половине XVI в. („Наш край“, 1924, № 4. Астрахань).

К. А. Кисилевич—Волго-Каспийское рыболовство („Наш Край“, 1925, № 6—7; и отдельно: Астрахань, 1925. 8°. 36). Доклад на III международном конгрессе лимнологов в Астрахани 1925 г.

К. Кисилевич—К ловецкому вопросу („Наш край“, 1925, № 1. Астрахань).

Ф. И. Баранов—Об уловитости неводов („Труды Астраханской ихтиологической лаборатории“, V, вып. 1. Астрахань, 1924).

И. Н. Арнольд—Рыболовство и рыбоводство на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве („Известия Госуд. института опытной агрономии“, II, 1924, № 1—2. Ленинград).

О пчеловодстве: А. С. Михайлов—Материалы по пчеловодству Череповецкой губ. („Север“, 1924, № 1).

Б. Кошкарлов—Пчеловодство в Ново-Николаевской губ. Н.-Никол. 1923. 8°. 8. Издание местного Губ. выставочного бюро к Всероссийск. сельхоз. выставке.

Л. Шульгина—Пасічництво. Програми до збирання матеріалів. У Києві, 1925. 8°. 70. Издание литографированное, Украинской

академии наук. Детально разработанная анкета этнографического изучения пчеловодства: примитивные способы пчеловодства, бортничество, пасечничество, расписные ульи, мед и воск, обычное право пчеловодов, поверья пчеловодов.

О народной технике: — Кустарные промыслы Калужской губернии и местная кооперация. Сборник статей, под редакцией Н. А. Шереметева. Калуга, 1920. 8°. 100. Издание районного совета кооперативных объединений при Калужском отделении МОСКО. — Д. И. Калинин в своей статье „Кустарные промыслы Калужск. губ. в прошлом“ (с. 6 — 52) ставит совершенно новый вопрос об истории русских кустарных промыслов. Данных для разрешения этого вопроса мало, но уже в начале 16 в. засвидетельствованы в памятниках калужские промыслы — изготовление деревянной посуды, сукон, войлоков, жерновов и др. Другие статьи посвящены слесарному промыслу, прялочному производству, шорно-седельному.

В. В. Ассон — Кустарные и отхожие промыслы Калужской губ. („Очерки Калужской губ.“. Сборник I, Калуга, 1925, с. 1 — 5).

А. Гусев — Промыслы Нижегородской губ. („Нижегородский краеведческий сборник. Труды Нижегород. педагогич. института“, I. Н.-Новг. 1925, с. 136 — 182). О металлических изделиях и о разных иных промыслах.

Инструкция к обследованию кустарных промыслов и кооперации в Иваново-Вознесенской губ. („Руководство к собиранию Иваново-Вознес. края“. Иваново-Вознес. 1924. Издание Иван.-Возн. губ. научного общества краеведения).

Г. Н. Фомин — Кустарные промыслы Воронежского, Бобровского и бывш. Павловского уездов („Воронежский краеведческий сборник“, II, 1925, с. 11 — 25). Данные 1923 — 25 г.г. Несколько подробнее о маслобойном промысле, деревообделочном, струнном и кишечном. Кустари-изобретатели.

В. К. Быстржинский — Кустарные промыслы с. Верхо-Тишанки Бобровского у. („Известия Воронежского краеведческого общества“, 1925, № 2, с. 13 — 14). Беглые замечания о старом извозном промысле, о корзиноплетении и самогонокурении.

А. Н. Татарчуков — К вопросу о современном состоянии кустарной промышленности в Воронежской губ. („Воронежск. краеведческий сборник“, II, 1925, с. 7 — 11). Статистика.

М. Х. С. — Кустарная промышленность Воронежской губ. и ее ближайшие перспективы („Наша работа“, 1921, № 27).

Н. В. Валукин — Программа обследования городского и пригородного ремесленника („Известия Воронежского краеведч. общества“, 1925, № 5, с. 17 — 20). 23 вопроса и пояснительная записка.

Б. Н. Гвоздев — Некоторые сведения о промышленности Пензенского края в XVIII веке. Пенза, 1925. 8°. 23. („Труды Пензенск. общества любителей естествознания и краеведения“, VIII).

Северный и восточный районы: Техника северных промыслов. Издание Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1925, 8°. 86. В серии „Библиотека североведения“. — Отдельные статьи о „подсочном“ промысле (смолокурный и терпентинный) и о мелких деревянных промысловых судах Мурманского района; последняя статья, Г. Г. Крамаренко, с чертежами судов.

А. А. Евдокимов — Об изучении кустарных промыслов в Северо-Восточной области („Бюллетень Северо-восточного областного бюро краеведения“, 1925, № 1. Архангельск).

И. П. Ерофеев — Промыслы Архангельской губернии. Издание Архангельского губплана.

Н. Е. Сапрыгин — Промыслы Печорского края. Архангельск, 1919.

В. П. Бучнев — О мелкой промышленности и промыслах („Записки Северо-двинского общества изучения местного края“, I. Вел.-Устюг, 1925).

В. Н. Тиханов — Кустарная промышленность Вятской губернии. Краткий очерк („Вятская жизнь“, 1923, № 3, с. 44 — 52). Разнообразие промыслов, их статистика, виды.

И. И. Манин — Внеземледельческие (кустарные) промыслы крестьянского населения Вятской губ. („Вятско-ветлужский край“, 1925, № 7, с. 103 — 113).

Н. Веденапин — О кустарной промышленности („Хозяйство Урала“, 1925. Свердловск).

Об отдельных промыслах — а) по обработке растительных и животных материалов: А. А. Деревягин — Очерк смолокурения и сухой перегонки в России до войны. М. 1918. 16°. 91. Издание Высшего совета народного хозяйства. „В северном районе преимущественное распространение получили вологодские печи, в восточном вятские котлы, в центральном сушилки, а в западном польские котлы“ (с. 17).

Ал. Семенов — Кустарные промыслы, в особенности смолокурение („Лесное хозяйство. Производительные силы севера России“, II, М. 1922, с. 177 — 196. Издание правления „Северолеса“). О промыслах с сухой перегонкой дерева в Вологодской и соседних губерниях.

Работы экономического отдела Северосоюза, вып. I. Смолокурение и сухая перегонка древесных пород в Северном крае. Вологда, 1919. 8°. Т. 76.

А. А. Першаков — Смолокурение и положение химической переработки дерева в Казанском крае („Сборник Средне-волжского Областпопа“, III, с. 274 — 386. Казань, 1924). Очень обстоятельный труд, с обзором литературы и цветной „картой смолокурения в Казанском крае“.

А. П. Кудрин — Деревообрабатывающая промышленность Ветлужского края („Вятско-ветлужский край“, 1925, № 3, с. 19 — 22). Статистика.

С. Томилов—Кустарничество прялок в с. Покшенском. („Бюллетень Северо-восточного областного бюро краеведения“, II, Архангельск, 1926, с. 27—29). Главным образом о росписи прялок.

Г. Н. Холодович—Кустарные промыслы в Задонском районе („Известия Воронежского краеведческого общества“, 1925, № 3, с. 20—21). Корзиночное производство в дер. Даньшиной.

Д. С. Магнусов—Рогожно-кулевое производство („Природа и хозяйство Пензенского края“, 1924, № 2—3. Пенза; издание Пенз. губ. плановой комиссии).

Я. И. Седашев—Лесное хозяйство в Белорусской советской соц. республике. Минск, 1923. 8°. 15.

И. П. Богатов—Бумаго-ткачество в Муромском уезде („Материалы по изучению Муромского края“, I, 1925).

В. Розепин—Часть расхода времени крестьянкой („Труды Солигаличского отделения Костромского научного общества“, IV, 1925, с. 35—55, Солигалич). О ткачестве в с. Гнездникове. Очень обстоятельная и полезная статья, но без рисунков.

Г. И. Фомин—Платковый промысел в Новохоперском уезде („Известия Воронежского краеведческого общества“, 1925, № 1, с. 6—10). Вязка платков из шерсти; овцеводство.

А. А. Макаренко—Программа для собирания сведений о народном крашении и его организации („Летняя школа“, педагогический сборник, II, 1924).

Е. И. Шлифштейн—К истории сапоговаляльного промысла в России („Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения“, вып. 34, ч. 2. Саратов, 1924). Производство обуви из шерсти.

П. И. Чекмарев—Кожевенная промышленность Самарской губернии и перспективы ее развития („Вестник Среднего Поволжья“, 1925, № 4, с. 80—96).

Сапожному промыслу Ленинского уезда Московской губ. посвящен ежемесячный журнал Ленинского общества краеведения „Башмачная страна“, выходящий с августа 1925 года. Отметим статьи в № 1-м этого журнала: С. Н. Маслов—Богатство Ленинского уезда—кустарь и его производство; А. А. Семенов—Историко-экономический очерк Ленинского уезда.

Обработка минеральных веществ и металлов: А. Ф. Бушманов—Гончарное производство в дер. Большое Фомино Байдаровской волости Никольского уезда. Из материалов Никольского краеведческого кружка („Бюллетень Северо-восточного областного бюро краеведения“, 1925, № 1. Архангельск). Здесь практикуется также и техника спирального налета.

В. Бирюков—Современное производство глиняной посуды без гончарного круга в Шадринском крае („Шадринское научное хранилище“, 1924, № 1, с. 4). По воспоминаниям крестьянина с. Уксянского о гончарной работе налепом его бабушки, умершей в 1898 году 77-ми лет от роду.

Я. Козырев — Гончарное производство [Солигаличского уезда] („Труды Солигаличского отделения Костромского научного общества“, IV, 1925, с. 28—34). Описана техника производства.

В. К. Быстржинский — Гончарный промысел в селе Карачуне Воронежского уезда („Воронежский краеведческий сборник“, II, 1925, с. 25—27). Здесь рядом бытуют два вида гончарного круга — ручной и ножной.

В. Антифеев — Известняки. Известковые промыслы („Труды Солигаличского отделения Костр. научн. о-ва“, IV, 1925, с. 21—26). Ломка известняка и обжиг его на известь.

В. И. Троицкий — Казанские и свияжские серебряники XVII века („Казанский музейный вестник“, 1920, № 5—6, с. 11—16). По документу 1653 г. из бывшего архива Московской оружейной палаты; самый документ приведен в статье полностью. Речь идет о мастерах чеканного дела.

Об отхожих промыслах: А. И. Алешковский — Отхожие промыслы в Псковской губернии в 1923—24 г. Под редакцией В. А. Феофанова. Издание Псковского губ. статистического бюро.

Н. Букатевич — Чумацтво в XVII—XVIII століттях. („Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській академії наук“, № 2—3, Одесса, 1925, с. 239—244). — О позднейшем украинском чумацестве в Херсонщине в том же номере „Вестника“, с. 195—196 и 258—259, в статьях Е. Егорова и А. Миколюка.

М. Фриде — Чумацество на Украине. 4 стр. с 1 рис. Листовка, изданная Этнографическим отделом русского музея в Ленинграде в 1923 году.

Ол. Грушевський — З промыслового життя XVI—XVII в.в. („Науковий збірник за рік 1924“. Киев, 1925, изд. Укр. академии наук). Очерк из истории отхожих промыслов в южной Украине XVI—XVII веков; артели рыбаков и бобровников.

О крестьянском бюджете появилась довольно большая литература, главным образом статистического характера. Мы отметим здесь лишь некоторые типичные работы. — Л. Н. Литощенко — Крестьянский бюджет в 1922—23 году. М. 1923. Издание Центр. статистич. управления.

Г. А. Студенский — Бюджет крестьянского хозяйства. М. 1923. Издание Центросоюза.

А. В. Чаянов — Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству.

А. Моклецов — Крестьянские и рабочие бюджеты по Иваново-Вознесенской губернии в 1923 году („Труды Иваново-Вознесенского губ. научного общества краеведения“, III, 1925, с. 1—30. Иваново-Вознесенск). Изучены бюджеты 25-ти крестьянских хозяйств по программе Центр. статистич. управления: имущество (капитал), организация труда, валовая продукция, расходы, условная чистая доходность, продажа и покупка предуктов.

Д. Боголюбский — Бюджетные описания крестьянских хозяйств за 1923—24 год („Ярославский статистический вестник“, 1925, № 5).

В. А. Андреев — Костромской текстильщик и его бюджет. Кострома, 1925. 8°. 119. Издание Костромского губ. стат. бюро, по данным обследования 1923 и 1924 г. г.

А. М. Устюжников — Бюджетные исследования крестьянского хозяйства Вятской губернии („Вятско-ветлужский край“, 1925, № 11—12, с. 57—63).

Л. А. Кокоулина — Бюджеты крестьянских хозяйств Иркутской губ. (С предисловием К. Н. Миротворцева. Иркутск, 1924. 8°. 83 („Материалы Иркутского губ. статистического бюро“, вып. 27). По данным статистического обследования 1923 года.

Материалы по крестьянским бюджетам Крыма в 1922—23 годах. Симферополь, 1924. 8°. 102. Издание Крымского статистического управления.

Крестьянские бюджеты Екатеринославской губернии за период с 1 сентября 1923 г. по 1 сентября 1924 г. Екатеринослав, 1925. 8°. 281. Издание Екатериносл. губ. стат. бюро.

Из материалов первой Оршанской окружной партконференции. Орша, 1924. 8°. 88 и карта. Одна из глав посвящена бюджету крестьянского хозяйства Белоруссии.

О пище восточнославянских крестьян появилась довольно большая литература, но почти исключительно со статистическим подходом. — С. А. Клепиков — Питание русского крестьянства. М. 1920. 8°. 39. В приложении библиографический указатель А. В. Чаянова, где названо 186 работ по изучению массового потребления.

При Центральном статистическом управлении в Москве имеется особый „Отдел статистики потребления“, который периодически публиковал материалы производимых им обследований питания сельского и городского населения в сводных статистических изданиях ЦСУ: „Ежегодник“, „Справочники“. Так в „Статистическом ежегоднике“ 1921 г. напечатаны данные обследования питания за 1918—20 годы; в „Сборнике статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923 гг. (подзаголовок: „За пять лет работы ЦСУ“) напечатаны результаты обследования питания за 1922—23 годы; в „Статистических справочниках ЦСУ“ (год 1-й—1924 г., год 2-й—1925 г., подзаголовок: „Народное хозяйство СССР в цифрах“) опубликованы сжатые результаты исследований. — С 1926 года отдел статистики потребления стал выпускать свои данные о состоянии питания населения ССР отдельными выпусками „Трудов ЦСУ“ (тома 30-го вып. 1 и 3. М. 1926).

М. Арефьев — Питание населения Тверской губ. по данным обследования в феврале и июне месяцах 1924 г. („Материалы общества изучения Тверского края“, 1925, № 3, с. 2—14).

В. Л. Андреев — Питание городского и сельского населения. („Ярославский статистический сборник“, 1925, № 5).

Л. Бернацкий — О „пьяном хлебе“ в Карелии („Известия общества изучения Карелии“, 1924, № 1).

В. Н. Бердников — Питание крестьянского населения Вятской губ. в 1923—24 году („Вятско-ветлужский край“, 1925, № 1, с. 41—44). Он же — Февральское обследование питания населения Вятской губ. (там же, 1925, № 5—6, с. 48—51).

А. Фомин — Питание городского и сельского населения Сибири зимой 1920 г. („Сборник Сибирского статистического управления“, I. Ново-Николаевск, 1922).

Нагнибеда — Питание населения Томской губ. („Записки Томского губисполкома и губэконо“, 1923, № 2. Томск).

М. О. Обер-Таллер — Меню крестьянского стола в Полтавщине накануне Великой европейской войны. Полтава, 1922. 8°. 24. Издание губ. эконом. совещания. Меню рассматривается с точки зрения калорийности.

Н. Гонтарева — Питание сельского населения во время революции („Социалистическое хозяйство“, 1924, № 1).

О способах передвижения: Н. Беляева и В. Смирнов — Программа по собиранию сведений о средствах перевозки и передвижения. Иваново-Кострома, S. a. 8°. 12, с 20 рис. В „Серии программ и инструкций, издаваемых Иваново-Вознесенским об-вом краеведения и Костромским научным обществом по изучению местного края, при участии Центрального бюро краеведения“. Упряжь, телега, сани, лодки и суда. Одна из лучших этнографических анкет, появившихся за последние годы; обилие чертежей — одно из главных ее достоинств. Очень мало внимания уделено плотам. Отсутствие вопросов о ярье и волах делают программу неприменимою на Украине и в Белоруссии.

М. Советов и Ф. Родин — Бурлачество по Волге и другим рекам. Вольск, 1925.

Н. Я. Марр — Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории. К увязке языкознания с историею материальной культуры. Ленинград, 1926. Издание Кавказского историко-археологического института в Тифлисе.

§ 6. Обряды и верования. I: Свадебные обряды. В обрядовой жизни восточно-славянской деревни наибольшее внимание наших этнографов-собрателей всегда привлекала к себе свадебная драма. Особенно большие достижения имеются в этом отношении за последние годы. В Перми напечатано в 1927 г. весьма ценное исследование П. С. Богословского — К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов (Оттиск из невышедшего еще выпуска III „Пермского краеведческого сборника“. 8° 64), где изучено 415 „чинов“, т. е. активных участников обряда восточно-славянской свадьбы, — их функции и наименования. Но преобладают в нашей этнографической литературе о свадьбе пока все еще описания, а не исследования. Богатый описательный материал дан в книге „Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, с вводной статьей проф.

Л. Я. Штернберга" (Ленинград, издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, выпуск I. 1926. 8°. 265); из 10 статей этого сборника две больших статьи и две заметки посвящены восточным славянам. В „Сборнике Ржевского общества краеведения“, № 1: „Ржевский край“ (Ржев, 1926, с. 98—142) напечатано очень детальное описание Н. П. Гринковой—Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии. Во II выпуске „Пермского краеведческого сборника“ (Пермь, 1926, с. 128—159)—детальное же описание П. С. Богословского—Крестьянская свадьба в лесах Вильвы Пермского округа. В „Трудах Вятского педагогического института им. В. И. Ленина“ (том I, Вятка, 1926, с. 75—83)—краткое „Описание свадебного обряда с. Петровского Уржумского уезда Вятской губернии“, с приложением напевов—одной песни и одного плача невесты. Но все названные издания не входят в хронологические рамки нашего обзора, почему мы на них и не останавливаемся.

В период времени с 1917 по 1925 г. появились в печати следующие описания северновеликорусской свадьбы:

Н. Н. Виноградов—Народная свадьба в Костромском уезде („Труды Костромского научного общества по изучению местного края“, VIII. Этнографический сборник. Кострома, 1917, с. 71—152). Дано описание двух различных обрядов Костромской свадьбы: первый обряд автор наблюдал лично в 1901—1905 годах в Шунгенской и Шишкинской волостях Костромского уезда; второй обряд (с. 130 и след.) принадлежит к более раннему времени и записан со слов местных старожил. В том и другом случае автор описывает связанные со свадьбой местные обычаи, ритуальные действия, приметы; приводит тексты песен, причитаний невесты, приговоров дружки. В конце дан библиографический список 20 статей о Костромской свадьбе (1830—1906 гг.).

М. М. Зимин—Свадебный обряд в Ветлужском уезде Костромской губернии („Север“, 1923, № 2, с. 174—181). Весьма краткое описание; приведены тексты приговоров дружки.

З. Р. (по материалам М. Исупова и Я. Шабалина)—Свадебный обряд Кайгородской вол. Слободского уезда Вятской губ. („Сборник Слободского родниоведческого музея“, № 1. Слободской, 1921, с. 12—30). Главное внимание обращено на песни, а не на ритуальные действия. Между тем, здесь, повидимому, сохраняется еще в свадебном обряде немало старины. Так, в день свадьбы, в доме невесты „незадолго до приезда жениха забивается досками отверстие печной трубы, так как среди суеверных кайцев до сих пор сохранилось поверье, что в день свадьбы „еретники“ могут „оборотить“ всех гостей в серых волков, которые через печную трубу выскочат на улицу и скроются в лес“ (с. 24). В день девичника утром девицы поют заунывные песни, сидя вокруг „поганого корыта“ (с. 23; подробности не приведены). Обряд „отмыкания бочки“ (с. 30); обряд насыпания в обувь новобрачных хлебных зерен (с. 29).

А. Белинский — Свадебные обычаи, обряды, приметы среди населения Опочецкого уезда („Познай свой край. Сборник Псковского общества краеведения“, выпуск 2, 1925 г.).

О северновеликорусской свадьбе восточной Сибири — А. Эпов — Свадебные обряды и песни Чикайского края в 80—90 гг. прошлого века („Известия кафедры прибайкальеведения“, 1921, с. 24—27).

Сибирской свадьбе посвящена специальная библиографическая работа. Е. Я Самойлович — Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири („Сибирская живая старина“, вып. III—IV. Иркутск, 1925, с. 205—216). Названо 72 работы, начиная с 1818 г. и кончая 1922; приводятся очень краткие указания о содержании работ. Из пропусков отметим статью С. П. Каффи и Д. К. Зеленина — Свадебный обряд, песни и заговоры Томского округа („Записки Уральского общества любителей естествознания“, т. XXV, 1905, с. 35—61).

Северновеликорусской народной свадьбе посвящены сотни описаний, и старых и новых. Но когда в 1920 году Государственный экспериментальный театр приступил к постановке этой свадьбы на сцене, то „в процессе работы студия столкнулась прежде всего с неудовлетворительностью произведенных записей. Наиболее тщательно оказались записанными тексты, да и то они обычно не согласованы с ритмом напевов. Очень невнимательно описаны действия, самый сценарий. И почти ничего не говорится о приемах исполнения“ (Обряд русской народной свадьбы в Государственном экспериментальном театре — „Краеведение“, 1924, № 3, с. 356—7).

Южновеликорусской свадьбе посвящена брошюра Ал. Попова-Копцева — Крестьянская свадьба и ее обычаи (Пронск, Рязанской губ. 1920. 4°. 8). Записи относятся к Пронскому уезду. Не мудрствуя лукаво, автор описывает сватовство, рукобיתье, девичник, обряд печенья коровай, обряд надевания на невесту паневы (с известной формулой „хочу — вскачу, хочу — не вскачу!“), выкуп свадебного украшенного дерева, обычаи при венчании и после венчания.

Описания украинской свадьбы сосредоточены в двух изданиях — Львовском и Одесском. Во Львове, в издании Этнографической комиссии научного общества имени Шевченко „Матеріали до української етнології“ (том XIX—XX, 1919 г., с. 1—193), напечатано десять описаний украинского свадебного ритуала под общим заглавием „Українські весільні обряди й звичаї“. Описания относятся к губерниям — Киевской, Полтавской, Черниговской, Воронежской, Таврической, к Кубанской области и к Галиции. Время записи также различное, от 1894 г. и до 1917. К описанию обряда Черниговской губ., Борзенского уезда, приложено 68 мелодий свадебных песен (с. 101—118). В предисловии редактор, покойный В. Гнатюк, сообщает, что Этнографическая комиссия давно уже поручила В. Охримовичу составить полный „корпус“ украинского свадебного ритуала, т. е. дать сводное полное описание украинской свадьбы на основании имеющихся сведений со всей украинской территории.

В журнале „Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії Наук“ (№ 2—3. Одесса, 1925) находим несколько описаний украинской свадьбы из разных местностей Херсонской и Одесской губерний. Б. Юрківський — Весільний обряд у селі Дуфінці на Одещині (с. 200—205); О. Сікиринський — Українське весілля. Село Глибокояр Тираспільської округи (с. 205—217); Е. Егоров — С. Великі Копані, на Херсонщині (с. 194—200); Р. М. Волков — Етнографічні матеріали (с. 244—256); А. Миколук — С. Ново-Збур'івка (с. 256—262). — Тут же напечатана стаття С. Цветко (с. 217—238) о свадебных обрядах болгарских колонистов в с. Терновке Херсонской губ.

Сведения о свадебных и иных обрядах восточных славян встречаются также и в тех общих описаниях быта, о которых мы говорили выше (§ 3-й настоящего обзора; см. „Этнография“ 1926, с. 149, 151 и друг.). Здесь мы их особо не отмечаем.

Об отдельных моментах свадебного ритуала пишет Е. Г. Кагаров — О значении некоторых русских свадебных обрядов („Известия академии наук“, 1917, с. 645—652). Г. Аргентов — Наговоры дружки на свадьбе („Кунгурско-красноуфимский край“, 1925, № 2).

В. Груздев — Окликание молодых („Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете“, том 32, вып. 1. Казань, 1922, с. 93—96); обряд Юрьевоцкого уезда Костромской губ. совершается в последний день пасхальной недели, но имеет ближайшее отношение к свадьбе.

II. Похоронным (и поминальным) обрядам восточных славян посвящено несколько весьма ценных работ. — В. И. Смирнов — Народные похороны и причитания в Костромском крае („Второй этнографический сборник. Костромское научное общество по изучению местного края“, вып. XV. Кострома, 1920, с. 21—126). Весьма подробное описание похоронных обрядов, начиная с примет и гаданий о смерти; соборование; момент смерти „легкой“ и „трудной“, обмывание и одевание трупа; гроб, могила, надгробные сооружения; похороны самоубийц, похороны у сектантов; опахивание при эпидемиях; поминальные обряды; народные представления о загробной жизни; причитания: характеристика, обстановка и 81 текст; в приложении словарь местных слов. И обряды, и тексты взяты из разных местностей Костромского края.

П. С. Богословский — Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине („Пермский краеведческий сборник“, вып. I. Издание Кружка по изучению северного края при Пермском университете. Пермь, 1924, с. 70—83). В этой ценной статье преобладают фольклорные материалы, но II и III главы посвящены похоронам: „Из похоронных обычаев и поверий“, „О роли полотенца в пермском культе умерших“ (с. 74—75); в главах VIII и IX—данные о народной медицине и о поверьях.

В. Серебrenиков — Похоронные обычаи и причитания по умершим у крестьян Стряпухинской волости Оханского уезда. Пермь, 1918. 8°. 6.

Г. С. Виноградов — Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. Иркутск, 1923. 8°. 87 + 1 табл. нот (Отдельный оттиск из „Трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета“, вып. V, с. 264 — 343). Данные относятся к Тулунскому уезду Иркутской губернии. Автор указывает скудную литературу о похоронных обрядах русской Сибири и затем излагает свои собственные наблюдения в следующем порядке: Предвестники смерти; Приготовление к смерти; Причины смерти; Смерть; Наступление смерти; Вынос и погребение; Поминки; Душа; Тот свет; Живые и мертвые; Кладбище. В приложении две мелодии причитаний.

М. К. Азадовский — Ленские причитания („Труды Государственного института народного образования в Чите“, кн. I. Чита, 1922, с. 121 — 248). Подход автора чисто фольклорный; обрядовая сторона причитаний не рассматривается.

Об украинських обрядах — І. В. Волошинський — Похоронні звичаї і голосія в Городенщині („Матеріяли до української етнології“, том XIX — XX. Львів, 1919, с. 194 — 213). Записи 1911 — 1913 годов. 33 текста причитаний и 20 похоронных обычаев.

Здесь же отметим попутно интересную работу об украинских похоронных играх, напечатанную во французском журнале: P. Bogatyrev — Les jeux dans les rites funèbres en Russie subcarpathique („Le Monde Slave“, III année, 1926, № 11, с. 196 — 224). Описание эротических и иных игр, с 2 рисунками, и объяснение обряда.

III. Родильным обрядам Западной Украины посвящена статья П. III. Доників'а — Родини і хрестини на Гуцульщині („Матеріяли до української етнології“, XVIII. Львів, 1918, с. 86 — 122). Отношение к детям; состояние беременности; приближение родов; приглашение повивальной бабки; роды; крещение; обряд прощания бабки с родильницей; родильница после родов; новорожденный ребенок и колыбели; очистительная молитва родильнице; подарки кума; родины незамужней; мертворожденные и умершие до крещения дети.

В 1926-м году, в издании Украинской академии наук „Первісне Громадянство та його пережитки на Україні“ напечатана статья Ф. Савченко о родинах и крестинах (неизданная в свое время запись А. Маркевича 1854 г.; с. 76 — 82) и статья акад. М. Грушевского — Постриження й інші обряди, відправлювані над дітьми й підлітками (с. 83 — 86).

IV. Обряды годового цикла. Г. С. Виноградов — Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. Иркутск, 1918. 8° II + 60 (оттиск из „Записок Тулуковского отдела общества изучения Сибири и улучшение ее быта“, кн. I, 1919). Общее замечание о народном времяисчислении; месяцеслов; дни и недели не в числах; в приложении народная драма „Шайка разбойников“, предметный алфавитный указатель, словарь местных слов и список литературы (35 названий), использованной автором в отделе сличений. — Несмотря на сравнительную изученность русско-сибирского

народного календаря (срв. известный труд А. А. Макаренко), книга Г. С. Виноградова весьма полезна для этнографов-исследователей.

Дополнением к этой работе является статья того же автора, Г. С. Виноградова — Детский народный календарь. Из очерков по детской этнографии („Сибирская живая старина“, Вып. II. Иркутск, 1924, с. 55—86 и 3 листа нот). По справедливому замечанию автора, „детская этнография — не только сколок (с этнографии взрослых); она имеет вполне самобытные, не встречающиеся у взрослых, особенности и черты, обуславливаемые совокупностью особенностей детского возраста“. Описываются главным образом детские игры и песенки, связанные с определенными сезонами. В приложении даны три детских мелодии. — В переработанном виде эта статья вошла в отдельное издание того же автора: Г. С. Виноградов — Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925. 16° 83.

К. За вой ко — В костромских лесах по Ветлуге реке („Труды Костромского научного общества по изучению местного края“, вып. VIII: Этнографический сборник. Кострома, 1917, с. 3—40). Подробно и хорошо описаны местные обряды Никольщины, Ильина дня, обряды в день Флора и Лавра: завиванье „бороды“ в конце жатвы; добыванье огня через трение кусков дерева — в случаях скотских падежей. Украшенные елочки на стенах и крышах изб, как память о молодых людях, ушедших на военную службу: обычай новый, впервые описанный; он особенно любопытен для этнографа, как эволюция известного свадебного обряда. Святочное ряженье. Легенда о сотворении мира; предание об убитой „Татарке“. Поверья о лягушках и медведе — бывших людях. Нечистая сила: чорт, леший, водяной, шишига, домовый и друг.

М. В. Красноженова — Взятие „снежного городка“ в Енисейской губернии („Сибирская живая старина“, вып. II. Иркутск, 1924, с. 21—37). Известная масляничная игра: из снега делается крепость, и всадник на коне берет эту крепость.

Об украинских обрядах: Ф. Коломийченко — Рідзвяні обряди и звичаї в Чернігівщині („Матеріали до української етнології“, том XVIII, Львів, 1918, с. 142—154). Запись 1912 г. в селе Прохорах Борзенского уезда. Колядованье, с 4 текстами песен; щедрование, с 8-ью текстами; игра „козу водить“; засеванье; гаданья; три обрядовых ужина („кутя“).

О. В. Сікиринський — Звичаї та обряди на Юрія в с. Глибокояр (Бадерево) на Одещині („Вістник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській академії наук“, I, 1924, с. 23—24). Краткое описание весенних обрядов Юрьева дня.

Л. Шульгина — Народний календар, ч. III. Великдень. Київ, 1925. 16°. 32. Издание этнографического общества в Киеве. Программа для описания пасхальных обрядов: великий пост, пасха, писанки.

О. Курило — Як водили переченю („Етнографічний вісник“, кн. I. Київ, 1925, с. 66—68). Описание малоизвестного украинского обряда по воспоминаниям крестьян Каневского уезда Киевской губернии. Когда полют свеклу, тогда девицы обматывают одну из своей

среды красными поясами (сняв их с себя), оставляя открытыми лишь глаза и рот. Руки ряженая девушка держит над своей головой, и в них цветок. Это и есть „перегения“; около нее идет „козак“, тоже в красных поясах. Все шло с песнями во двор пана. — В статье приведены варианты обряда и сопровождающие его песни.

М. Гайдай — Про „зільницький“ обряд і сполучені з ним пісні („Етнографічний вісник“, III, 1927, с. 95—101). Обряды собиранья лекарственных трав 10-го мая, с приложением программы для описания этих обрядов.

Р. С. Данковская — Программа для собирания сведений о праздниках Троицы и Ивана Купала („Музей Слободської України. Бюлетень“, 1925, № 1, с. 44. Харьков).

Б. Юрківський — Купальський обряд у селі Дуфінці на Одещині („Вісник Одеської комісії краєзнавства“, № 2—3. Одесса, 1925, с. 193—194). Украшенное купальское деревцо у девиц, которое потом кидается с лодки в море; обливанье девиц водою; 4 обрядовых песни.

Обрядам сбора урожая К. А. Копержинский посвятил два ценных исследования, и оба напечатаны уже в 1926 г. — в киевском журнале „Первісне громадянство“ (№ 1—2, с. 35—75) и отдельным изданием в Одессе — „Обжинки“ (60 стр.).

Над этнографическим изучением украинских обрядовых печений работает Р. С. Данковская в Харькове. Появились в печати ее статьи: 1) Программа для собирания обрядовых печений и сведений о них („Музей Слободської України. Бюлетень“, 1925, № 1, с. 42—43); 2) Народні обрядові печива „горішки“ („Записки Етнографічного товариства“, кн. I. Київ, 1925, с. 27—33 и 1 табл. рис.). О коллекции обрядовых печений в форме орехов, хранящейся в Харьковском музее Слободской Украины; 3) Етнографічне дослідження українських обрядових печив („Науковий збірник Харківської науково-дослідчої катедри Історії української культури“, № 2—3, 1926 с. 199—208).

V. Народные увеселения. — Г. И. Фомин — Кулачные бои в Воронежской губернии („Известия Воронежского краеведческого общества“, 1925, № 3, с. 14—18; № 5, с. 13—17; № 6, с. 11—15). Несмотря на широчайшее распространение у нас кулачных боев, они этнографически не изучены; и мы особенно приветствуем эту статью воронежского краеведа, впервые дающую подробное описание любимого русского народного развлечения. Автор начинает с истории вопроса, подробно описывает технику боя в гор. Воронеже и в разных местах губернии, заканчивает указанием на выработанные бытом правила боя. — Нельзя не пожелать, чтобы и в других местах краеведы дали описание этого исторического русского спорта. Срв. статьи С. В. Милеева в „Известиях физической культуры“ 1927 г.

К. П. Счастливцев — Деревенская „свозка“ в Матвеевской волости Кологривского уезда („Труды Кологривского общества краеведения“, II, 1923, с. 14—16). „Свозка“ — это местное название зимнего съезда молодежи на праздничное гулянье, состоящее в танцах и играх.

С. Н. Томилов — Крестьянские праздники в Пинежском уезде („Бюллетень Северо-восточного областного бюро краеведения“, вып. 3. Архангельск, 1926, с. 29—32).

А. М. Попова — Детские игры и забавы в сибирской деревне („Сибирская живая старина“, I. Иркутск, 1923, с. 106—120). Записи произведены в селе Распутино Балаганского уезда Иркутской губ., в 1921—22 году; автор пользовался, между прочим, программой Г. С. Виноградова — К изучению народных детских игр у бурят (Иркутск, 1922). Описано 34 детских игры, в том числе новая игра „в красных и белых“ (№ 6).

Названные нами выше (гл. IV) работы Г. С. Виноградова („Детский нар. календарь“ и друг.) имеют ближайшее отношение к детским играм.

Об украинских народных увеселениях: Ф. Коломийченко — Сільські забави в Чернігівщині („Матеріяли до української етнології“, том XVIII, Львів, 1918, с. 123—141). Записи 1913 г. в селе Прохорах Борзенского уезда Черниговской губ. Описаны детские игры, игры взрослых парубков, общественные развлечения — досвітки, качели, веснянки, купальские. Приведено более 10 мелодий песен — веснянок, купальских и иных.

В том же самом 18-м томе „Матеріял'ов“ напечатана большая статья под заглавием: „Збірки сільської молодіжи на Україні. З паперів Митр. Дикарева“ (с. 170—275), с предисловием В. Гнатюка. Записи принадлежат не самому Дикареву (умершему в 1899 г.), а его корреспондентам. Повидимому, это были ответы на рукописную программу М. Дикарева, напечатанную лишь после смерти автора в 1900 г., в III-м томе тех же „матеріал'ов“ и озаглавленную „Программа до збирання відомостей про громади и збірки сільської молоді (вулицю, вечерниці, досвітки і складки)“. После напечатанья этой программы — вопросника, в течение 18-ти лет не поступило на нее, по словам В. Гнатюка, ни одного ответа, хотя бы самого краткого. — Настоящая статья состоит из 4-х отделов: 1) Описание „парубочей громади“ в слободе Попасной Богучарского уезда Воронежской губ., 2) семь описаний „вулиці“ из того же Богучарского, из Валуйского и Ейского уездов, 3) восемь описаний вечериц и досвиток из тех же уездов, а также из Бирюченского уезда Воронежской губ., 4) пять описаний („складок“ (угощений молодежи в складчину) из тех же губерний.

В том же 18-м томе „Матеріял'ов“: Ол. Ріпецький — Парубочі й дівочі звичаї в селі Андріяшівці на Полтавщині (с. 155—169). Записи 1917 года, в Лохвицком уезде. Описаны досвітки, колядованье, игрища и гаданья на святках, угощения в складчину, качели.

Ф. Савченко — Парубочькі та дівочькі громади на Україні („Первісно громадянство etc.“, 1926 г. вып. 3, с. 85—92). Выяснены сравнительно-этнографические параллели из жизни первобытных народов и дана программа из 51 вопроса — для собирания материалов, выясняющих значение парубочьих и девичьих „громад“ на Украине.

VI. Верованья и приметы. На первом месте здесь необходимо назвать книгу финляндского ученого, напечатанную по-немецки: V. J. Mansikka — *Die Religion der Ostaslaven. I: Quellen.* Helsinki 1922. 8° 408. Издание F. F. Communications № 43. Мы не останавливаемся на этом труде, отсылая читателя к рецензии Е. Г. Кагарова („Этнография“, 1926, № 1—2, с. 365) и к критическому разбору Е. В. Аничкова — Последние работы по славянским религиозным древностям („Slavia“, II, №№ 2—3, с. 527—547, № 4, с. 765—778); здесь книга Мансикки разбирается рядом с трудами Нидерле, Брюкнера и Ягича.

Е. Г. Кагаров — Религия древних славян. Москва, 1918. 8° 72. Издательство Практические знания. — Вопреки заглавию, главное внимание в книжке уделено верованьям и обрядам русского народа, и даже для сравнения чаще привлекается обрядность классических, нежели иных славянских народов. Преобладающий в книге характер изложения — догматический. В примечаниях дана гл. обр. библиография.

Д. К. Зеленин — Древнерусский языческий культ „заложных“ покойников (Известия Академии наук, 1917, с. 399—414). Речь на диспуте в Московском университете 1917 г. при защите докторской диссертации „Очерки русской мифологии“ (Петроград, 1916). В речи дан синтез этой большой работы о культе умерших преждевременно неестественною смертью, об особом способе погребения без могилы таких „нечистых“ покойников, с чем связан особый древнерусский институт „убогих домов“; наконец о близком родстве с „заложными“ покойниками русских „русалок“.

Е. Г. Кагаров — Заметки по русской мифологии („Известия отделения русского языка и словесности Академии наук“, т. XXIII, 1918, № 1). О некоторых поверьях и обычаях, связанных с русалками и домовым; о значении некоторых праздничных обрядов и игр. — Срв. заметку того же автора „О значении некоторых русских народных обычаев“ („Воронежский историко-археологический вестник“, 1921, № 2, с. 40—41).

А. Комаров — Народные суеверия в Осинском уезде („Известия Общества изучения Прикамского края“. Сарапул, 1917).

М. Смирнов — Культ и народное сельское хозяйство („Краеведение“, 1923, № 2, с. 150—153). Анкета (31 вопрос) и практика применения ее в Переяславль-Залесском научно-просветительном обществе. — В 1924 г. эта анкета перепечатана в Ирбите, в издании Общества по изучению местного края.

Б. П. Княжинский — Знахарство в 17-м веке („Известия Воронежского краеведческого общества, 1925, № 6, с. 15—16). Данные из Усмани и Лебедяни, по документам 1656—58 и 1690 гг. московского архива юстиции. В 1658 г. у одного усманца были найдены „заговорные книги“.

С. Н. Введенский — Из прошлого воронежского края, II. Узелок с землей для „приворота“ (те же „Известия“, 1925, № 1, стр. 11). Документ 1700 г. из Острогояска; волшебная сила приписывалась земле из-под тына вместе с крестом.

Е. Н. Елеонская — К изучению заговора и колдовства в России, вып. I. Шамординская пустынь, 1917. 8°. 63. Заговор и колдовство на Руси в 17 и 18 столетиях, по документам из архива юстиции; заговор на оружие. Книжка имеет фольклорный характер, а не этнографический, ибо заговор рассматривается в ней, как литературное произведение; колдовской же обряд привлекается лишь, как исходная точка многих заговорных формул.

О верованиях см. выше статью К. Завойко (гл. IV), а также некоторые труды, названные в § 3 („Этнография“, 1926, стр. 145 и след.). — О приметах: Е. Золотов — Народные приметы и предсказания („Кунгурско-Красноуфимский край“, 1295, № 1). — Г. Кулыгин — Из народных примет („Сборник Кунгурского общества краеведения“, I. 1925. Кунгур). — А. А. Шустиков — Предсказания и приметы из мира животных (оттиск из „Известий Вологодского общества изучения Северного края“, вып. IV, 6 стр.). Записи 1916 г. в Кадниковском уезде. Поверья и приметы, связанные с лошадыо, с коровой, овцой, собакой, кошкой, с курами, с дикими зверями, птицами и насекомыми.

А. Огнева — Кикимора („Обновленная деревня“. Сборник, под редакцией проф. В. Г. Тана-Богораза. Ленинград, 1925. ГИЗ, с. 98 — 103). В деревне Пиненки, Яранского уезда Вятской губ., баба Марюха, которая слывет колдуньей, купила у татарина — коновала из соседнего Уржумского уезда трех кикимор; „этих маленьких, похожих на головастиков, кикимор Марюха посадила в бутылку“; вечером, как только погасят в избе огонь, она выпускала кикимор: те бегают по избе и фурчат. Поссорившись с дочерью соседа, девушкой 20-ти лет, Марюха ее испортила: зазвала к себе в избу и напоила чаем, а в чай незаметно впустила одну из своих кикимор; так и испортилась девка (с. 100). — Мы приводим эту цитату не потому, что придаем ей и всей статье научное значение; совсем напротив. Единственная наша задача в данном случае — показать на примере почтенному редактору Сборника разницу между „беллетристическим подходом“ в этнографии и подходом этнографо-фотографическим. Профессор Тан-Богораз не видит разницы между двумя этими подходами (стр. 15, где редактор сборника пишет: „были критики, называвшие наш подход беллетристическим. Я готов признать это скорее похвалю... Этот так наз. беллетристический подход является одновременно и этнографическим подходом... Это ряд фотографий на-лету, подмеченных черточек, подхваченных словечек...“). Этнографический подход не допускает не только неточностей и противоречий, но также и смешения фольклорных мотивов с бытовыми чертами. В данной статье все это как раз налицо; особенно тут неясно для читателя, где кончается быт и начинается фольклор, тем более что и по заглавию, и по предисловию читатель ждет в книге бытовых статей, а не фольклорно-сказочных мотивов.

Наше умолчание о белорусах в предшествующих главах § 6-го объясняется только тем, что научно-этнографических статей

и книг о белорусских народных обрядах мы нигде не встретили. Не знает их и специальный обзор работ по белоруссоведению, напечатанный в пражском журнале „Slavia“ (VI, № 1, с. 183—188: Заметки по белоруссоведению). О белорусских народных верованиях появилась статья Е. Н. Клётновой — Остатки змеиного культа в пределах Смоленской губ. („Научные известия, т. II. Общественно-гуманитарные науки“. Смоленск, 1924. Издание Смоленского государственного университета). Дан свод всего известного о местных пережитках культа змей — на основании письменных памятников, археологических и устного творчества.

Об Украине: А. Гаева — Исчезнувшие народные обычаи и поверья в Донбассе („Просвещение Донбасса“, 1924. Екатеринослав).

Д. Щербаківський — Сторінка з історії демонології. Вірування про холеру („Науковий збірник“ Історичної секції Всеукраїнської академії наук за рік 1924, том 19. Киев, 1925, с. 204—216). Речь о народных образах холеры и об однодневной церкви, построенной в 17 веке в мест. Сутче Пинского района.

Вол. Білий — До звичаю кидати чілки на могили „заложних“ мерців („Етнографічний вісник“, кн. 3, 1927, с. 82—94). Весьма ценное исследование об обрядах на могилах покойников, умерших неестественною смертью, с привлечением очень богатого нового материала, полученного анкетным путем.

Віктор Петров — Вірування в вихор и чорна хвороба (там же, с. 102—116). Общий вопрос о происхождении мифа, автор пытается решить на основании строго конкретного материала — народных воззрений на вихрь, как на демона. Всесторонний анализ народных взглядов на эпилепсию, приписываемую воздействию вихря, сопоставление этих взглядов с данными научной психиатрии приводят автора к выводу, что верование о демонической природе вихря развилось на основе — с одной стороны ощущений эпилептика перед припадком (Aura epilepsia, часто ощущаемая, как дуновение ветерка), с другой — на основе зрительных галлюцинаций в образе демонов.

Віктор Петров — Мітологема „сонця“ в укр. нар. віруваннях та візантійсько-гелліністичний культурний цикл („Етнографічний вісник“, кн. 4, 1927, с. 88—119). На основании детального анализа автор устанавливает полный параллелизм между народными воззрениями на солнце и между взглядами, выраженными в византийско-гелленистической литературе: солнце праведное, божественное, святое; солнце — колесо и огонь; солнце — лицо божье, ангел и т. п. По мысли автора, философский взгляд на солнце в византийской литературе создан на основе народного мифа.

P. Bogatyrev — Les apparitions et les êtres surnaturels dans les croyances populaires de la Russie Subcarpatique. Paris, 1926. 8°. 22 (оттиск из „Le Monde Slave“, 1296, № 7). Обрисованы подробнее три образа: упырь, нучник (ночной дух) и колдуны.

§ 7. Первоначально предполагалось („Этнография“, 1926, с. 133) дать здесь обзор литературы по музееведению. Но литература эта

крайне пестра—в связи с большим разнообразием задач и содержания самих музеев. Выделить из нее относящееся к этнографическим музеям было бы весьма трудно. Между тем, полный библиографический указатель всей литературы по музееведению печатается в ближайшей книжке журнала „Краеведение“. И мы предпочитаем дать здесь обзор этнографической литературы по народной медицине восточных славян.

Г. С. Виноградов—К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструкция и программа. Иркутск, 1923. 8°. 56. — А. А. Макаренко—Инструкция для собирания материалов по народной медицине („Летняя школа. Педагогический сборник“, вып. II. Ленинград, 1924. ГИЗ). — А. Н. Максимов—Обряд опахивания (Бродский — Гусев — Сидоров — Русская устная словесность. Ленинград, 1924, с. 182—184); анкета (51 вопрос).

В. Ф. Груздев—Из народной медицины русских („Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете“, т. XXXII, вып. 1. Казань, 1922, с. 89—92). Записи произведены в Юрьевецком уезде Костромской губ. в 1921 году. Отсутствие медикаментов и врачей в годы хозяйственной разрухи повело к оживлению народной медицины. В статье даны сведения о беременности и родах, о детской болезни „щекотун“, о детской грыже, собачьей старости и других болезнях; описаны обряды великого четверга и приведено пять заговоров. — Того же автора—„Религиозное врачевание русских“ (там же, том XXXII, вып. 2. Казань, 1923, с. 115—121). Текст „Сна пресвятой богородицы“ по рукописи 1803 года; „краткое сказание“ о том, каким святым от какой болезни молиться (с печатного текста 1860 года).

П. А. Городцов—Сибирская язва („Записки Тюменского общества научного изучения местного края“, I, 1924, с. 53—101). Весьма содержательный и ценный этюд по народной медицине Тюменского уезда; детально описаны взгляды народа на сибирскую язву, профилактика и способы лечения.

Т. Я. Ткачев—Народная медицина в Воронежской губернии („Воронежский краеведческий сборник“, III, 1925, с. 3—11). Отношение населения к врачам. Профилактика. Спутанность народной диагностики. Лекарственные средства. Между прочим, здесь практикуется исправление конфигурации головы новорожденного ребенка путем сдавливания ее бабкой; облизыванье роженицей своего ребенка языком вдоль спины; „запекание сухот“, т. е. рахита.

С. А. Сальхин—Село Рясы Спасского уезда Рязанской губ. („Вестник рязанских краеведов“, журнал Общества исследователей рязанского края, № 3, 1924. г. Касимов, с. 20—21). Обряд опахивания от скотского падежа в 1860-х годах. Продевание новорожденного младенца через расколотый молодой дуб, причем рубашка остается в дубе.

См. выше, в главе II, § 6-го, статью П. С. Богословского. в главе IV-й статью К. Завойко, а также ряд трудов, названных выше, в § 3.

РУССКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОСТРОЙКИ.

(Критический обзор новейшей литературы).

С. П. Толстов (Москва).

(Окончание. 1)

Совершенно особое внимание мы должны уделить недавно вышедшим „Трудам Верхневолжской этнологической экспедиции РАИМК'а“ — „Постройки Ярославско-Тверского края“ (XII, 176 стр., 115 рис., Ленинград, 1926 г.), под редакцией начальника экспедиции Д. А. Золотарева. Этот сборник — результат широко поставленных исследований, в которых принял участие целый ряд опытных работников-этнографов, проводивших изучение в течение нескольких лет на обширной территории двух смежных губерний и давших огромный материал по различным областям культуры населения.

В первый раз в русской научной литературе о жилище мы сталкиваемся с результатами серьезного исследования, носящего уже не выборочный характер, а дающего массовый охват материала с большой территории во всех его хронологических, этно-культурных и хозяйственных разновидностях.

В сборник входят статьи начальника экспедиции Д. А. Золотарева и ее научных сотрудников М. И. Артамонова, Е. Э. Бломквист, Л. И. Песселеп и Н. П. Гринковой. Д. А. Золотарев в своей статье „Изучение крестьянских построек в работах Верхневолжской этнологической экспедиции“ дает краткий очерк предшествующих исследований жилища, останавливается на вопросах постановки изучения построек экспедицией и дает характеристику самих работ.

М. А. Артамонов в статье „Постройки Краснохолмского района“, особенное внимание уделяет строительной технике. Это занимает почти половину работы. Материал, сруб, фундамент, подполье, стены, потолок, связи, крыша, внутренняя выделка избы описаны детально, с почти исчерпывающей полнотой. Во второй части статьи — „Описание построек“ — описан общий вид деревни района, усадьбы „дом“ и его части, хозяйственные постройки — овины, риги, житницы, сараи.

Для района характерна небольшая деревня в 40—50 дворов, преимущественно в два порядка, с замкнутыми усадьбами удлиненно-прямоугольной формы, примыкающими сзади к дому. Изгороди уса-

1) См. „Этнография“ 1927 № 1, стр. 175—184.

деб располагаются вдоль задних концов дворов, причем между дворами образуются заулки, нередко отгораживаемые от улицы, образуя так называемый „белый двор“. Застройка двух типов: 1) „Двор“ рядом с избой и 2) „Двор“ позади избы. В первом случае „двор“ является односкатной пристройкой (без потолка) сбоку от связи дома, составленной из избы и „конюшни“, с „сельником“ над последней. Морфологически этот тип и его разновидности, несомненно, являются местными вариантами однорядной связи и, повидимому, весьма архаичны. Во втором типе „двор“ входит в связь дома между избой и конюшней, причем застройка приобретает вид, сходный с описанными М. Я. Феноменовым для Валдайского уезда Новгородской губ. Второй тип является более поздним и, повидимому, в своих местных разновидностях генетически связан с первым, так как между ними существуют переходные стадии в виде еще сохранившегося односкатного „двора“ сбоку, при наличии включенной с связь дома другой части „двора“ (рис. 7). Помимо этих основных типов автором дано описание различных их разновидностей и модификаций, связанных с усложнением и развитием построек более зажиточных крестьян. В заключительной части статьи автор дает описание отдельных частей застройки, особенно подробно останавливаясь на избе и хозяйственных постройках, уделяя из них наибольшее внимание овинам. Риги в районе появились недавно. Овины распадаются на три основных типа: 1) овин с ямником, 2) как небольшое видоизменение его — овин верховой, 3) овин с одной пазухой, очень интересная и редко встречающаяся разновидность овина, где ямник с печью помещается не под „садилом“ (помещением для сушки снопов), а сбоку и нагретый воздух проникает в „садило“ через „пазуху“, идущую вдоль смежной с ямником длинной стены овина. Варианты этого типа встречаются в южных губерниях¹⁾ и, повидимому, являются очень архаичной формой, в некоторых отношениях сближающейся с ригой и близкой к гуцульскому овину (Niederle)²⁾, костром в яме, расположенной вдали от овина и соединенной с ним подземным каналом, приводящим нагретый воздух под колосники.

Е. Э. Бломквист в статье „Постройки Моложского уезда“ останавливается прежде всего на двух плотничных районах уезда — Захарьинском и Ситском, каждый из которых имеет существенное влияние на типы и стиль построек уезда. Затем как и М. И. Артамонов, но менее детально, описывает процесс постройки: возведение сруба, устройство крыши, „наряд“ — выделку дома, и переходит к описанию построек отдельных частей уезда, разделяя их по наметенному в начале статьи признаку на постройки Захарьинской работы — северные волости уезда — и постройки Покровско-ситской волости. В последней части работы автор детально останавливается

1) Тульская, Тамбовская. Я. П. Руднев, Об овинах крестьянских подсадных зап. Лебединского общества сельских хозяев. 83, ч. II.

2) Niederle, Život starých Slovanů D. I, Sw. 2, Praha. 1913.

на украшении крестьянских построек, резьбе и современной выпилке, уделяя последней особенное внимание, что является весьма ценным, особенно ввиду малого интереса большинства этнологов к этому способу украшения построек, подвергнутому в нашей науке своеобразной незаслуженной опале. Этот поздний слой народного изобразительного искусства, как сумела показать Е. Э. Бломквист своими обстоятельными материалами, заслуживает большого интереса как происходящий в настоящее время процесс своеобразного преломления городских стилей через призму народного восприятия. Наиболее старым типом застройки для обоих районов является, повидимому, двурядная связь, сейчас почти совершенно исчезнувшая, особенно в первом районе. Для первого района типичнее всего однорядная связь, двор с поветью и со взездом, в последнее время начинающим исчезать. Для второго района наиболее распространенным типом является соединение избы и двора „ендовой“ — поперечная связь¹⁾, где обычно зимняя и летняя изба, разделенная сенями лежит вдоль улицы, и сзади к ним перпендикулярно примыкает двухэтажный двор. В заключение автор отмечает изменение типов построек и способов стройки за последние 70 лет, причем летнюю и зимнюю избы вытесняет пятистенки, однорядная связь вытесняет все остальные, изменяются украшения, конструкции кровель и внутреннее расчленение избы. Как интересный факт, нужно отметить, что, повидимому, для обоих районов хронологическая последовательность типов застройки такова: двурядная связь — поперечная связь — однорядная связь.

Л. И. Песселеп в своей статье „Постройки Бежецкого уезда“ дает описание построек четырех волостей уезда, расположенных в разных его частях и населенных частью русскими и частью карелами. Преобладающим типом построек является однорядная связь, но в большинстве случаев без повети. Задняя часть застройки занята хлебом. Сравнительно редко пространство между избой и хлебом (собственно двор) покрывается „накатником“ — подобием повети из продольных (рис. 66) бревен или досок, лежащих на поперечных „связях“. Взездов нет, хотя в одном описании конца XVIII века и говорится о присутствии у карел взездов и помостов над всем двором. Повидимому, вообще этот накатник более типичен для карел, чем для русских. Автор считает возможным предполагать, что эта форма была прежде типичною для карел и впоследствии усвоена русскими.

Главнейшие отличительные признаки карельской избы — замена „голбца“ (досчатая пристройка к печи с дверцей и ходом в подполье) „каржиной“ (невысокий помост возле печи с люком для хода в подпол) и расположение стола против устья печи. Дальше автор рассматривает разновидности усложненной конструкции построек (пятистенки, двойные избы, избы с прирубом и т. д., двужильные избы) и конструкцию отдельных построек. Хотя автор почти не оста-

1) Термин, предложенный Зелениным.

навливается на двурядных застройках, но по заключительным словам ее — „двор сбоку и сзади и двор только сбоку, сохранившиеся у старых построек, на пути к исчезновению“, — можно предполагать, что и здесь, как и в Моложском уезде, мы присутствуем при заключительном акте смены двурядной связи связью однорядной, только более уже близкой к концу. Однако не совсем понятно, почему автор как-то объединяет „двор сбоку и сзади“ и „двор только сбоку“. Если под вторым названием подразумевается, как нужно думать, двухрядная связь, то „двор сбоку и сзади“ ничего с ним общего, кроме некоторого сходства в плане, не имеет, так как, повидимому, является одной из архаичных форм северной однорядной связи. Эта форма двора, повидимому, в дальнейшем эволюционирует в „двор только сзади“, в то время, как двурядная связь превратиться в однорядную, без заимствования, конечно, не может.

В последней статье сборника Н. П. Гринковой, — Постройки юго-западной части Ржевского уезда, — взят район, очень далеко отстоящий от района первых трех статей. Молодотудская волость образует обособленный этнокультурный район „тудовлян“, имеющих в своем языке и культуре целый ряд белорусских элементов. Жилищу этой обособленной группы населения Тверской губ. и посвящена статья Н. П. Гринковой. Автор разделяет постройки на 5 основных типов: 1) Двурядная связь. Изба и двор рядом, под отдельными крышами. 2) Двор и изба под одной крышей. Один из скатов крыши дома продолжается дальше, покрывая двор (разновидность двурядной связи). 3) Соединение избы или двора „в притычку“ или „в индавами“ (ср. ендовой). Поперечная связь. Двор расположен перпендикулярно к избе, упираясь в широкую сторону его крыши. 4) Однорядная связь. Третий и четвертый типы могут располагаться как перпендикулярно, так и параллельно улице. 5) Постройка с открытым двором. Изба и службы образуют замкнутую сложную постройку, внутри которой помещается открытый двор. Наиболее стар и довольно широко распространен тип первый. Тип третий распространен более всего, но появился позднее. Однорядная связь (4) и соединение типа второго появились поздно в начале XX века и не получили широкого распространения. Последний тип (5) является единичным явлением, повидимому, связанным с соседством границы открытого двора. Автор бегло останавливается на формах расчленения жилого дома и внутреннем его описании и заканчивает хозяйственными постройками, овинами. Интересна примитивная форма овина (сруба без настоящей крыши и прируба-подлеза), покрытого двускатным шатровым покрытием из жердей. Автор делает попытку применить в своей статье статистический метод, но делает это крайне осторожно, ограничиваясь выяснением процентного содержания тех или иных типов построек в отдельных деревнях и во всем районе в целом, что и дается в таблицах и диаграммах. Незнакомство автора с методами статистического анализа не позволило ему более полно использовать собранный огромный (713 изб в 33 селениях) материал, вполне пригодный для ста-

тистической обработки. Распределение построек на возрастные классы и построение кривых, выражающих соотношение возраста группы построек и процентного распределения типов внутри нее (по одной из осей — возраст, по другой — процент, отдельная кривая для каждого типа), могло бы дать объективную картину динамики изменчивости типов застройки, вместо статичных и мало говорящих таблиц, приведенных Н. П. Гринковой. Но, во всяком случае, уже факт применения статистического метода в этнологическом исследовании, хотя бы и неуверенного, говорит о необходимости объективизации методов полевого исследования, о привлечении массового материала, вызывающего к жизни новые методы обработки. Н. И. Гринкова сделала первый шаг по этому пути, и в этом ее большая заслуга.

Обширный материал, собранный в сборнике, носит характер внутренней разобщенности, что объясняется замечанием Д. А. Золотарева в вводной статье, рассматривающим настоящее издание как первую часть описания построек Ярославско-тверского края. Во всяком случае, сборник имеет характер еще достаточно сырого, совершенно не интерпретированного материала. Хотя Д. А. Золотарев и оговорился, что участники сборника стремились воздерживаться от каких бы то ни было обобщений, но это стремление привело к целому ряду недостатков сборника. Большое количество планов, при полном отсутствии профилей построек, не дает возможности детально выяснить конструктивное своеобразие различных типов построек и проследить процесс трансформации этих типов во всех его деталях. Переход от двурядной связи к однорядной, имеющий место почти на всей территории, охваченной сборником, является весьма сложным процессом и далеко не объясняется ни простым заимствованием, ни, тем более, самостоятельным творчеством. Ряд переходных ступеней, отмеченных в сборнике, соединяющих крайние типы застройки, ясно показывают насколько трудным, почти мучительным, является для деревни процесс ломки старых форм и замены их новыми. Насколько мне удалось выяснить в моей работе о постройках Нижегородского Заволжья¹⁾, этот процесс представляет переработку старых типов под несомненным воздействием типов, уже существующих на соседней территории. Так-например, в Уренской волости Краснобаковского уезда я констатировал такую последовательность смены типов-а) двурядная связь перпендикулярная улице, б) двурядная связь параллельная улице, что, повидимому, явилось следствием ее роста в длину, замены сельника второй избой. Отсюда уже сравнительно легко был переход к в) поперечной связи, с избой вдоль улицы и двором сзади, перпендикулярным к ней. Этот тип в последнее время вытесняется пятистенком с двором под одну связь, типом г) с однорядной связью. Оба последних типа сложились под несомненным влиянием поперечной и однорядной связи

1) С. П. Толстов, Морфологические типы крестьянского двора в Нижегородском Заволжье. Труды комплексной антропологической экспедиции Антропологического института I МГУ (печатается).

Ветлужского уезда, где тот и другой типы издавна существуют, или Баковского плотничьего района, куда они проникли уже очень давно. Однако заимствование сказалось лишь в плане и в сходной системе поповети (которая проникает из района однорядной связи значительно раньше, чем тип связи); двор попрежнему сохранил свои функции въездного двора, т. е. двора для въезда повозок, с открытыми летними загородьями для лошадей, под поветью, и хлев в конце, сближающий его с архаичными формами двурядной связи, в то время как в однорядной связи Ветлужского уезда весь нижний этаж двора представляет собой хлев, а функцию въездного двора несет поднавесье — особая односкатная пристройка сбоку. Таким образом, мы видим здесь гибридизацию, с расщеплением признаков типов, и возникновение новых, смешанных форм, в большинстве случаев более приспособленных к условиям среды и хозяйства, чем обе исходные формы. Выяснить, как идет этот в высшей степени важный как с хозяйственной, так и с научной точки зрения процесс, со всеми его деталями, по материалам Верхне-волжской экспедиции, к сожалению, невозможно, или возможно только в общих чертах, во внешних проявлениях этого процесса. Может быть, намеренное замыкание в узкий предел изучаемой территории и отказ от привлечения сравнительного материала и привело к недостаточно четкому выявлению наиболее важных сторон процессов трансформации типов застройки, протекающих в Ярославско-тверском крае. Во всяком случае, впервые в русской этнографической литературе поставлена проблема современной эволюции народного жилища и осознано значение этой эволюции. Результаты работ экспедиции, может быть, еще не вполне четкие, являются поворотным пунктом в методике изучения народного жилища. Значение массового охвата материала вполне уже осознано и доказано участниками сборника. Сделаны попытки применения новых методов обработки материала (статистики), правда, еще неуверенные, но достаточно показательные. Можно надеяться, что следующий сборник „Трудов“ экспедиции более четко и более детально поставит все эти вопросы и тем еще более утвердит свою позицию изучения живого быта населения в его динамике. Только исходя отсюда, мы сумеем верно понять то, что доходит до нас в фрагментах, обрывках и искаженных пережитках из более удаленных периодов народной жизни.

Если в настоящее время попытаться проработать и уточнить выводы Рамма, в отношении классификации и интерпретации типов построек великоруссов, несомненно, картина эволюции и взаимодействия этих типов станет значительно яснее. В особенности интересен процесс наступания различных вариантов однорядной связи с севера на юг, в области еще не так давно занятой двурядной связью, отмечаемый для Ярославско-тверского края трудами этнологической экспедиции РАИМК, и для Нижегородского Заволжья работами этнологической части комплексной антропологической экспедиции Института I МГУ. Однако отмеченный нами выше тип жилища Мещерского края,

связанный с аналогичными формами в Муромском уезде Владимирской губ.¹⁾ (и в Арзамасском, Городецком и Семеновском Нижегородской губ.), а также, частично, в южной части Московской губ.²⁾ несомненно, как в конструктивных деталях, так и в принципах общей планировки, теснейшим образом примыкает к севернорусским формам дворовой застройки, к вариантам однорядной связи, а отнюдь не может быть увязан с ограничивающей его с севера двурядной связью и охватывающей его с юга покоеобразной южновеликорусской застройкой с центральным открытым двором. Для выяснения истории взаимодействия типов жилища на территории обитания великорусского племени более детальное изучение этого типа построек, несомненно, является весьма важным, и может быть, явится ключом ко многим этнологическим проблемам, встающим при изучении великорусского племени. Этот тип застройки заставляет нас считать современное наступление однорядной связи вторичным движением, обусловленным процессом акклиматизации на северных территориях южных форм покоеобразной застройки с центральным двором, первой ступенью которого явилась выработка двурядной связи, которая по своим морфологическим особенностям и по своей неустойчивости по отношению к изменению климата, повидимому, может рассматриваться как подсеверная модификация южного двора покоем, воспринявшая многочисленные конструктивные особенности северного централизованного жилища однорядной связи и в последнее время, а может быть уже давно, на линии контакта обоих типов видоизменяющаяся в формы, аналогичные архаичному типу однорядного двора. Процесс широкого распространения двурядносомкнутого (двурядная закрытая связь) типа застройки и вклинивания его в территорию несравненно более рациональной однорядной связи может быть объяснен лишь наличием чрезвычайно активной этнокультурной группы, сумевшей не только сохранить, но и навязать обладателям весьма приспособленного к ландшафту типа жилища свой, далеко уступающий ему в этих качествах. Повидимому, этой волной является мощная волна культурных и колонизационных воздействий XV, XVI и XVII вв. на северные и северо-восточные области великорусской территории со стороны Москвы. Может быть, формой, сохранившей характер переходной ступени от южновеликорусской открытой связи покоем к двурядной связи, является жилище Вятского края, воспринявшее конструктивные черты северного жилища, но сохранившее южный морфологический тип сочетания отдельных частей постройки (между прочим, как мне удалось констатировать на северо-востоке Нижегородской губ., этот тип является весьма активным и, повидимому, сумевшим более приспособиться к условиям северной природы, нежели закрытая двурядная связь верхневолжского типа).

Однако, все эти вопросы вряд ли могут быть поставлены и решены сейчас с более или менее удовлетворяющей четкостью. Для

¹⁾ Полная энциклопедия русского сельского хозяйства по деревням.

²⁾ См. мою цитированную выше работу.

этого материал недостаточен не только количественно, но и в особенности, качественно. Очерченные еще Раммом границы распространения отдельных типов жилища, при всех уточнениях, которые мы могли бы внести, дают нам еще далеко не все, чтобы судить о реальной миграции и гибридизации типов. Для того, чтобы, например, гомологизировать различные варианты однорядного или двурядного двора, мы должны основываться не столько на внешних морфологических особенностях, на единстве плана и т. д. (которое могло вырабатываться как путем направляющего воздействия одного типа на другой, по своему происхождению совершенно отличный, так, может быть, и путем конвергентного развития двух разнородных типов), сколько на мало связанных с внешней средой, хозяйственным бытом, и м. д. конструктивных деталях. На мой взгляд, такими признаками (для северного двора) являются конструкция повети, отдельные конструктивные детали хлевов, клетей и в значительной мере — терминология.

Может быть, за исключением последней, именно на эти признаки до сих пор обращалось меньше всего внимания. Теперь становится совершенно ясно, что уточнение исследовательских методов и более глубокий и детальный охват материала, наряду с прослеживанием процессов современного видоизменения и взаимодействия типов построек (как это сделано этнографической экспедицией РАИМК), которое может явиться ключом к исследованию этих процессов в прошлом, должны твердо встать в порядок дня современной этнографической работы.

Тот факт, что при наступлении с севера однорядной связи она впитывает в себя и перерабатывает разнороднейший тип построек, который может считаться довольно ясно установленным, является достаточным аргументом за срочную необходимость, с одной стороны, переработки методов исследования, с другой — расширения территориального его охвата. Здесь перед нами во весь рост становится вопрос о широком вовлечении в исследование народного жилища местных краеведческих сил, что, с другой стороны, заставляет обратить внимание на их методическую подготовку, так как старые примитивные и легко доступные малоподготовленному работнику методы с каждым днем все менее и менее удовлетворяют потребностям научного исследования.

Вопрос об инструктировании краеведов, а может быть, и центральных работников, конечно, далеко не может быть разрешен ни личным инструктированием более опытных исследователей, ни изданием инструкций и программ того типа, которые исследовались раньше. Может быть, своевременно озаботиться созданием достаточно солидного руководства, которое могло бы ознакомить не только с тем, что нужно собирать, но и как нужно собирать, дало бы рядовому работнику, конечно, наряду с непосредственным инструктированием со стороны научных организаций, возможность более углубленно и методически подойти к изучаемому материалу.

Х Р О Н И К А.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА 1925/26 г.

19 марта 1926 г. в Смоленске было открыто Смоленское общество краеведения, которое в основу своего устава поставило — изучение края, т. е. губернии в историческом, экономическом, археологическом и этнографическом отношениях, причем этнографическая работа была вся сосредоточена в этнографической секции указанного Об-ва, руководителем которой был выбран В. В. Дмитриев. На первых порах своей деятельности Секция занялась учетом, выявлением и объединением лиц, ведущих этнографическую работу, приступила к популяризации идей изучения края в этнографическом отношении, к руководству работой местных краеведческих обществ, кружков, отдельных лиц и т. п.

Результаты этих работ Секции к концу года выразились в следующем: В состав Секции вошли, как ведущие этнографическую работу, следующие лица: В. В. Дмитриев, А. Ф. Палашенков, И. Ф. Барщевский, Н. Н. Редков, Г. В. Парфенов, Н. И. Савин (по Дорогобужскому у.), А. В. Павлович и др.

Полевая экспедиционная работа по собиранию этнографического материала велась на собственные средства самих членов Общества, интересующихся этой работой, что, конечно, не могло дать особенно ощутительных результатов. Всего было собрано свыше 50 песен, около 500 частушек, записано много обрядов, поверий и т. п. По материальной культуре изучались и зарисовывались типы построек, сельскохозяйственные орудия и т. п. в Смоленском и Ельнинском уездах. Кроме того, одним из членов общества — Г. В. Парфеновым было произведено обследование и изучение Любавичской вол. в географическом, экономическом и этнографическом отношениях. Собранные материалы частично были обработаны в виде докладов, которые затем были зачитаны на открытых собраниях об-ва, причем некоторые из них носили характер серьезно проработанных ценных монографий, а именно: Г. В. Парфеновым — „Географическое и экономическое обследование Любавичской вол., Смоленского уезда“, И. Ф. Барщевским — „О фаллоктеизме в связи с некоторыми бытовыми явлениями, встречающимися на территории Смоленской губернии“, Н. И. Савиным — „Бунт крепостных в 1812 г. в усадьбах Барышниковых“ и „О правовом и экономическом положении крестьян в усадьбах Барышниковых“, В. П. Лапчинским — „Проф. В. В. Докучаев (к 20-летию со дня смерти)“ и „Из материалов для биографии В. Н. Энгельгардта“, В. В. Дмитриевым — „1905 г. в Смоленском почтово-телеграфном округе“ и др.

Помимо этого, Обществом краеведения было устроено торжественное собрание, посвященное памяти смоленского этнографа В. Н. Добровольского, на котором были зачитаны такие доклады: В. П. Лапчинским — „Памяти В. Н. Добровольского“, Н. Н. Редковым, — „В. Н. Добровольский (Краткая биография и характеристика, по материалам В. В. Добровольского и по личным воспоминаниям), А. Ф. Палашенкова“, — В. Н. Добровольский — инспектор народных училищ, В. В. Дмитриевым и В. Р. Тарасенко — „Воспоминания о В. Н. Добровольском, как о проф. Археоло-

гического института", В. Т. Архангельским — „В. Н. Добровольский в Красноармейской школе и среди детей" и А. Ф. Палашенковым — „Судьба русской народной песни во II половине XIX в. и В. Н. Добровольский".

Популяризация идей изучения края в этнографическом отношении производилась двумя путями: путем печати и путем выступлений членов Об-ва на различных собраниях и конференциях учительства Смоленской губ., где выступавшие члены призывали участников собраний к собиранию этнографического материала и где давались соответствующие практические указания о правилах записи указанного материала. Помимо указанных выше работ, Секцией была выработана инструкция по собиранию этнографического материала, которая затем была разослана всем краеведческим кружкам и обществам губернии. Кроме Смоленска, этнографическая работа, по сведениям этнографической секции Об-ва, велась еще в следующих уездных краеведческих организациях: в Бельском Об-ве краеведения, Вяземском отделении Смоленского об-ва краеведения и др.

Этнографическую работу в Бельском уезде вели такие лица: Ф. Бородинский, Ф. Александров и др. Кроме того, Об-вом продолжалась работа по собиранию материалов в Бельском крае по программе губоно, причем в библиотеку Общества поступили такие работы: Лызлова М. Г. — Селищенская волость, Бельского уезда (Описание волости в естественно-географ., экономическом и др. отношениях); Соколова Д. И. — и др. Холмская волость; Боровикова и др. — Ленинская волость¹⁾. В некоторых из них приводится много этнографических материалов, записанных в обследованных волостях. В Вяземском отделении нашего Об-ва этнографическая работа ведется членом отделения П. Дубровским, заведующим музеем. Им собирается фольклорный материал, а также в течение трех лет ведутся бюджетные записи одного крестьянского хозяйства. В Рославльском уезде этнографическая работа велась местным краеведческим Об-вом, причем на хранение в музей поступило 110 песен, собранных преподавателем В. И. Ласкиным, и 48 частушек — Слущким.

В. Дмитриев.

ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

РАБОТА В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ ЗА ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ В Г. ВЯТКЕ.

Научно-исследовательский институт краеведения (осн. 1922 г.). До 1924 г. отделом этнографии русского населения местного края руководил проф. Н. М. Каринский. Отдел ставил себе целью: 1) дать общий очерк вятской диалектологии и 2) составить диалектологическую карту Вятского края. Н. М. Каринским собрано весьма значительное количество диалектологических материалов из Вятского, Слободского, Халтуринского (б. Орловского), Нолинского, Уржумского, Яранского и Глазовского уездов. Сведения доставлены свыше чем из 300 пунктов. Кроме того, в задачи отдела входило изучение народной словесности, музыки, обрядов. Отделом были организованы специальные экскурсии в Вятский и Малмыжский уезды.

С декабря 1924 г. по этнографическому отделу работала лаборантка Е. П. Луппова по вопросам: 1) местные особенности в говоре вятских учащихся, 2) изучение говоров Вятского края в связи с колонизацией (составлена сводка печатной лингвистической литературы).

Отдел установил связь с уездными краеведческими организациями и отдельными краеведами с целью их инструктирования и с целью учета местных материалов, для чего по краеведным организациям распространялись программы и методические заметки. С мест поступали материалы по народному творчеству, записи народных обрядов и обычаев, по быту населения, народной мифологии, диалектологии и словарю.

¹⁾ В этой программе слишком мало было уделено внимания изучению быта деревни.

Работу в области этнографии финских народностей производил для научно-исследовательского института П. П. Глезденев (умерший в 1923 г.); им разработана грамматика удмурт, мари, коми и собирался материал по вопросам народного творчества нацменьшинств¹⁾.

Научно-исследовательским институтом напечатано:

Н. М. Каринский. Программы для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края, в связи с собиранием других местных этнографических особенностей („Известия научно-исследовательского института краеведения“, № 1, Вологда, 1922 г.). Н. М. Каринский, Заметки о собирании особенностей языка, проникших в деревню в революционное время („Известия“, № 1), Н. М. Каринский, Собирание научных материалов, характеризующих этнографический перелом в Вятском крае во 2-й половине XIX и начале XX столетия. („Вятская жизнь“, Вятка, 1923 г.), П. П. Глезденев, К вопросу об языке народов удмурт, мари, коми („Известия В. Н. И. Инст.“, № 1), П. Н. Луппов, Быт нацмен Вятско-Ветлужского края (удмурт, мари, коми, татар и бесермян). („Вятско-Ветлужский край, 1926 г., № 1), П. Н. Луппов при участии Е. П. Лупповой, Программа для изучения населения Вятского края (приготовлено к печати), Е. П. Луппова. Изучение говоров Вятского края в связи с колонизацией (приготовлено к печати). О работе этнографического кружка см. ниже.

Педагогический институт им. В. И. Ленина. В кабинете русской филологии и этнографии, организованном проф. Н. М. Каринским, сосредоточена студенческая работа в области этнографии края. При кабинете в 1920 г. начал работать студенческий этнографический кружок (см. ниже). С 1924 г. на литературно-лингвистическом отделе работает краеведческий семинарий (под руководством Е. В. Матвеевой), изучающий язык, быт и народное творчество края. За 3 года работы собраны весьма значительные материалы по жилищу и постройкам и по словесно-художественному творчеству. В программу практических работ (1927 г.) включено этнографическое обследование волости, находящейся в сфере влияния институтского совхоза (в 17 верстах от Вятки). С 1919 по 1921 г. при Вятском институте народного образования читались лекции по этнографии удмурт (П. Н. Луппов) и мари (П. П. Глезденев). Под руководством последнего студенты изучали языки удмурт и мари. С 1923 г. были введены занятия по этнографии для всех нацменьшинств Педагогического института (мари, удмурт, коми, татар и бесермян). В 1924/25 г. для студентов нацмен старших курсов были организованы занятия по методике краеведения (под руководством П. Н. Луппова), где была разработана анкета о влиянии революции на быт нацменьшинств, которая еще в рукописном виде была роздана отдельным лицам. Дипломные работы студентов Лит.-лингв. отд.: Е. П. Лупповой, Постановка развития речи в школах Вятского края в связи с характером местной речи, Н. Н. Тихоницкой, Изучение народного творчества в трудовой школе при свете краеведения (с хрестоматией), А. А. Овчинниковой, Этнографические экскурсии в школе, И. И. Маишева, Культура пермяков Халтуринского уезда Вятской губ. по данным словаря — имеют характер этнографических исследований края.

В „Трудах“ Педагогического института напечатаны: в т. I — статья проф. И. И. Солодина, К материалам по вятскому фольклору, в т. II — П. Н. Луппов, О влиянии революции на быт нацменьшинств. Анкета (печатается).

Этнографический кружок. Студенческий этнографический кружок организован проф. Н. М. Каринским в 1920 г. (которым он руководил до 1923 г.). Кроме собирания материалов, членами кружка проделана большая работа: 1) по объединению печатных материалов словаря Вятской губ. (Даль, Васнецов, Зеленин и др.), 2) по объединению печатных песенных материалов. Со-

¹⁾ Сведения о деятельности института краеведения изложены по официальным отчетам („Известия института“, № 1, Вологда, 1922 г. Труды института т. I, Вятка, 1923 г.).

брано 10 вариантов вятской свадьбы. С 1923 г. по январь 1925 г. кружок работал при Вятском научно-исследовательском институте краеведения (под руководством Е. В. Матвеевой). За это время членами кружка составлены библиографический указатель по этнографии Вятского края, библиографический указатель по фольклору; обобщены печатные материалы по вятской свадьбе, составлена сравнительная таблица вятского говора и литературного языка, продолжалась работа по собиранию и обработке карточного словаря Вятского края. В силу внешних причин, в январе 1925 г. кружок раскололся, студенческая часть членов кружка вошла в состав студенческого исследовательского кружка местного края, другая же часть примкнула к Вятскому историческому об-ву, организовав там этнографическую секцию. Это обстоятельство сильно задержало развитие дальнейшей работы, так как секция студенческого кружка потеряла опытных старших товарищей. Этнографическая секция студенческого кружка по изучению местного края (под руководством Е. В. Матвеевой) работала по фольклору, музыкальному творчеству, материальной культуре и словарю. Работа секции увязана с работой этнографического отдела Государственного музея. Летом 1926 г. студенческим исследовательским кружком была организована экспедиция на р. Лету (Халтуринский у. Вятской губ. и Усть-Сысольский у. обл. Коми), в которой принимали участие 2 члена секции. Один из членов (И. И. Маишев) занимался изучением языка, составлением словаря и собиранием материалов по свадьбе пермяков Халтуринского у.; другой член (В. Г. Чудинов) собирал материалы по жилищу и одежде пермяков.

В стенах Педагогического института находится филиал Московского об-ва „Бöляк“, занимающийся сбором и разработкой материалов, касающихся удмуртов (вотиков). Председатель об-ва студент Г. Г. Тронин, член правления, преподаватель ин-та П. Н. Луппов, секретарь В. П. Вахрушев. Летом 1926 г. об-во командировало студента Кондратьева в Ярославскую вол. Слободского у. для исследования каринских вотяков.

Вятское историческое об-во. Общество реорганизовано в 1920 г. из Вятской ученой архивной комиссии. Председателем до 1923 г. состоял проф. Н. М. Каринский, с 1923 г. председатель об-ва П. Н. Луппов, зам. председатель Е. В. Матвеева, секретарь И. И. Матвеев.

Доклады по этнографии края, зачитанные в заседании об-ва 1922 — 1923 г.: Н. М. Каринский, Изменения в материальной культуре Вятского края во 2-й половине XIX и начале XX в. (напечатано в „Вятской жизни“, 1923 г., № 2), Н. М. Каринский, О вятской народной песне; доклад с сопровождением музыкальной иллюстрацией песенных мелодий, записанных членом об-ва И. И. Матвеевым („В. Ж.“ 1923 г., № 1), П. П. Глезденев, Тепляри („В. Ж.“, 1923 г., № 2), Е. В. Матвеева. Материалы к вопросу о вятских костюмах XVIII в. („В. Ж.“, 1923 г., № 1). Для учащихся II ст. г. Вятки был устроен „Вечер русской народной песни“ с докладом проф. Н. М. Каринского, за 1923 — 1924 г.: О. И. Осокина, Некоторые материалы по этнографии (русской и марийской) Вятского края 40-х годов XIX в., Н. Н. Тихоницкая, О вятском краевом материале по народной словесности. М. М. Решетников, Звукопись вятских частушек, за 1924 — 1925 г.: В. Н. Андриевский, Об экспедиции в Ветлужский край Кикнурской шк. II ст. Яранского у., А. А. Овчинникова, Этнографические экскурсии в трудовой школе, Е. В. Матвеева, Отчет об этнографической экспедиции в Куменскую вол. Вятского у. летом 1925 г.: Е. В. Матвеева, Вятская губ. в этнографическом отделе Русского музея в Ленинграде, Е. П. Луппова, Вятская губ. в московских этнографических музеях, И. И. Матвеев, Выставка сельских произведений в г. Вятке в 1854 г., устроенная М. Е. Салтыковым-Щедриным (по архивным документам). За 1925 — 1926 г.: Е. В. Матвеева, Из истории материальной культуры Вятского края (появление пилы), П. Н. Луппов, Из быта удмуртов Варзнатчинского края Вотобласти, Е. В. Матвеева, Материальная культура юго-западного угла Вятского у. („Тр. Гос. музея“, 1927 г.), Н. Н. Тихоницкая, Пища населения Куменской вол. Вятского у. („Тр. Гос. музея“, 1927 г.), Е. П.

Луппова, Язык населения Куменской вол. („Тр. Гос. музея“, 1927 г.), Н. Н. Тихоницкая, Словесно-художественное творчество населения Куменской вол. („Тр. Гос. музея“, 1927 г.), Е. В. Матвеева, Бесермяне Ярославской вол. Слободского у. и необходимость их учета при переписи 1926 г. (записка, поданная на конференции районных руководителей по переписи 1926 г.). Летом 1925 г. четыре члена об-ва были откомандированы в этнографическую экспедицию Гос. музея, а затем, по поручению об-ва, приняли на себя обязанности по организации этнографического отдела при Гос. музее.

Гос. музей, этнографический отдел. Начало деятельности этнографического отдела относится к осени 1925 г. Летом того же года на средства, полученные от отдела музеев Главнауки (250 р.), была организована этнографическая экспедиция в Куменскую вол. (юго-западный угол) Вятского у., граничащую с Нолинским и Халтуринским (б. Орловский) уездами, с целью собирания предметов материальной культуры старой деревни (см. „Тр. Гос. музея“, 1927 г.). Привезенные экспонаты легли в основание этнографического отдела, к ним (после тщательной проработки) были присоединены предметы старой музейной коллекции, а затем немногочисленные новые приобретения. Всего в настоящее время имеется до 600 №№. Фактически работающий 1½ года этнографический отдел, в настоящее время развернувший выставочный зал, не имеет средств на оплату личного состава. Вся организационная работа ведется членами исторического об-ва (Е. В. Матвеевой, Н. Н. Тихоницкой, И. И. Матвеевым, Е. П. Лупповой и студентом Педагогического института В. Г. Чудиновым). Ввиду совершенного отсутствия средств на приобретения экспонатов, вышеуказанными лицами был организован „Вечер русской песни“, где 1-е отделение все было посвящено вятской народной песне. Полученные суммы дали возможность открыть выставочный зал. Этнографическим кабинетом Гос. музея ведется следующая работа: 1) собирание и изучение предметов материальной культуры (Е. В. Матвеева), 2) собирание и обобщение фольклорных материалов, составление указателей (Н. Н. Тихоницкая и студенты Педагогического института), 3) собирание материалов по народному музыкальному творчеству, мелодии и народных гармонизаций (И. И. Матвеев), 4) инструктирование уездных музейных работников.

Из уездных музеев Вятской губ. планомерную работу по этнографии ведет музей г. Халтурина (б. Орлова), сумевший за один год работы наладить тесную связь с волостными и сельскими школьными краеведческими кружками. Заведующий музеем В. Ф. Северновский.

Состоявшаяся в г. Вятке краевая конференция Вятско-ветлужского края, с 21/II по 28/II, (с музейной секцией) дала возможность наметить ближайшие пути к поднятию работы по этнографии в уездных и волостных музеях.

Е. М.

ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ПЕРМСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ ЗА 1917 — 1926 ГГ.

За годы революции изучение Пермского края в этнографическом отношении не могло вылиться в определенные формы и при всеобщей разрухе не могло привести к желательным результатам. Этими же общими условиями объясняется и недостаточная планомерность в этнографических изучениях местного края. Работа носила прерывистый характер, шла скачками и лишь в последние годы, — годы усиления краеведческих занятий, пермская этнография начинает находить для себя определенное место и активных представителей: она концентрируется в стенах Пермского университета.

Предлагаемый ниже краткий обзор, далеко не претендующий на полноту, охватывает главным образом местную работу этнографического характера, связанную с Пермским университетом.

1. Этнографические поездки по Пермскому краю.

За последние десять лет Пермский край не подвергался (за отсутствием необходимых средств) со стороны пермских научных учреждений планомерному экспедиционному обследованию. Тем не менее, почти все пермские краеведы, работающие в области этнографии, посетили за время с 1917 года многие пункты Пермского края в поисках этнографических материалов и для производства соответствующих наблюдений по изучению местного населения, его быта и творчества.

Так, в первые годы отчетного десятилетия ряд поездок по Пермскому краю с этнографическими целями совершили следующие лица, связанные с местным краем главным образом своим происхождением и (отчасти) работой.

Борис Николаевич Вишне́вский — антрополог, исколесивший б. Чердынский, Соликамский, Пермский уезды, неоднократно исполнявший этнографические поручения профессора Д. Н. Анучина, опубликовавший, между прочим, в 1920 году в одном из казанских изданий сделанные им в Прикамьи записи: „Молодежь деревни Шемети Пермского уезда по ее частушкам“.

Яков Васильевич Шестаков (более известный в этнографической литературе под псевдонимом „Яков Камасинский“), прекрасно знающий население Прикамья, особенно же Пермского края.

Иван Иванович Ульянов, уроженец б. Ирбитского уезда Пермской губернии, изучавший главным образом зауральские уезды этой губернии.

Александр Константинович Сыропятов, ездивший главным образом по Чердынскому и Соликамскому уездам.

Весной 1917 г. Пермским университетом (тогда еще пермским отделением Петроградского университета) командированы были с этнографическими целями на реку Вишеру (в Чердынский край) и в Соликамский уезд профессор Арсений Петрович Кадлубовский и Павел Степанович Богословский. Последний неоднократно производил этнографические наблюдения и в последующие годы в ряде уездов б. Пермской губернии, между прочим, в Зауральи (в Камышловском уезде). Об этом см. в журнале „Этнография“, 1926 г., кн. I — II, стр. 317—318. Во время поездки А. П. Кадлубовским и П. С. Богословским были, между прочим, завязаны личные сношения с известным печорским сказочником и песенником Плотниковым. К крайнему сожалению, все записи, сделанные в эту поездку (главным образом от Плотникова) как этнографического, так и диалектологического характера, погибли в годы разрухи.

В 1920-х годах известный этнограф, собиратель печорских былин и северных сказок Николай Евгеньевич Ончуков, работавший в 1922—24 гг. в Пермском университете, совершил поездку в Чердынский край, где им собраны очень ценные этнографические материалы, поступившие затем на всесоюзную выставку в Москве.

Состоявший также в течение ряда лет в числе научных работников Пермского университета Алексей Викторович Шмидт (ныне научный сотрудник Музея антропологии и этнографии Академии наук) во время своих многочисленных (с археологическими целями) поездок по Пермскому краю производил и этнографические наблюдения, о чем делал соответствующие доклады в пермских научных учреждениях.

Знаток Пермского края (главным образом, Верхнекамья, Чердынского Севера), местные этнографы Александр Федорович Теплоухов и Николай Петрович Белдяцкий, в истекший период продолжали обогащать свои познания новыми этнографическими наблюдениями во время поездок по краю. Последний мог работать, однако, лишь в первые годы этого периода (до 1919 года). Что касается А. Ф. Теплоухова, то этот неутомимый местный исследователь, продолжающий славную традицию своей фамилии, в последние годы все почти время проводит в экспедициях и служебных командировках по Северному Уралу вообще и по Пермскому краю, в частности, и во время этих поездок неизменно

продолжает собирать материалы, главным образом, по народностям Севера. А. Ф. Теплоухов за последнее время проявил кипучую энергию и выпустил ряд работ этнологического характера (о них ниже).

Другой неутомимый этнограф Валентин Николаевич Серебренников, один из учредителей „Кружка по изучению Северного края при Пермском университете“, первый секретарь его (до 1925 г.), в 1917—1926 гг. также продолжал свои наблюдения (по своему обыкновению почти исключительно „пешим порядком“) как в родном ему Оханском уезде, так и в других местах Пермского края. В самое же последнее время (с 1925 г.) он работал в Кунгурском округе, куда его забросила судьба и где благодаря его энергии целый год существовал краеведческий журнал „Кунгурско-красноуфимский край“ (1925 г., №№ 1, 2, 3, 4—5, 6—7, 8—10, 11—12) и был издан выпуск „Кунгурского общества краеведения“, Между прочим для всемерной поддержки издания В. Н. Серебренников нес не только обязанности усерднейшего сотрудника, члена редакционной коллегии журнала, не только работал по экспедиции журнала, появляясь везде с мешком за спиной, в котором он носил краеведческие кунгурские издания, но и был одно время бесплатным наборщиком, желая облегчить стоимость издания и тем его поддержать. Редкая энергия, самопожертвование, исключительная любовь и преданность этнографической идее этого пермского краеведа, пермского Якушкина!

Состоявший в 1923—1925 гг. в Пермском университете финнолог и тюрколог профессор Аркадий Иванович Емельянов совершил, между прочим, из Перми две поездки на Верхотурский и Тобольский север (Уральской области) для собирания материалов по народностям севера, главным образом, вогульского племени.

Помимо перечисленных, посещали с этнографическими целями Пермский край и другие лица, бывавшие временно (иногда случайно) в Перми, не связанные с пермской этнографией. Поэтому упоминания о них едва ли уместны в настоящем кратком обзоре пермской этнографической работы, тем более, что результаты этих посещений в большинстве случаев прошли мимо Перми, в ней не зарегистрированы, а в некоторых случаях, к сожалению, исчезли бесследно для местного края, будучи увезены собирателями за пределы Прикамья и Урала.

Здесь уместно, пожалуй, заметить, что предполагавшаяся летом 1926 года этнографическая экскурсия участников краеведческого семинария лингвистического отделения педагогического факультета на реку Вишеру, преодолев ряд затруднений формального характера, не могла, однако, осуществиться из-за отсутствия ресурсов, так как ни из средств университета, ни от правительственных учреждений Перми и Свердловска на эту экскурсию получить ничего не удалось. Это тем более досадно, что экскурсанты очень стремились практически поработать в области этнографии малоисследованной местности, установили связь с чердынскими учреждениями и немало поработали в организационном отношении. Жаль, что осталась неиспользованной в краеведческих интересах молодая кипучая энергия пермских студентов-этнографов.

II. Об этнологической работе кружка по изучению Северного края в Перми.

В настоящее время работа этнологического характера в Перми исключительно, можно сказать, сосредоточена в университетской краеведческой организации, существующей со времени открытия Пермского университета (1916 г.) и объединяющей научных работников, местных работников-краеведов и студенчество в „Кружке по изучению Северного края при Пермском университете“ (КИСК). Работа кружка носит научно-исследовательский характер, студенты принимают в ней активное участие, почти все они — участники краеведческого семинария (на педагогическом факультете), руководитель которого (автор настоящей статьи) состоит председателем кружка.

В первое время существования Пермского университета кружок по изучению Северного края объединял лиц с самыми разнообразными научными интересами, направленными на всестороннее познание тяготеющего к Пермскому универ-

ситету огромного края. Но вскоре же, особенно с учреждением при университете ряда научных обществ, произошла дифференциация научных интересов, и работа кружка стала все более и более склоняться к изучению севера — и Пермского края в частности — в культурно-историческом отношении, по преимуществу же — в этнологическом. Это видно и из перспективного (ориентировочного) плана деятельности кружка. План этот выработан в последнее время и опубликован в статье П. С. Богословского, О кружке по изучению Северного края при Пермском университете (в журнале „Экономика“, 1926, № 5).

Так как деятельность кружка по изучению Северного края (как и всех учреждений Пермского университета) распадается на два крупных периода, а именно: до 1919 года, когда распоряжением военных и гражданских властей Пермский университет в полном составе был эвакуирован в г. Томск, и после 1919 г., после возвращения университета в Пермь, причем многие архивные материалы оказались утерянными, весьма трудно пока восстановить всю работу кружка, в частности — работу по этнографии местного края.

Можно лишь указать, что в начальный период существования кружка по изучению Северного края наиболее активными были местные краеведы, информировавшие как научных работников, так и молодое пермское студенчество о задачах и нуждах пермского краеведения и о местных изучениях Пермского края. Так, с докладами выступали: Я. В. Шестаков, В. А. Весновский, П. С. Богословский, студент В. И. Серебренников (бывший до университета учителем 15 лет), сделавший один из первых докладов в кружке на тему: „Неотложность задачи этнографического исследования Пермского края и Пермский университет“, студент А. А. Язвицкий и др. Между прочим, в одном из собраний кружка 1917 г. выступала охонская крестьянка Чечкина, с богатым знанием местных песен и другого фольклорного материала, причем В. Н. Серебренниковым была организована и продемонстрирована в собрании примерная запись произведений почти всех видов народного творчества.

После временного, вынужденного голодом и всеобщей разрухой, ослабления работы кружка по изучению Северного края, последняя начала оживляться в 1922 году. После перерегистрации, сделанной в это время, и выполнения разного рода формальностей, темп работы стал быстро расти, и кружок начал концентрировать свою исследовательскую деятельность в указанных выше направлениях. Вместе с тем стало расти и число членов кружка. После свыше чем 150 членов кружка в первый год его существования, в 1922 г. в нем было около 20 человек, в 1926 году — 65 членов (а к весне 1927 г. — 76 ч.). По своему составу члены кружка разбиваются таким образом: научных работников (профессоров и преподавателей университета) — 19, местных работников-краеведов — 20, студентов — 37. По партийности: членов и кандидатов ВКП (б) — 7, членов ВЛКСМ — 8, остальные — беспартийные.

Что касается работы кружка, то с 1923 по 1927 г. в нем было всего сделано 124 доклада и сообщений. Как видно из приводимого ниже списка докладчиков, студенты действительно принимают активное участие в исследовательской работе кружка. Эти молодые краеведы начинают интересоваться своим краем и свой научно-краеведческий интерес направляют в первую очередь на быт и творчество народа: этнографические наблюдения становятся особенно доступными для студенчества крестьянского происхождения.

С 1923 г. до весны 1927 г. в кружке по изучению Северного края заслушаны следующие доклады и сообщения этнологического характера (список авторов в алфавитном порядке).

А. Доклады и сообщения научных работников (16): 1. Проф. Н. И. Ансеров: 1) Антропологические работы в с. Троицком (на Сылве) и с. Пыскоре (на Каме) летом 1925 г. (См. Н. И. Ансеров, Черепа из древнего кладбища с. Троицкого, Пермского округа, в „Известиях Биолог. н.-иссл. инст. при Перм. ун.“, 1925, т. 4, в. 3. — 2) Проф. П. С. Богословского: 2) Об этнографическом изучении Пермского края. (Как этот, так и последующий доклад частично исполь-

зованы автором в печатной работе: „Об этнографическом и лингвистическом изучении Пермского края“), 3) Об изучении местного края в лингвистическом отношении, 4) Оханская загадка и житийная легенда (напечатано в „Перм. краевед. сбор.“ вып. II), 5) Рукописная традиция в шадринском фольклоре (напечатано в „Перм. краевед. сб.“, в. I), 6) Демонологический рукописный мотив и северная сказка (напечатано в журн. „Север“), 7) Фольклорист В. Г. Варенцов и его отношение к Перми (1825—1925). — III. Б. Н. Вишневского: 8) Очередные задачи антропологии в Пермском крае в связи с краеведением (напечатано в „Перм. краевед. сбор.“, в. II). — IV. Проф. А. Н. Грена: 9) Следы иранизма у зырян, 10) Об урало-алтайском происхождении этрусков, 11) Зырянская литература. — V. Проф. А. И. Емельянова: 12) Задачи изучения угро-финских народностей. (Частично опубликовано в работе П. С. Богословского, Краеведческая работа в Перми и ее областное значение, в пермском журнале „Экономика“, 1923 г., № 9), 13) Чуваши и пермские народности (напечатано в „Перм. краевед. сбор.“, в. I), 14) Следы мажарских поселений в Приволжском крае, 15) Среди зырян (поездка проф. Вихмана в Зырянский край). — VI. Преподавателя университета Н. Е. Ончукова: 16) Поездка в Чердынский край (напечатано в „Перм. краевед. сбор.“, в. I).

Б. Доклады и сообщения студентов (32). I. В. Баталина: 17) Народная остячко-русская пища тобольского севера. — II. М. К. Бояршинова: 18) Влияние города на народный быт Андреевской волости, 19) Отражение революции на быте Андреевского сельсовета, 20) Народные кушанья Оханского района (напечатано сокращенно в „Перм. краевед. сбор.“, в. II) под заглавием „Крестьянская пища Оханского уезда“. — III. М. И. Верещагиной: 21) Религиозный культ пермяков. — IV. В. Н. Винокурова: 22) Из заговоров Верхотурского уезда. — V. А. А. Вычичиной: 23) Былинная традиция на Печоре. — VI. К. В. Коноваловой: 24) Методы собирания и записывания произведений народного творчества. — VII. Л. Е. Кривошекова: 25) Вещественная и бытовая сторона Архангельской волости Коми-пермяцкого округа. — VIII. Е. М. Коняевой: 26) Похоронные одежды, обычаи и связанные с ними легенды у крестьян Слудской волости, Пермского уезда. — IX. Т. М. Коняевой: 27) Песни, записанные в Слудской волости. — X. А. А. Салазкина: 28) „Бытовое“. Диалектологические материалы по Курганскому округу Уральской области (напечатано в „Перм. краевед. сбор.“, в. II), 29) О населении Кургано-шадринского края до русской колонизации, 30) Путешественник и писатель-пермяк К. Д. Носилов и северные народности. — XI. В. Н. Серебренникова: 31) Наговоры дружки на свадьбе крестьян Пермской и Вятской губ., 32) Отражения революции в частушках Оханского уезда, 33) Вино и пьянство в отражениях народного словесного творчества крестьян Пермской губ., 34) Загадка крестьян Оханского уезда, 35) Историко-литературное и социальное значение народных анекдотических рассказов Пермской губ., 36) Семейные неурядицы по пермскому народному творчеству, 37) Народ как хозяин и работник по его пословицам и поговоркам, записанным в Пермской губ., 38) Об авторах произведений народного песенного творчества, 39) О народных заговорах Оханского уезда, 40) Перевелись ли богатыри на Руси (борьба как народный спорт), 41) Особенности некоторых произведений народного творчества Пермского края, 42) Старинные солдатские песни б. Оханского уезда (напечатано в „Перм. краевед. сбор.“, в. II), 43) Частушки, 44) Хулиганство деревенской молодежи в отражении песен и частушек, 45) Народные присловья (частично напечатаны в „Перм. краевед. сбор.“, в. II), 46) Особенности быта кунгурской деревни по частушкам. — XII. Трониной: 47) Северные сказители (характеристика в связи с бытом). — XIII. Ф. С. Шемякина: 48) Из народных сказаний Северо-двинской губернии.

В. Доклады и сообщения этнологического характера, сделанные местными работниками (5): I. Крестьянина Егора П. Аликина: 49) Липовая грамота оханских крестьян (с демонстрацией). — II. Старого краеведа В. А. Весновского: 50) Камская вольница (от Ермака и до Лбова) и ее социально-экономиче-

ская основа. — III. Т. Ракова: 51) Вогулы в санитарно-гигиеническом отношении (по личным обследованиям 1926 г.). — IV. Ф. К. Сазыкина (чердынского лесничего): 52) Кайский край (в верховьях Камы). Некоторые данные из доклада отмечены в статье П. С. Богословского („Перм. краевед. сбор. I, стр. 80—81). — V. Кроме того, в кружке заслушано было выступление, 53) народного поэта-сказителя (сторожа пермского рынка) М. Котова (60 лет).

Часть заслушанных в кружке по изучению Северного края докладов и сообщений, как уже отмечено в перечне, опубликована в разных органах, правда, в неполном объеме. Помимо выше отмеченных, необходимо указать еще на следующие работы и материалы этнографического характера, напечатанные в „Пермском краеведческом сборнике“.

Так, в первом выпуске „Сборника“ (1924 г.) помещены: А. К. Сыропятова, Отражения чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края (стр. 37—51). — В. Н. Серебренникова, Из оханского фольклора: 1) Из практики собирания фольклора. 2) Скороговорки, как вид народного словесного творчества. 3) Горе, беда, бедность в прибаутках народных (стр. 60—66). П. С. Богословского, Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине (тексты и заметки): 1) Осколки умирающей старины. 2) Из похоронных обычаев и поверий. 3) О роли полотенца в пермском культе умерших. 4) Северо-двинский вариант побывальщины о Святогоре-богатыре. 5) Старинное произведение о ленивом человеке. 6) Из народных легенд. 7) Из духовных народных стихов. 8) Лечебные приемы и средства народной медицины. 9) Из области суеверий. 10) О табаке, картофеле, чае и кофе. 11) Песня о чечотке. 12) О кайском крае. 13) Из быта зырян Чердынского уезда (стр. 70—83). Во втором выпуске „Сборника“ (1926 г.) по этнологии края напечатаны: А. Ф. Теплоухова, Пермяки и зыряне (стр. 113—124). Врача С. П. Попова, Крайний север Уральской области и быт остяков (стр. 124—128). П. С. Богословского, Крестьянская свадьба в лесах Вильвы Пермского округа (стр. 128—159). Студента М. К. Бояршинова, Новое в быте крестьян Андреевского сельсовета (стр. 165—169).

Кроме двух выпусков „Пермского краеведческого сборника“, изданных с огромной затратой энергии, пошедшей на изыскание средств для этого, кружку по изучению Северного края в первое время своего существования удалось напечатать отдельным изданием следующие работы этнографического содержания, принадлежащие В. Н. Серебренникову: 1) Загадки, как народное развлечение (загадки крестьян Оханского уезда Пермской губ.), Пермь, 1918 г., 36 стр. (всего напечатано 692 загадки); 2) Народные заговоры, записанные в Оханском уезде, Пермской г., П., 1918 г., 28 стр.; 3) Похоронные обычаи и причитания по умершим у крестьян Сгряпунинской волости, Оханского уезда, 1918 г.; 4) Частушки крестьян Оханского уезда, Пермской г. (Великая война и отражение ее в песнях-частушках, 1918 г.).

III. Пермский университет и этнология края.

Как видно из опубликованного в последнее время в журнале „Экономика“ (1926, № 5) плана работы кружка по изучению Северного края, деятельность последнего должна направиться главным образом в сторону планомерного обследования края в этнологическом отношении. К сожалению, отсутствие средств лишает возможность организовать соответствующие поездки экспедиционного характера. Тем не менее, отдельные члены кружка, а также провинциальные работники-краеведы, имеющие связь с последним, производят на местах этнографические наблюдения и собирают этнографические материалы (фольклорные по преимуществу). Поддержанию таких интересов среди студенчества к народному быту и творчеству не мало способствуют некоторые курсы этнологического характера читаемые в Пермском университете. Сюда можно отнести Краеведческий семинарий (язык рабочих и крестьян в связи с изучением их быта) для студентов II и III курсов (с 1926/27 акад. года только II курса) лингвистического отделения педагогического факультета.

О работе этого семинария руководителем последнего проф. П. С. Богословским была напечатана статья: „К подготовке краеведов-этнологов в Пермском университете“. (О работе краеведческого семинария на педагогическом факультете) в журнале „Экономика“ (1926, № 4.) В 1926/27 акад. году среди тем, разрабатывавшихся в семинарии, были предложены занятия по изучению языка рабочих и крестьян в связи с их профессиональными занятиями. Участники семинария занимались собиранием нужных материалов среди рабочих и кустарей для изучения их лексики и быта по таким разделам: 1) обусловленные производством местные названия материалов; 2) местные названия инструментария и местные разновидности последнего; 3) названия отдельных моментов трудовых процессов (местные названия приемов работы, ударов и т. д.); 4) местные названия продукции; 5) местные названия способов сбыта продукции, выключки и пр. у кустарей; 6) рассказы, анекдоты, прозвища с профессиональным оттенком, специфические профессиональные интересы — связанные с производством; 7) рассказы, предания о выдающихся местных мастерах, изобретателях-рабочих и т. д. См. об этом статью П. С. Богословского, Об изучении местного языка в связи с профессиональными занятиями в пермской газете „Звезда“ (1926, 23 ноября, № 269).

К сожалению, в 1926/27 акад. году из учебного плана лингвистического отделения педагогического факультета был исключен имевший немаловажное значение курс „Введение в русскую этнологию“ (читавшийся А. И. Емельяновым и П. С. Богословским).

Что касается изучения местных народностей угро-финского происхождения, то при наличии в Пермском университете на педагогическом факультете специального „Отделения языка и культуры коми“ представляется возможность соответствующих этнологических занятий. Так, в настоящее время профессором А. Н. Греном (а до него проф. А. И. Емельяновым) читаются курсы и ведутся семинарии по финно-угорскому языковедению и по культуре местных народностей. Под руководством указанных специалистов развила свою работу существующая при Пермском университете организация национально-краеведческого характера типа землячества)—отделение общества коми-края, где делались и делаются соответствующие доклады и сообщения этнологического характера.

Благодаря публикации (даже частичной) этнографических работ кружка по изучению Северного края, отдельные краеведы Уральской области, работающие в области этнографии края, вступают в связь с кружком, с его руководителем, делают запросы, сообщают о своей работе. К сожалению, финансовые затруднения препятствуют созданию особого бюллетеня, изданию инструкций, программ и публикации всех собранных наблюдений. При соответствующей же финансовой поддержке устанавливающаяся между кружком и его корреспондентами связь превратилась бы в постоянную, а это последнее дало бы возможность организованно и коллективно вести этнографическое изучение обширного края.

Помимо кружка по изучению Северного края и отделения общества коми-края, доклады этнографического характера делаются иногда в „Обществе философских, исторических и социальных наук при Пермском университете“ (ОФИС). Так, здесь в 1922 г. были сделаны доклады А. В. Шмидта об его этнографических работах в Пермском крае, А. К. Сыропотова на тему: „Этнография и местный край“.

Надо заметить, что представители различных научных дисциплин разных факультетов Пермского университета, работая в пределах своих специальностей, иногда касаются вопросов этнографического значения и производят соответствующие наблюдения над бытом местного населения. Таковы, например, работы кафедры гигиены (общей, социальной и труда), сотрудники которой часто обследуют отдельные места, промышленные центры Пермского края, выезжая и в отдаленные пункты. См., например, поездку доктора Попова, С. П. на крайний север Уральской области (в Обдорский район) для обследования быта остяков в санитарно-гигиеническом отношении. Следует отметить также давшую ценный

материал командировку на Урал доктора Окулова со студенческим отрядом для обследования труда и быта горнорабочих Кизеловского района.

В таком общем виде представляется работа Пермского университета по изучению местного края в этнографическом отношении.

IV. Пермский научный музей и его отношение к местной этнографии.

Коснемся работы этнографического характера, проявившейся около Пермского научного музея, известного и за пределами Урала, в частности — своими работами в области этнографии местного края (см. изданные музеем пять томов „Материалов по изучению Пермского края“).

В существовавшем при музее в первое время революции „Обществе изучения Пермского края“ (под председательством Б. Н. Вишневого), делались, между прочим, доклады и сообщения этнографического характера как самим председателем, так и другими членами общества (П. С. Богословским, В. А. Малаховским, А. К. Сыропятовым). В последующие, однако, годы работа Пермского музея испытывает ряд потрясений, в силу чего деятельность его направляется лишь в сторону собирания и хранения экспонатов музейного значения и частично — их изучения. Исследовательская же работа в музее замирает. И лишь в последнее время в открытом при музее в 1925 г. „Пермском обществе краеведения“, начинает опять проявляться работа научно-исследовательского характера, однако, направленная почти исключительно на изучение природы и хозяйства местного края, главным же образом на изучение города Перми. Правда, при обществе существует секция изучения деревни, но эта секция интересуется деревней также со стороны хозяйства. В силу этого, работа по этнографии местного края отходит к университету, где и сосредоточена в кружке по изучению Северного края.

Пермский музей, существующий уже десять лет и давно уже имеющий этнографический отдел, за годы революции большею частью находился в состоянии, не позволявшем в полной мере осуществить назревшие задачи пополнения, реорганизации и изучения отдела местного быта¹⁾. Тем не менее, этнографический отдел музея за указанное время получил некоторые пополнения. В частности, в него поступили материалы по набойке, в 1924 г. в музей был передан Д. М. Бобылевым привезенный им с Севера полный прекрасный шаманский костюм, поступила в него также коллекция народного шитья и т. д. В последние годы отдел заводского быта пополнился материалами, привезенными из ряда заводских пунктов (завода Пожвы и др.).

V. Об издании пермских этнографических работ.

Переходим к изданиям (не университетским), в которых напечатаны работы этнологического характера, принадлежащие главным образом пермским этнографам. Так, в издававшихся в 1917 г. „Известиях Пермского церковно-археологического общества“, вып. II, была напечатана работа В. Н. Серебряникова, Из похоронных причитаний. Стихи духовного содержания, записанные в с. Пихтовне (Елеси тож) Оханского уезда Перм. губ.

В журнале „Экономика“ (издание Пермского Исполкома) находим следующие статьи с этнографическим элементом.

А. В. Шмидт, Пермская деревня за последние годы (1924, № 3); 2) Б. Н. Вишне夫斯基, Вопросы пермского краеведения (1925, № 7); 3) П. С. Бого-

¹⁾ Автору настоящей статьи пришлось поработать в 1924 г. в качестве директора Пермского музея над восстановлением и реорганизацией его. См. наши статьи: „К восстановлению и реорганизации Пермского научного музея“ („Экономика“, 1924, № 12); „Пермский научный музей“ („Звезда“, 1924, № 237); „На путях к культурному и экономическому возрождению края“ („Экономика“, 1923, № 2—3 и др.).

словский, Проблема историко-этнографического исследования Прикамско-Уральского края (1925, № 8—9); 4) Максимилиан Камский, Экономический и художественный элементы в кустарной промышленности (1925, № 8—9); 5) П. С. Богословский, О собирании этнологических материалов (краткая программа) 6) Е. В. Медведев, Изучение и экспозиция до-октябрьского быта фабрично-заводских рабочих (1925, № 11—12); 7) П. С. Богословский, К этнологии Пермского края (1926, № 4); 8) Н. Поспелов, Деревня и ее творчество (1926, № 4).

В журнале „На третьем фронте“ (издании Пермского отдела народного образования) была помещена статья П. С. Богословского, О местных этнографических наблюдениях (вниманию школьных работников деревни), 1923, № 2—3 1).

В журнале „Кунгурско-красноуфимский край“, издававшемся в г. Кунгуре (90 верст от Перми), при ближайшем участии пермского этнографа, секретаря кружка по изучению Северного края, В. Н. Серебренникова, напечатаны следующие этнографические материалы и статьи пермских краеведов:

В. Н. Серебренников (Г. Аргентов, Г. А.): 1) О записывании произведений народного словесного творчества (№ 2); 2) Наговоры дружки на свадьбе (№ 2); 3) Из пословиц и поговорок крестьян б. Оханского уезда о вине и пьянстве (ibid.); 4) Причеты невесте на свадьбе у крестьян Чердынского края (№ 3); 5) Особенности народных загадок, как вида народного умственного развлечения (№ 3); 6) Моменты революционных переживаний в отражении городских и деревенских частушек (ibid.); 7) Песни про разбойников (№ 4—5); 8) Провинциализмы крестьян б. В.-Буйеской вол., Осинского уезда (№ 6—7); 9) Скороговорки как народное развлечение (№ 6—7); 10) Запись произведений народного творчества — очередная работа краеведов на местах (ibid.); 11) Отражение в песнях-частушках некоторых особенностей современного быта деревни Кунгурского края (№ 8—10); 12) Учение и воспитание в отзывах народных пословиц и поговорок (записаны автором в б. Оханском уезде) (№ 8—10); 13) Загадки как народное развлечение (№ 11—12); 14) Из пословиц и поговорок населения г. Кунгура (№ 11—12).

В. А. Весновский напечатал в кунгурском журнале статью: „Камская вольница“ (№ 8—10); П. С. Богословский, Кунгурские рукописные заговоры и их научное значение (№ 3); М. Камский, Народное художественное творчество в предметах домашнего обихода (№ 3).

В вышедшем в 1925 г. первом выпуске „Сборника Кунгурского общества краеведения“ Аргентовым (Серебренниковым) напечатаны: 1) В мире беспризорных детей; 2) Частушки Кунгурского края периода революции; 3) Из местных слов жителей г. Кунгура.

Большинство этнографических материалов, опубликованных В. Н. Серебренниковым в указанных кунгурских изданиях, вышло отдельной брошюрой: Г. Аргентов, Прикамье. Из произведений народного словесного творчества. Выпуск первый.

Выше было замечено об энергичной деятельности в области этнологии Пермского края местного краеведа А. Ф. Теплоухова. На основании материалов, лично собранных автором, а также многочисленных литературных данных, им изученных, А. Ф. Теплоухову удалось опубликовать следующие свои работы: 1) Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губ., и последующая смена его пермским и русским периодами (в „Записках Уральского общества любителей естествознания“, 1924, т. XXXIX, стр. 81—112, со схематической картой), 2) О фамилиях и географических названиях бывш. Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов (в „Кунгурско-Красноуфимском крае“, 1925, № 11—12), фамилии и географические названия Пермского края в этнографическом и историко-географическом отношениях

1) См. еще в том же журнале нашу статью: „О местных историко-литературных разысканиях“ (1924, № 1).

(в журнале „Комі Му“ — „Зырянский край“, 1925, №№ 9, 10—11. 12), 4) Обзор данных о географическом распространении пермяков (материалы для составления этнографической карты Уральской области), со схематической картой („Записки У. О. Л. Е., т. XL, вып. II, стр. 83—103). Если к этим работам А. Ф. Теплоухова присоединить его статью „Пермяки и зыряне“ (в „Пермском краеведческом сборнике“, вып. II), то можно указать определенный вопрос, исследованием которого занят А. Ф. Теплоухов, это — изучение пермяцкой народности.

Из иногородних журналов, в которых печатались пермские этнографические работы, можно указать на „Север“, вологодский журнал, где были напечатаны: „Демонологический рукописный мотив и северная сказка“ (№ 2, 1923 г.) П. С. Богословского и его же „Об изучении Пермского края в лингвистическом и этнографическом отношениях“ (1924, № 1 (5).

Что касается местной прессы, то надо сказать, что появление в ней путевых очерков, отдельных заметок, статей с этнографическим содержанием — довольно обычное явление. В последнее время корреспонденты помещают в пермской газете „Звезда“ и „Страда“ свои наблюдения над бытом переходного момента, отмечая разрушение старого, веками складывавшегося быта, и отдельные явления нового. Но отмечать, регистрировать все эти мелкие явления этнографического значения не представляется пока возможным.

VI. Утраты пермской этнографии.

В значительной степени отразилось на состоянии местной этнографии и распыление пермских этнографов, вызванное разного рода событиями и обстоятельствами. Так, за время революции покинули Пермь из местных уроженцев: Н. П. Белдыцкий, Б. Н. Вишневецкий; за последнее время из научных работников: А. И. Емельянов, Н. Е. Онгуков (все, за исключением Белдыцкого Н. П., перешли в Ленинградский университет).

Кроме того, Пермь лишилась, за смертью, ряда местных работников, знатоков местного края, особенно народного быта, сделавших свой посильный вклад в пермскую этнографию.

Отметим утраты, понесенные пермской этнографией за время революции.

Так, в декабре 1918 г. трагически погиб Яков Васильевич Шестаков, автор длинного ряда этнографических изданий, известный в печати больше под псевдонимом „Яков Камасинский“. (См., например, его сборник этнографических очерков и рассказов „Около Камы“, 1905, стр. 211).

Весной 1923 г. в преклонном возрасте скончался местный старожил, знаток заводского уральского быта, работавший в последние годы своей жизни в Пермской архивной комиссии, Леонтий Евдокимович Воеводин. Им, между прочим, записаны и изданы 45 народных старинных песен, собранных в заводах Пермской губернии, с приложением мотивов.

В том же году ранней весной из рядов пермских этнографов был вырван туберкулезом молодой художник-пермяк Петр Иванович Суботин. Покойный усиленно работал над изучением своей народности (коми — пермяков), в особенности в области народного искусства. Незадолго до смерти он показывал автору настоящего обзора составленные им и приготовленные к изданию альбомы с материалами по истории набойки в Пермском крае. (Судьба этих альбомов точно не установлена.)

В 1918 г. в Перми умер известный организатор и руководитель народных хоров Александр Дмитриевич Городцов, усердно изучавший местный край в музыкально-этнографическом отношении.

VII. К пропаганде этнографических интересов в Перми.

В заключение отметим еще пропаганду этнографических интересов в Перми. Этому, между прочим, содействуют устраиваемые в Перми вечера-концерты с фольклорным содержанием. Энергичную и плодотворную деятельность в этом

направлении проявила в 1924 и 1925 гг. пермская школа II ступени, № 11 (девятителетка), устраивавшая публичные „вечера русского фольклора“ под руководством преподавателей Соловьевой и Вилисова. Вечера пользовались большим успехом, их приходилось повторять. Приводим для примера программу одного из вечеров, после доклада о фольклоре были поставлены инсценировки: заговоры („от тоски родимой матушки и от зубной боли“), рассказывание сказки („о правде и кривде“), сказывание былины (о Садко, о Соловье Будимировиче), обычай водить медведя, народные игры („лен“, „бояре“ и др.), кукольный театр Петрушка). Особо была поставлена „Народная свадьба“, пьеса в 3 картинах, в обработке М. А. Рыбниковой, с заменой ряда обычаев и песен пермскими. В концертном отделении выполнялся ряд хоровых народных песен. Работой заняты были все старшие группы вместе с преподавателями словесности, пения, рисования и пластики. На вечерах присутствовало много взрослой внешкольной публики.

Представители Коми-области, Вот-области и др., входящие в имеющиеся в университете и на рабфаке „коми-отделения“, объединяемые землячествами, нередко также устраивают свои (публичные) вечера-концерты этнографического характера, на которых на финских языках исполняют соответствующие номера пения, декламации, инсценировки, делают постановки драматического национального творчества и т. д.

VIII. И т о г и.

Итак, краткий обзор пермской этнографии за последние десять лет (1917—1926) устанавливает следующее:

1. Прделанная в Перми работа по части изучения местного края в отношении быта и творчества приняла довольно значительные размеры.
2. По своему содержанию эта работа почти исключительно сосредоточена на фольклоре. По характеру — она по преимуществу индивидуальна, связана с персональными исследованиями. По месту — она сконцентрирована почти исключительно в университете, именно в кружке по изучению Северного края.
3. С приездом в Пермь финнологов, особенно с открытием в Пермском университете специального отделения языка и культуры Коми, значительно усилилось исследование населяющих пермский край народов финно-угорского происхождения.
4. В пермскую этнографическую работу втягиваются студенты университета, интересы этнографические пробуждаются и поддерживаются в средней школе, они отчасти начинают проникать и в широкие слои населения.
5. К сожалению, крайний недостаток (вернее — отсутствие) материальных ресурсов лишает пермских этнографов возможности организовать планомерное обследование местного края, издание программно-методических материалов и публикацию результатов пермских этнографических изучений.
6. От морального содействия и главным образом от серьезной материальной поддержки зависит дальнейшее развитие пермской этнографии.

П. С. Богословский.

ЭТНОГРАФИЯ В РАБОТАХ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ОТДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

(К 25-летию Отдела, 1902—1927 гг.)

К р а т к и й о б з о р.

В 1927 г. исполнилось 25-летие Семипалатинского отдела Государственного русского географического общества. Будучи единственной научной организацией обширного Семипалатинского края, отдел уже многие годы ведет большую краеведческую работу, исследуя край, объединяя местных научных работников, давая им организованную поддержку и популяризируя краеведческие сведения среди широких слоев населения. Явившись 25 лет тому назад, как под/отдел Западно-

Сибирского (Омского) отдела русского географического общества под/отдел 1924 г. отпочковался в самостоятельный отдел географического общества. Своими разносторонними исследованиями отдел охватил не только Семипалатинскую губернию, но и соседние с ней места Семиречья и Сибири. За время своего существования отдел напечатал 15 томов своих „Записок“ и выпустил ряд отдельных изданий, всего 33 т.; широко практиковал лекционную деятельность, причем лекции читались не только в г. Семипалатинске, но и в двух других местах Семипалатинской губ.; организовал солидную научную библиотеку; принял меры к организации музея и т. д.

За истекший период времени состоялось 276 заседаний Совета и 167 общих собраний членов отдела, на которых рассматривались вопросы, регулировавшие деятельность отдела. Не касаясь всей обширной исследовательской работы отдела, отметим кратко лишь этнографические достижения отдела. Интересуясь бытом населения Семипалатинской губернии, отдел обратил свое внимание на те этнографические группы населения, которые известны под именем Бухтарминских „каменщиков“ и убинских „поляков“.

Эти, чисто русские, славянские элементы населения, в давние времена ветром истории перенесенные из-за Урала в глухие дебри Алтайских гор и до сих пор сохранившие многие черты живой старины, представляют для этнографа большой интерес. Особенности материального быта и нравственного склада алтайских крестьян и явились предметом исследования со стороны отдела. Собранный о „каменщиках“ материал стоит в центре этнографических работ отдела. Казакскому (киргизскому) населению губернии отдел не уделял предпочтительного внимания, так как литература о казаках вообще всетаки довольно значительна, между тем как в исследованиях о русских засельниках Алтая чувствовался заметный пробел. Членами отдела был совершен на Алтай ряд этнографических поездок, с благоприятными результатами. Независимо от этого, изучался быт русских казаков, собирались — алтайские и казакские сказки (киргиз-казаков), разнообразный этнографический материал из разных мест Семипалатинской губ., изучалась жизнь соседних с Семипалатинским районом Семиреченских дунган, обследовалась доисторическая культура окрестностей Семипалатинска и т. д. Г. Н. Потанин предоставил в распоряжение отдела монгольский фольклор. Весь полученный отделом этнографический материал, после соответствующей его обработки, частью появился в „Записках“ отдела, частью был доложен в общих собраниях членов и использован для публичных лекций. В „Записках“ отдела напечатаны следующие этнографические статьи:

Ф. Зобнин. Казачьи песни. I в., 9 стр., 1903 г.

Н. Коншин. О памятниках старины в Семипалат. обл. I в., 32 стр., 1903 г.

Ф. Педашенко. Об археологических находках в окрестностях г. Семипалатинска (приложение к протоколу общ. собр. членов подотдела за 1903 г., 8 страниц).

В. Плотников. Песни казаков сибирского казачьего войска. I. Песни походные. II в., 10 стр., 1905 г.

А. Букейханов. Список обам на р. Слеты в Коржункульской вол., Акмолинской обл. III в., 2 стр., 1907 г.

В. Плотников. Песни казаков Сибирского казачьего войска. С предисловием. Б. Герасимова и Березовского. II. Хоровые и вечерочные. IV в., 58 стр., 1908 г.

В. Цибузчин и А. Шмаков. Заметка о жизни дунчан селения Кара-Кунуз Пишпекского уезда Семиреченской области. IV в., 23 стр., 1908 г.

Б. Герасимов. Из мира легенд и недавнего прошлого. IV в., 18 стр., 1908 года.

Его же. В долине Бухтармы (этнографич. очерк). V в., 115 стр., 1911 г. (Статья премирована со стороны Рус. географ. общ. серебряной медалью.)

Его же. Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая. VII в., 87 стр., 1913 года.

К. Рычков. Ценная археологическая находка (с рисунком). VII в., 3 стр., 1913 года.

А. Белослюдов. Свадебный ритуал Бухтарминских „каменщиков“. VII в., 13 стр., 1913 г.

Чернов, Горбатов, Титов, Байбулов. Заметки по истории и этнографии киргиз. VIII в., 16 стр., 1914 г.

А. Белослюдов. Сказки. X в., 47 стр., 1915 г.

Г. Н. Потанин. Примечание к сказкам (Белослюдова). X в., 7 стр., 1915 года.

А. Новоселов. Умирающая старина (к материалу по этнографии Алтайских старообрядцев). X в., 12 стр., 1915 г.

В. Белослюдов. Материал по этнографии Семипалат. обл. (Прибаутки, поговорки и т. п.) XI в., 13 стр., 1917 г.

Г. Н. Потанин. Монгольские сказки и предания. XIII в., 105 стр., 1919 г.

Его же. Круговое движение ночного неба и грозовое явление в монгольских преданиях, иконописи и пластике. XIII в., 26 стр., 1919 г.

В. Сарычев. Озеро Балхаш в географическом, этнографическом и экономическом отношении. XV в., 18 стр., 1925 г.

Б. Герасимов. Этнографический вечер Устькаменогорских краеведов, (Бюллетень отдела, за 1924 г., № 2).

Независимо от „Записок“, ряд сообщений этнографического характера был помещен некоторыми членами отдела в общей, преимущественно сибирской, печати (Б. Герасимов) и в журнале „Живая старина“ Русского географ. общества (Зобнина). Труды Зобнина по этнографии удостоены со стороны Русского географического общества серебряной медали.

Видное место в деятельности отдела занимали доклады и лекции. В них обсуждались различные краеведческие темы, предлагались в общедоступной форме те или иные сведения о крае. Доклады читались в общих собраниях членов отдела, на I-й губ. краеведческой конференции и в секциях, открытых в 1924 г. Состоялось всего 450 чтений, из них докладов было 310 и лекций 140; секционных сообщений — 86. В общей сумме научных чтений часть — этнографического характера.

Пропаганда идей этнографии шла не только путем печатного материала в „Записках“ отдела и путем лекций, но и при помощи этнографических вечеров, которые стали практиковаться отделом с 1914 г. Преследуя, с одной стороны, художественную цель — показать красоту вокального народного творчества, вечера эти в то же время знакомили с религиозным мировоззрением алтайцев (алтай-кижй, жители Ойратии) и шаманизмом казаков (киргиз). В области этнографического музыкального творчества большим успехом пользовались красивые по замыслу и оригинальные по композиции алтайские произведения (слова и музыка) этнографа, сибирского композитора, члена отдела А. В. Анохина. Его вечера „алтайской музыки“, которые ставились им по Сибири, всюду вызвали большой интерес. Отдел признал необходимым организовать в Семипалатинске демонстрацию алтайской музыки, что и было проведено под личным управлением А. В. Анохина. Казакские (киргизские) вечера знакомили с произведениями талантливого казакского поэта Ибрагима (Абая) Кунанбаева, переводчика Пушкина и Крылова, с бытом казаков и т. д. Исполнялись на вечерах также сибирские народные песни и песни каторжников. Устькаменогорский кружок краеведов, открытый в 1923 г. при участии отдела и состоящий с ним в связи, одно время развернул значительную краеведческую работу, поставив, между прочим, интересный этнографический вечер, исполненный силами учителей-краеведов.

В Семипалатинске отделом были устроены следующие этнографические вечера: 1) 26. I с. с. 1914 г. Казакский (киргизский), памяти Абая Кунанбаева (10-летие со дня смерти). На вечере, состоявшемся в Общественном Собрании, член отдела Назифа Кульджанова прочитала биографию Абая с характеристикой его творчества. Певцом Аль-Магомбетом Капселямовым были исполнены

под аккомпанимент добры стихи Абая и в его композиции (Абай был не только поэт, но и композитор): а) отрывок из письма Татьяны, стих. Пушкина, б) Любовь юности, в) оправдание после смерти и далее несколько старинных народных казакских песен. Член Отдела Г. И. Павлов сделал доклад о шаманизме. Был прочитан образец заклинательной песни казакского баксы, после чего баксы Беликпай Сатиев (80 лет) исполнил с кобысом сеанс призвания духов. Вечер закончился живыми картинами из жизни казаков. Были показаны: а) типы казаков; б) казаки за питьем кумыса и в) охота с ястребами. Вечер прошел с большим успехом и привлек около 500 человек публики, среди которой преобладали казаки, весьма заинтересовавшиеся программой вечера. Это был чуть ли не первый киргизский вечер в Семипалатинске. 2) В 1919 г. в помещении Учительской семинарии состоялся вечер в честь Г. Н. Потанина. В докладе, прочитанном членом отдела М. П. Коссенко о его деятельности, преимущественное внимание было уделено этнографическим работам. Сибирский поэт П. Л. Драверт (член отдела) продекламировал ряд своих стихотворений на сибирские темы, а студенческая молодежь томских вузов, гостившая в Семипалатинске на зимних каникулах, исполнила несколько вокальных номеров. Посетителей было около 150 человек. 3) 1924 г. в клубе Механошина был устроен вечер „Алтайской музыки“ из произведений А. В. Анохина. В программу вошли несколько алтайских исторических песен и песен с восхвалением красот алтайской природы. Хором, при участии квинтета и шаманского бубна, была исполнена сюита сибирского композитора в 5 частях „Хан Алтай“. В заключение член Отдела А. В. Акинфиев (бас) эффектно исполнил музыкальную поэму Анохина „Хан Эрлик“, составленную по шаманским мистериям и алтайским легендам. В начале вечера А. В. Анохин сделал сообщение о музыкальном творчестве алтайцев и затем давал этнографические объяснения музыкальным номерам программы в течение всего вечера. Вечер дал много освежающих впечатлений. Посетило свыше 400 чел. 4) 16. I. 1924 г. вечер алтайской музыки частично был повторен при докладе А. В. Анохина в собрании членов Отдела — об алтайском шаманизме. Доклад иллюстрировался картинами, рисующими религиозное мировоззрение алтайских инородцев, и предметами шаманского культа. А. В. Акинфиев исполнил произведения Анохина — поэму „Хан Эрлик“ и песню „Канай“ (горный дух, владеющий Алтаем). Два ученика пропели „Табыштак“, — народную алтайскую са-тиру, которая исполняется в порядке состязания между двумя певцами. Вечер собрал свыше 250 человек и прошел с высоким настроением. 5) 30. VIII. 1924 г. в помещении одной из городских школ оргбюро отдела по созыву 1-й Губ. краеведческой конференции устроило для членов конференции этнографический вечер, на котором краевед из г. Устькаменогорска С. В. Пешехонова дала номера женских песен, распеваемых на Алтае среди старообрядческого населения и среди переселенцев села Георгиевского Устькаменногогорского уезда, а Акинфиев исполнил „Канай“ и „Хан Эрлик“ Анохина и несколько песен сибирских каторжников. На вечере присутствовало около 120 чел. 6) 27. XII. 1924 г. в Гоголевской публичной библиотеке был устроен вечер-собрание членов Отдела, посвященный Абая Кунанбаеву, по случаю 20-летия со дня смерти поэта. Прочитали доклады члены Отдела — Б. Г. Герасимов „Что представляет из себя казакский народ в физическом и духовном отношении“ и Халиль Габбасов „Жизнь и творческая деятельность Абая“. Певец Капселямов исполнил с домброй несколько стихотворений Абая и в его напевах. Посетителей — 150 чел. 7) 29. XII. 1924 г. в театре имени Луначарского состоялся вечер отдела в честь того же Абая Кунанбаева уже на казакском языке. Членами отдела были прочитаны доклады — Х. Габбасовым „Биография Абая“ и Мухтаром Ауэзовым „Место Абая Кунанбаева в казакской литературе“. Учащиеся казаки из казпедтехникума декламировали стихотворения Абая, и певцы-казаки пропели его стихи. Друг юности Абая, поэт старик Кокбай Джанатаев делился своими воспоминаниями об Абее. Вечер посетило около 700 человек, главным образом казаков. Вечер носил характер поми-

нок по Абае, — в изобилии фигурировал кумыс, было и другое угощение. 8) 3. II. 1925 г. на вечере в Гоголевской библиотеке членом Отдела Б. Г. Герасимовым был прочитан доклад об алтайском шаманизме и бурханизме, после чего А. В. Акинфиев исполнил произведения Анохина „Хан Эрлик“ и „Канай“. Вечер собрал 100 человек.

Все вечера посетило около 2370 человек (в среднем около 300 человек — на один вечер). Можно считать, что вечера достаточно популяризировали тот этнографический материал, который Отдел ставил своей задачей демонстрировать перед широкими слоями местного населения.

Этнографический вечер Устькаменогорских краеведов-педагогов, устроенный в одной из городских школ 14 авг. 1924 г., представлял исключительный интерес. Исполнение песен сибирских каторжан — сольных и хоровых — чередовалось с местным народным литературным творчеством. С. В. Пешехонова прочитала красивую казакскую легенду „Хан Карачай“ и друг. народн. произвед. Но гвоздем вечера явилась инсценировка сибирской крестьянской свадьбы алтайских „поляков“, в ярких, цветных, алтайских костюмах и при участии крестьян учителей-старообрядцев. Весь ритуал свадьбы (в 3-х отделениях) был выполнен настолько живо и естественно, что создалась полная иллюзия настоящей „кержацкой“ свадьбы где-нибудь в глухом углу Алтайских гор.

Отдел содействовал организации этнографических вечеров и в некоторых Семипалатинских школах. Так, например, под руководством члена Отдела Герасимова, учащимися Семипалатинского промтехникума был устроен в марте 1925 г. „алтайский вечер, с докладом из быта „каменщиков“ и исполнением разнообразных номеров местного народного творчества, силами самих учащихся. Этнографической компетенцией Отдела пользовались и в других случаях.

На 1-й Губ. краеведческой конференции в Семипалатинске в 1924 г. работала и историко-этнографическая секция из членов Отдела. На конференции было дано три доклада этнографического характера, один в пленуме и два в секции.

В качестве вспомогательных учреждений Отдела явились организованные при нем библиотека и музей. Книжное богатство библиотеки определяется цифрой свыше 15 1/2 тысяч томов научных изданий, не считая газет, планов и карт. Самый богатый отдел библиотеки — научные периодические издания. Этнографическая литература в библиотеке интересна и значительна. Она представлена преимущественно журналами — „Живая старина“, „Этнографическое обозрение“, „Сибирская живая старина“, „Этнография“, трудами — этнографического отдела Русского музея, Русского антропологического общества, Музея антропологии и этнографии Академии наук, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и многими другими. Все эти научные издания включают в себе громадное количество статей этнографического характера. Наличие в библиотеке этнографической литературы значительно облегчало членам Отдела возможность этнографических изысканий края.

В музее географического отдела, в числе разных отделов, имеется и этнографический. Коллекции его довольно значительны. Казакский (киргизский) быт представлен в них полно, включительно до юрты. Не безинтересно собрание предметов китайского быта (Китай — ближайший сосед Семипалатинской губ.), собрание картин из дацанов Забайкалья. Кроме того, имеются предметы татарской жизни, костюмы „каменщиков“, инородцев крайнего севера, шаманский бубен, разные предметы русского быта, фотографии этнографического характера и т. д. Заслуживает внимания отдел археологии. Коллекции его разнообразны и интересны. Собраны они преимущественно трудами членов географического отдела и их содействием. И весь музей вообще составил главным образом путем пожертвований.

Бор. Герасимов.

PERSONALIA ¹⁾.

АБДРАХИМОВ, Али Шакирович (Али-Рахим) (*Казань. Левая набережная Кабана, д. № 100*).

Преподаватель истории татарской литературы и народной словесности в Восточном педагогическом институте, ученый секретарь О-ва Татароведения. Специалист по татарскому фольклору. Собрал значительный фольклорный материал и ведет его обработку. Печатает исключительно на татарском языке.

* БОГОСЛОВСКИЙ, Павел Степанович. Помимо указанных в „Этнографии“ (1926, № 1—2, стр. 318) статей, мною напечатано за 1926—27 гг.:

„К этнологии Пермского края“ (журнал „Экономика“, 1926, № 4). „К подготовке краеведов-этнологов в Пермском университете“ (О работе краеведческого семинария на Педфаке) — 1926, *ibid.*, „Оханская загадка и жизненная легенда“. (Из местных историко-литературных разысканий, II.) в „Пермском краеведческом сборнике“, вып. II. „Крестьянская свадьба в лесах Вильвы, Пермского округа“ („Перм. Краев. сб.“ вып. II, стр., 128—159). „К вопросу о составе лексики современного школьного языка“ (из материалов по изучению языка учащихся пермских школ), — в Уральском учителе, 1927, № 1—2. „Об изучении местного языка в связи с профессиональными занятиями“. „Звезда“, 1926, № 269. „К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов“. (По данным этнографической литературы и рукописным материалам Русского географического общества) — „Пермский краеведч. сборник“, вып. III, 1927 г. и отдельно, 1927, 64 стр. „Обработка льна и „конотиха“ в Добрянском районе Пермского округа“ — 1927 г, *ib.*, III. „Пермские сказания о картофеле“ — 1927, *ib.*, III.

БОРЧЕНКО, Е. В. (*Харьков*).

Научная сотрудница науч.-исследов. кафедры Истории украинской культуры в Харькове. Занималась изучением орнамента украинских килимов, главным образом, коллекции килимов, собранных в Екатеринославском музее. Напечатала работу: „Линейная композиция и узорные схемы в орнаменте некоторых украинских килимов“ в науковом Збірнику Харківської науково-дослідчої катедри Історії Української Культури, ч. 2—3. Последние годы занимается изучением настенных росписей украинских хат. Одновременно с исследованием этого вида народной живописи идет и собирание материала по настенным росписям по методу впервые предложенному Е. В. Борченко. По вопросу о росписях украинских хат Е. В. Борченко написала работу: „О настен-

¹⁾ См. журн. „Этнография“ 1926 № 1—2. Продолжая печатание отдела Personalia, редакция обращается с просьбой ко всем этнографам СССР, не давшим еще сведений о своей этнографической работе за истекшее десятилетие, ускорить присылку таковых для помещения в ближайшем № журнала. Вместе с тем редакция просит всех этнографов, уже помеченных в отделе Personalia, сообщать дополнительные сведения о себе.

ных росписях украинских хат в Екатеринославской губ., которая будет напечатана в следующем номере сборника Каф. Ист. Украинск. Культуры.

* БИЛЫЙ, Владимир Васильевич (Киев).

Научный сотрудник Этнографической комиссии украинской академии наук. Специальность—общая история украинской литературы, узкая—фольклор. С 1917 г. занимался собиранием различного фольклорного материала и последующей его обработкой. Собирает материалы главным образом на Полтавщине, Киевщине, Екатеринославщине, для чего и предпринимал ряд специальных поездок (1918, 1920, 1921, 1922, 1925 и 1926 гг.). Между прочим, напечатал следующие статьи: 1) „Забута справа“ („Зоря“ Ек-слав, III, 1925); 2) Ракове весілля“ (ib., IV, 1925); 3) „Радянське краєзнавство“ (газета „Зірка“, Ек-слав, № 206 за 1925 г.); 4) „Краєзнавство на селі“ (ib., № 213); 5) „Чергові завдання краєзнавства“ (ib., № 220); 6) „Музеї краєзнавства на селі“ (ib., № 225); 7) „Побут села й краєзнавство“ (ib., № 235); 8) Типи сучасного села“ (з етнографічного блокноту)—„Життя й Революція“, Киев, № 6—7—9 за 1925 г.; 9) „Яблучка й лимони“—„Етнографічний вісник“, I; 10) „Оповідання селянина про те, як він права добивався у Деникинців“ (ib., I); 11) „Масовий кореспондент у краєзнавчій праці“ („Культура і Побут“, № 8, 1926)—статья совместная; 12) „Міські слова на селі“ („Життя й Революція“, Киев, 1926, № 1); 13) „Небесна грамота“ (ib., № 4, 1926); 14) „До історії сборника южно-руських народних пісень. А. Метлинського, 1854 р.“ („Етнографічний вісник“, 1926, II); 15) Я. П. Новицький“ (Записки Істор.-філолог. відділу Української академії наук, 7—8, 1926); 16) „Два ветерани української етнографії“ („Зоря“, Днепропетровск, 1926, № 22); 17) „До звичаю кидати гілки на могилу заложних“ („Етнографічний вісник“, 1926, III); 18) „Сучасні українські прислів'я“ („Життя й Революція“ № 10, 1926); кроме того, несколько рецензий в „Етнографічному Віснику“. В настоящее время печатаются статьи: „Судова справа С. Д. Носа за матеріалами III отделения“, „Гнатоск, як збирав та записував“, „З матеріалів до історії української етнографії“ (Записки Іст.-Філ. Від. У. А. Н.). „До історії Старосветского Бандуристы Н. В. Закревського“ („Етнографічний вісник“, № 4).

* ВОРОБЬЕВ, Николай Иосифович (Казань. Центральный музей ТССР. Чернышевская 2).

Директор Центрального музея ТССР (с 1922 г.), старший ассистент при кафедре географии, этнографии и антропологии Казанского гос. университета (с 1921 г.), доцент Восточного педагогического института (с 1923 г.), ученый секретарь о-ва археологии, истории и этнографии при Каз. ун-те (с 1925 г.), член правления научного о-ва татароведения (с 1925 г.). Этнограф. Работает специально в области изучения материальной культуры народностей Поволжья. За годы революции произведены следующие работы: 1) в 1920 году, будучи командирован Красноярской (ныне Сибирской) Ихтиологической лабораторией на р. Чуну (приток Ангары) для изучения рыболовства, произвел изучение быта населения Чунского края; 2) с 1923 года и до настоящего времени занимается систематическим изучением материальной культуры казанских татар, с каковой целью ежегодно совершает поездки по ТССР для собирания материалов. Результаты исследований зачитывались в ряде докладов в Казани и Москве, а также частично опубликованы в печати. Основные материалы в настоящее время обрабатываются и будут опубликованы в виде специальной монографии по материальной культуре казанских татар; 3) в 1923 году, состоя членом Тат. выст. комитета, собрал значительные коллекции (до 1000 номеров) по татарам, которые экспонировал в павильоне ТССР на Всесоюзной с.-х. выставке 1923 года; 4) в 1924 году развернул этнографический отдел Центрального музея ТССР, в котором выставил значи-

тельные коллекции по казанским татарам и др. народностям Волжско-Камского края; 5) в 1925 году работал в качестве члена комиссии по подготовке участия ТССР в выставке декоративных искусств в Париже, для чего, совместно с другими членами, собирал материалы по прикладному искусству татар. (В настоящее время эти коллекции переданы Центральному музею ТССР и будут выставлены в качестве уголка, посвященного прикладному искусству татар.) Напечатал следующие работы по этнографии: 1) Быт и культура татар на Всесоюзной с.-х. выставке. Журн. „Труд и Хозяйство“ 1923 г., № 4. 2) Материальная культура татар в павильоне ТССР. Там же, № 10. 3) Русские сторожилы в Сибири. „Географ. вестник“, т. II, вып. 1—2, 1923 г. 4) Очерк красноловья на некоторых сибирских реках. Тр. Студ. Кружка „Любители Природы“, вып. 2, 1922 г. 5) Казанские татары (этнографический очерк). Сборн. „Материалы по изучению Татарстана“, вып. II, Казань, 1925 г. 6) Жилище и поселения казанских татар Арского кантона ТССР. Вестник научного о-ва Татароведения, № 4, Казань, 1926. 7) Население Причунского края. Изв. о-ва АИ и Э. т. XXXIII, вып. 2—3. Казань, 1926. 8) К. Ф. Фукс — первый исследователь сбыта казанских татар (печатается в Вестн. о-ва Татароведения, № 6). 9) Прimitивный тип татарского ткацкого станка, печатается в сборн. „Материалы Центрального музея ТССР“. В настоящее время ведет работу над монографией по материальной культуре казанских татар, которую предполагает закончить в 1927 году.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ, Николай Валерианович (Рязань).

Врач, член этнологической комиссии общества исследователей Рязанского края. С 1925 года занят исследованием знахарства в Рязанской губернии.

* ГЛУХОВ, Алексей Никанорович (Ленинград, Надеждинская, д. 27, кв. 5).

Помощник хранителя Отделения Сибири, Дальнего Востока и сопредельных стран Этнограф. отдела Русск. государ. музея. На службе музея с 1921 года по настоящее время. Принимал участие в экспедициях и командировках. 1) Летом 1920 г. в Антрополого-географ. экспедиции Томского гос. ун-та в Минусинск. край к местным турецким племенам; принимал участие в археол. раскопках курганов расцвета бронзовой эпохи. 2) Летом 1921 г. в Антропологич. экспед. Томск. гос. ун-та на Южный Урал (Челябинск. г.) к башкирам и в Тургайск. область к казакам (киргизам). 3) Летом 1922 г. в командировке к башкирам (Челяб. г.) на южный Урал. 4) Летом 1924 г. в Антрополого-этнограф.-археологич. экспедиции Этнограф. отд. русск. гос. музея, на Алтай к местным турецким племенам: теленгетам и тубаларам. 5) Летом 1925 г. в Антрополого-этнограф.-археолог. экспедиции Этнограф. отд. русск. гос. музея с самостоятельным обследованием тубалар р. Би и исследование могильника Кудырга. 6) Летом 1926 г. в Антрополого-медико-санитарн.-этнологич. отряде Казакстанск. экспедиции Акад. наук СССР, к казакам (киргизам), Актюбинск и Темир. уезды Актюбинской губ. Печатные труды: 1) „Тай-эма“ (1926 г., I вып., III тома), 2) „Могильник Кудырга на Алтае“ (1927 г., 2 вып., III тома), совместно с проф. С. И. Руденко — в III томе „Материалы по этнографии России“ изд. Русск. гос. музея. 3) „Зимнее жилище казаков (киргизов) Актюбинской губернии“. Труды особ. Комит. по изуч. союзн. и автон. республик. Ак. наук СССР, Казакстанская серия (в печати) 1927 г.

* ГИНЗБУРГ, Семен Львович (Ленинград, ул. Восстания, 22, кв. 27).

Приват-доцент Ленинградского университета, доцент Ленинградской консерватории, научный сотрудник I категории Государственного института истории искусств. Специальность — общее музыкознание, в том числе — музыкальная этнография и инструментоведение. Работает в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР над монографией об этнографических музыкальных инструментах на основе систематического описания музейных коллекций; в настоящее

время заканчивает описание коллекций Отдела Центральной и Южной Америки. Редактировал русский перевод книги проф. К. Штумпфе „Происхождение музыки“ (изд. „Тритон“, Л., 1927) и прочел ряд оставшихся ненапечатанными докладов по различным вопросам систематики музыкальных инструментов, первобытного инструментария и методологии инструментоведения и сравнительного музыкознания.

ГРЯЗНОВ, М. П. (*Ленинград, Госуд. русск. музей*).

Палеоэтнограф, помощник хранителя Этнограф. отд. Гос. рус. музея. Производил палеоэтнографические исследования близ г. Томска в 1924 г., в Алтайской губ. в 1925 г. и на р. Урале в 1926 г. Занимается изучением северно-азиатских культур бронзовой эпохи. Сейчас печатает работу о бронзовой эпохе Казакстана.

* ДАШКЕВИЧ, Всеволод Яковлевич (*Харьков, ул. Володарского, 43*).

В настоящее время работает при Харьковской кафедре истории культуры (этнолого-краеведческая секция). Подготовил следующие работы: „Сборник краеведческих материалов из села Радогощи Коростеньского округа“, „С Правобережной Украины“. Сборник этнографических материалов; „Представления укр. народа о смерти“; „Украинские предания и поверия о кладах, закопанных в земле“; „П. Н. Рыбников. Жизнь и деятельность“; „Труды акад. А. И. Соболевского по этнографии“; „Обзор программ и инструкций для краеведческого обследования Украины“ (1-я часть печатается в Сборнике Этнол.-краеведч. секции); „Описание говора села Радогощи Корост. окр.“; „Описание говоров Проскуровского уезда“ (б. Подольской губ.). Кроме того, составил ряд мелких заметок по укр. эсхатологии, а также несколько программ для собирания этнографических и фольклорных материалов. Работал над составлением библиографического указателя краеведческой литературы, имеющейся в библиотеках г. Харькова. С 1921 г. ежегодно проводит этнографические экскурсии (преимущественно на Правобережную Украину); материал, добытый в этих экскурсиях, составил два указанных выше сборника. В настоящее время работает главным образом над вопросами эсхатологии.

* ДМИТРИЕВ, Василий Васильевич (*Смоленск, Н. Воскресенская ул., д № 2, квар. 4*).

Этнографическую работу по Смоленской губернии начал еще с 1917 г., причем первоначально собирал похоронные обряды и причитания, а затем уже приступил к собиранию фольклорного материала. Собранные материалы по похоронным обрядам были обработаны в доклад, который и был зачитан в 1920 г. в Обществе истории, археологии и этнографии при Смоленском госуниверситете. Около 1½ года работал в качестве хранителя в Смоленском государственном историко-этнографическ. музее им. Тенишевой, где вел научную и культурно-просветительную работу. Работу начатую еще в 1917 г., по собиранию этнографического материала не прекращал и ведет по сие время. Всего собрано за этот период около 2500 частушек, около 250 всевозможных песен, много обрядов, примет, заговоров, пословиц и т. п. В настоящее время собирает материалы для монографического описания села Катинь-Покровского Смоленск. губ. и уезда, причем уже собрано: около 500 частушек, около 60 песен, составлен народный календарь, план деревни, сняты планы построек, сфотографированы некоторые типичные постройки, составлены родословные таблицы крестьянских дворов с 1812 г. и др. Помимо этого, составляет библиографический указатель этнографич. литературы по Смоленскому краю. В 1926 г. на съезде исследователей белорусской археологии и археографии сделал доклад: „Смоленские архивы и их научное значение“, и в Смоленском обществе краеведения — два: „Личные воспоминания о В. Н. Добровольском, как о профессоре Смоленского отделения московск. археологическ. института“ и „1905 г. в Смоленском почтово-телеграфном округе“. За период с 1917 г. и

по сие время напечатаны следующие статьи и корреспондентские заметки: 1) К вопросу о составлении археологической карты Смоленской г.— в журнале „Смоленская новь“, № 3—4 за 1923 г., 2) „Батрацкая забастовка в им. Высоком Сычевск. уезда Смоленской губ., в газете „Рабочий путь“, № 2, за 1926 г., 3) „Союз булочников. Смоленские булочники и кондитеры в 1906 г.“ в газете „Рабочий путь“, № 217, за 1925 г., 4) Год работы Смоленского общества краеведения, в журналах: „Известия ЦБК“ № 7 за 1927 и „Наш край“ № 6—7 за 1927 г., 5) „С. М. Соколовский“ (некролог), в журналах „Известия ЦБК“ № 7 за 1927 г. и „Наш край“ № 8—9 за 1927 г. Приготовлены к печати: 1) „Похоронные обряды и причитания в Смоленском крае“, 2) „В. Н. Добровольский“ (Краткий биографический очерк о жизни и деятельности смоленского этнографа), 3) „Заговоры, собранные в Смоленск. у. и др.“ Со дня организации Общества краеведения состоит зам. председателя его и руководит работой этнографической секции Общества.

ДМИТРУК, Никанор Константинович (*Коростень, Волинь, Редакция газеты „Новое село“*).

Этнограф. Служил в музеях — Волынском, Коростеньском, Киевском Лавровском музее. В Житомире издавал рукописный этнограф. журнал „Етнограф“, (вышедшие из №№ хранятся в Волынском музее). Организовал кружки этнографов из числа слушателей педагогических курсов. Собрал большой материал по фольклору и материальной культуре. Приготовлены к печати: „Весілля в с. Луці, Житомирського пов.“, „Легенда Коростеня“, „Програма до збирання матеріалів з нового (революційного) життя“. Напечатаны следующие статьи и материалы: „Чудеса на Україні року 1923“ („Етногр. Вісник“, ч. 1. Київ 1925 г.) „З нового побуту“ („Етн. Вісн.“, ч. 2, 1926 г.) „Краєзнавчий гурток при сельбуді“ (ж. „Селянський будинок“, ч. 6. 1926) „Голод під час революції“ (печ. в „Етнограф. Вісн.“).

* ДУЛЬСКИЙ, Петр Максимилианович (*Казань, Нижне-Федоровская ул., д. № 63*).

Заведующий Художественного отдела Центрального музея ТССР. Специалист по истории искусств. Занимается изучением прикладного искусства казанских татар и других народностей В.-К. края. В 1923 г., состоя членом Тат. выст. ком-та, собрал значительные материалы по искусству казанских татар, которые экспонировал в павильоне ТССР на Всесоюзной с.-х. выставке 1923 года. В 1925 году работал в качестве члена комиссии по подготовке участия ТССР на выставке декоративного искусства в Париже, собрал материалы и экспонировал их в уголке ТССР павильона СССР, для чего был командирован в Париж. За годы революции напечатал: 1) Восточная миниатюра на Выставке культуры народов Востока. Каталог выставки. Казань. 1920. 2) Искусство казанских татар. Москва. 1925. Изд. Центр. издат. народов СССР. 3) Татарские художники в Казани. Журнал „Безнег-Юл“ 1925, а также ряд мелких журнальных статей.

ЕВСЕЕВ, Макар Евсеевич (*Казань, Левая набережная Кабана, д. № 100*).

Научный сотрудник этнографического отдела Центрального музея ТССР, преподаватель Вост. педагогического института и Татарского коммунистического университета, член Комитета по изучению языковых и этнических культур народов СССР. Работает более 40 лет над изучением мордвы в этнографическом, историческом и лингвистическом отношениях. В годы революции работает преимущественно над обработкой собранных им богатейших материалов по этнографии и лингвистике мордвы, только иногда выезжая на полевую работу по поручению Ц. музея ТССР, а также ведет преподавание этнографии и языка мордвы.

В 1923 году выставлял свою богатейшую мордовскую коллекцию на Всесоюзной с.-х. выставке. За время, с 1917 года, по этнографии напечатал только статью— „Мордва Татреспублики“ в сборнике „Материалы по изучению Татарстана“, вып. II, Казань, 1925 г., ибо все время работает преимущественно по лингвистике мордвы.

ЗНАМЕНСКАЯ, Милица Ивановна (Рязань).

Секретарь этнологической комиссии при об-ве исследователей Рязанск. края С 1925 г. исследует художественные черты материального быта севера Ряз. губ.

* КАМИНСКИЙ, Вячеслав Арсеньевич (Киев, Вознесенский спуск, 22).

С 1919 г., войдя по избранию в состав комиссий для изучения обычного права при Укр. акад. наук., совершил ряд экскурсий для собирания материалов и изучений в 1919—1920 — в Дубен. у., в 1921—1926 гг. на Подоллии (уезды Винницкий, Каменецкий, Проскуровский, Ольгопольский), на Черниговщине (Чернигов, Остер, Литка), на Волинии (Житомир, Коростень и уезд). Собираение материалов велось в местных архивах, а также через наблюдение над местною жизнью, ее особенностями и теми видоизменениями, что явились в результате войны и революции с ее местными чертами. Предметами изучения были этнографические особенности и преимущественно юридический фольклор (обычное право). Равным образом читал лекции по этнографии в Винницком У К О (с 1920—1922), а затем в Художественном институте в Киеве (с 1923 г. до настоящего времени) — по истории украинской литературы и языка, привлекал студентов к занятиям по этнографии, и в результате это дало материал. За этот период с 1919 г. приготовленные работы не все напечатаны, а именно, напечатаны: „Етнографія та її питання в працях акад. М. І. Сумцова“. Записки І відділу УАН, кн. VII—VIII—удостоена премии Укрглавнаукы; „Спроба кодифікації звичаєво права на Україні“ „Праці Комісії № 4, 33—52. „Парубоцькі громади на Поділлі, як звичаєво-правий інститут“. „Праці“ Комісії. Кроме того, работал и работает над местными этнографическими изучениями в Волинской, Подольской и Черниговской губ. в их историческом аспекте. Уделяется внимание постановке и истории местных музеев (в Виннице, Чернигове и Житомире) и об этом делаются были доклады и сообщения. Наконец, среди этой работы сосредоточивает преимущественное внимание на отдельных деятелях-этнографах, а именно: Сумцове (см. выше), Драгоманове, Костомарове, Чубинском и Гнатюке. О них делаются были доклады и готовятся работы.

* КАРВИН, Лидже Карвинович (п. о. Башанта Калмыцкой области).

С 1921 г. по сие время вел работу по археологии, собиранию устного народного творчества калмыков. Два-три небольших сообщений, сделанные им в Калмыцком архивном бюро в 1922 г., были посланы в Академию истории материальной культуры. Под его руководством и лично им самим собрано, записано 1500 народных песен калмыков. В 1924 г., изучая жизнь и быт уральских калмыков и казаков (киргизов), пробыл в Уральской губернии Казакстана 4 месяца. Напечатано им десятки газетных и журнальных статей в изданиях Казакстана и Калм. области. Собран им материал по вопросу вымирания („инородцев“) малых народностей СССР. Им же прочитано в Астра — в г. Уральске публичные лекции на темы: „Культура киргизов“, „Культура калмыков“ и пр.

* КАРСКИЙ, Евфимий Феодорович, действительный член Академии наук СССР, директор академического Музея антропологии и этнографии и профессор Ленинградского государственного университета; до 1817 г. издавал и редактировал научно-педагогический журнал „Русский филологический вестник“, а с 1920 г. состоит редактором „Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР“.

Четвертый десяток своей научной деятельности и начало пятого (первая печатная работа появилась в 1883 г.) посвятил главным образом этнографическим изучениям в обширном смысле этого слова*), включая сюда этнографию в тесном значении, народный язык, фольклор и народный быт. Во всех указанных отношениях изучалось преимущественно белорусское племя. Из области этнографии и лингвистики с 1914 г. были напечатаны следующие работы: 1) Введение русской диалектологии и истории русского языка в среднюю школу (РФВ, т. LXXI); 2) Некролог В. Ф. Миллера (ib., LXXII); 3) Разбор книги В. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера: „Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache“ (ib., LXXI); 4) редактировал собранные студентами Варшавского у-та „Материалы по русской диалектологии“ („Варшав. унив. изв.“, 1914 г., VII); 5) „Белоруссы“, т. III. Очерки словесности белорусского племени. I. Народная поэзия (Москва, 1916); 6) Заметки по белорусскому наречию (РФВ, LXXVI); 7) Западнорусский ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 гг. (ib., LXXV); 8) Программа для собрания особенностей народных говоров. III. Программа для собрания особенностей белорусского наречия. 2-изд. ОРЯС (Пгр. 1916); 9) Этнографическая карта белорусского племени (Пгр., 1917). Второе издание (Пгр. 1918); 10) Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением (Пгр. 1918); 11) Белоруссия и Брестский мирный договор („Международная политика и мировое хозяйство“, 30—34); 12) Д-р Франциск Скорина („Червоны Шлях“, 1918); 13) в белорусских газетах „Звон“ и „Беларусь“ за 1919 г. и 1920 г. напечатал в белорусском переводе целый ряд статей по художественной белорусской литературе XVII—XX веков, именно а) Александр Рыпинский („Белар.“, № 20), б) Ян Чечот (ib., № 25), в) Викентий Дудин-Марцинкевич (ib., № № 40—41), г) Артемий Даревский-Верига (ib., 50), д) Феодор Евлашевский, писатель XVI—XVII в. („Звон“ № 24), е) Филон Кмита Чернобыльский („Белар.“ № 1), ж) Речь Ивана Мелешка (ib., № 10), з) Интермедия 1651 г. (ib., № 52), и) О терминах „беларус“, „беларуский“, „Беларуссия“ (ib., № 48 к), Белорусские произведения юмористически-комического характера (ib., № 87), л) Старинное белорусское поздравительное стихотворение (ib., № 89), м) Белорусские произведения Людовика Кондратювича (ib., № 7), н) Белорусские произведения Викентия Коротынского (ib., № 4), о) Забытый белорусский писатель прошлого века Феликс Топчевский (ib., № 13), п) Александр Ельский (ib., № 2), р) Родоначальники белорусского литературного возрождения—Богutowич, Неслуховский и Пашкевич (ib., № № 50—54, 30, 31); с) М. А. Богданович—поэт чистого искусства (ib., № 41), т) Анонимные стихотворения, представляющие крестьянский быт (ib., № № 139, 140), у) Откуда наши предки почерпали исторические сведения? (ib., № № 63—68), ф) Старинные белорусские юридические памятники (ib., № № 72—73), х) „Комедия Кастана Морашевского“, (ib., № № 106—107), ц) К вопросу об истории белорусской драмы (ib., № 100); 14) Беларускі народ і яго мова (Минск, 1920); 15) В белорусских журналах „Рунь“ и „Вольны сыяг“ напечатал побелорусски ряд статей по белорусской народной словесности, напр., „Святые Юрий, Илья и Микола в народных обрядах и песнях“, „Купала и Купальская обрядность“, „Живные обряды и песни“ и др.; 16) В газете „Утро Белоруссии“ (начальные номера) напечатал на русском языке: „Культурные взаимоотношения народностей, населяющих Белоруссию. I. Еврейские элементы в белорусском языке и старой письменности; II. Литовские элементы в белорусском языке“. Статьи эти явились и на белорусском языке в „Беларусі“ с прибавлением—III. „Тюрко-татарские элементы в белорусском языке“; 17) „Белорусы“, т. III. I. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность (Лгр. 1921); 18) Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе? (Минск, 1921); 19) Белорусская речь арабским письмом (отд. оттиск из II т. „Ученых записок Высшей

*) Общий очерк деятельности за предшествовавшее время, с перечислением лишь главнейших работ, имеется в „Очерке научной разработки русского языка в пределах СССР“ (Лгр., 1926, Сборник ОРЯС, т. 101), стр. 73—77.

школы г. Одессы, посвященных проф. Б. М. Ляпунову); 20) Беларуская мова арабскім пісьмом (Вестник Нар. комисс. просвещения. Минск. 1922, III); 21) Разбор книги „Проф. Н. А. Янчук. Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры. Старадаўны перыяд“. Менск, 1922 (ib., авг.—сент.); 22) А. А. Шахматов как историк русского языка (ИОРЯС, т. XXV); 23) „Белорусы“, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном языке (Лгр. 1922); 24) Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи—великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка) (Ленинград 1924); 25) Игнатий Викентьевич Ягич. Некролог (ИРАН, 1923); 26) Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков (ИОРЯС, XXVIII); 27) Отчет о командировке на I съезд славянских географов и этнографов в Праге в 1924 г. (Приложение к протоколу ОС, VIII, авг.); 28) Культурные завоевания русского языка встарину на западной окраине его области (ИОРЯС, XXIX); 29) Die weissrussische Philologie in den letzten zehn Jahren (Zeitschrift für slavische Philologie, I); 30) Geschichte der weissrussischen Volksdichtung und Literatur (Slavischer Grundriss. Berlin. 1926); 31) Отзыв о книге „Friedrich Lorehtz. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache“ (ИОРЯС, XXX); 32) Památce E. R. Romanova (Národopisny věstník československý. V Praze. 1926) 33) Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР (сборник ИОРЯС, CI № 1); 34) Отчет о командировке с научною целью за границу на летние месяцы 1926 г. (приложение к протоколу ОС за октябрь) 34) Белоруссы (Большая советская энциклопедия, V, 1927).

* КВИТКА, Климент Васильевич (Киев, Малая Подвальная, 20—25).

Заведующий Кабинетом музыкальной этнографии Украинской академии наук. Профессор Высшего музыкального драматического института в Киеве.

Музыкальная этнография. Экскурсии перечислены в статье „Муз. этнография на Украине“ (см. кн. 1—2 журнала „Этнография“, стр. 215); кроме того, в 1926 году совершил муз.-этногр. экскурсии: 1) в Могилевский (на Днестре), Проскуровский и Каменецкий округа и 2) в окрестности Новгорода-Северского. Труды а) напечатанные (на украинском языке): (1—2) Два сборника украинских нар. мелодий, изд. в Киеве в 1917—1918 гг. (225 мелодий и в 1922 году (743 мел.). (3—4) Ритмические параллели в песнях славянских народов и песенные формы с увеличенными вдвое ритм. группами—укр. журнал „Музика“. 1923 г., № № 1—5. (5) Лисенко, как собиратель нар. песен, 1923 г., изд. Укр. акад. наук. (6) Профессиональные нар. певцы и музыканты, 1924 г., изд. УАН, (7). Введение в муз.-этногр. изучения.—Записки этн. т-ва в Киеве, 1925. (8—9) Укр. песни о бегстве девушки и укр. песни о детоубийце—„Этногр. вісник“ 1926—1927. (10) Первобытные звукоряды в сборнике „Первісне громадянство“, культурно-истор. комиссии УАН, вып. 3, 1927 г.—Остальные работы перечислены в „Записках Іст.-філ. відділу Укр. ак. наук“, кн. V, стр. 320—1 и кн. VIII—IX, стр. 622; в) труды ненапечатанные указаны в упомянутой статье „Музыкальная Этнография на Укр.“ в предыдущей кн. настоящего журнала, стр. 219.

* КРАВЧЕНКО, Василий Григорьевич (Житомир, ул. К. Маркса, 101).

Этнограф (материальный и духовный быт). Работа с 1917 г.: собирание фольклорного материала на местах из уст народа: с 1920 и до наст. времени—организация Этнографического отдела Волинского Н.-И. музея („Музей—школа“. „Музей—жизнь“).

Этногр. экскурсии и наблюдения: а) в 1922—1925 гг.—с. Двірці Троянов. р и т. д. б) Руководство в 1922—1925 г.г. рукописным журналом „Этнограф“, изданным 13 № № краеведческим кружком Житомирского укрпедтехникума. в) Рыбачество по р. Тетереву—в 1924—1925 г.г. (работа продолжается). г) Составлено ряд программ (матер. и дух. культура, обычное право), более 10 печ. л. д) Экскурсии

в м. Троянов с студ. Житом. Укрпедкурсов для исследования гончарства в 1924—1925—1926 гг. е) Экскурсия в с. Барашівку с теми-ж студентами с исследоват. целью. ж) Экскурсия на Коростенщину в 1924 г. з) Участие и руководство в обследовании с. Сталишівки в 1925 г., проведенного Волын. окр. наробразом. и) Такая ж работа 1925 г. с учителями Коростен. окр. „обследованию м. Коростеня и с. Искорость“, 1) Собрано в Коростени в 1925 г. материалы „Народ. заговоры“ от знахаря Савки Бондарчука. к) Собран материал про „огонь“ и л) про чудеса на Правобережной Украине 1920—1926 гг. м) Руководство школьными и учительскими краеведческими кружками.

Напечатаны следующие труды: 1. „Звичаї в с. Забрідді“ і.т.и, XIV т. „Труды О-ва Исслед. Волыни“. Житомир, 1920, 2. „Етногр. праця в натурі“ статья в ж. „Сел. Бід“, 1922. 3. „Осапато́ва Долина“, Етн. Вісн., кн. 2. 1926.

Готовы к печати: 1. „Шопка або Житом. вертеп“, 2. „Подорож до м. Троянова“, 3) „Подорож до с. Барашівки“, 4) „Обслідування с. Станішівки“ 5) „Подорож на Коростенщину“, 6) „Обстеження м. Коростеня та с. Искоростя“, 7) „С. Дворець та деякі інші селища Троян. р.“, 8) „Огонь“ (в нар. побуті) (для ж. „Перв. громад.“), 9) „Краєзнавство в натурі“, крат. учебник для шк. краев. кр. (ок. 2 л.), 10) Программы (фольк. и мат. быт., ок. 10 л.), (обыч. право, ок. 7 л.).

Готовятся к печати: 1) „Чуда на Правобер. Україні“ (1920—1926 гг.) 2). „Замослення і забубони“. 3) „Рыбальство по р. Тетереву“, 4) „Обслідування Нім. колонії“.

ЛАШКОВ, Федор Андреевич (г. Касимов, Рязанск губ.).

Учитель Сынтульской (Касимовск. у.) школы. Собирает народного костюма. В 1923 г. им собраны обширные коллекции костюма Касимовского уезда для Касимовск. краевого музея. В 1923, 1924 и 1925 г. принимал участие в экспедиционном этнографическом исследовании Ряз. губ., гл. об. Касимовск. у.

* ЛОБОДА, Андрей Митрофанович (Киев, ул. Короленко, д. № 54, Украинская академия наук).

Д. член Укр. академии наук, председатель ее Этнографической (фольклорной) комиссии, редактор академич. „Етнографічного вісника“, член корреспондент Академии наук СССР, д. член Московской секции Российской академии Истории материальной культуры, д. член „Наукового товариства імені Шевченка у Львові“, неперемени. член Московского общества любителей антропологии, естествознания и этнографии, поч. член Киевского общества Нестора-летописца и Днепропетровского краеведческого научного об-ва, д. член ряда других обществ б. профессор Киевского университета и Киевского института нар. образования, бывш. преседатель Краеведческой комиссии при Украинской академии наук. Занимался и занимается гл. образом восточно-европейским фольклором. В этой области с 1917 г. напечатал: 1) П. Куліш—етнограф (Книгарь, 1919, № 23—24), 2) До Літературної історії „Записок о южной Руси“ Куліша (Записки Ист-філол. відділу ВАН, № 2—3); 3) Голод у народно-постичному освітленні (Наука на Україні, № 4, 1922 р.); 4) Краєзнавство на Україні (Бюлетень комісії краєзнавства № 2, 1924 р.); 5) Сучасний стан і чергові завдання української етнографії (Етнографічний вісник, кн. № 1); 6) З пісень на Україні про світову війну 1914—1918 рр. (там же, № 4); 7) Судьбы этнографии на Украине за 1917—1925 гг. („Етнография“, № 1—2); восемь рецензий в отмеченных журналах 1918—1927 гг.

ЛЕОНТЬЕВ, Василий Никанорович (Якутск).

Председатель Якутского культ.-просвет. Об-ва „Саха-Омук“, председ. секции языковедения Якутского исследоват. об-ва „Саха-Кескиле“. Напечатал ряд статей в местных периодических изданиях: „О якутской транскрипции“,

„Поэт ли Кулаковский“, „По поводу перераб. Новгородской транскрипции“, „Ответ критикам“, „Еще об якутской транскрипции“ и др.

МАЛИНИНА, Мария Дмитриевна (*Рязань*).

Товарищ председателя этнологической комиссии при Обществе исследователей Рязанского края и завед. этнографическим подотделом Ряз. гос. музея. С 1922 г. занята исследованием материального быта севера Рязанской губернии (Мещерского края), в № 7 „Вестника Рязанских краеведов“ за 1925 г., напечатала „Очерк рязанской мещеры“.

МАНСУРОВ, Алексей Алексеевич (*Рязань*).

Председатель этнологической комиссии при Обществе исследователей Рязанского края, заведующий археологическим подотделом и ученый секретарь Рязанского гос. обл. музея.

* МАСЛЕННИКОВ, Николай Иванович (*Казань, Университет, Кабинет географии и этнографии*).

В 1920 г. был избран по конкурсу на должность преподавателя-ассистента по кафедре географии. Является д. членом О-ва археологии, истории и этнографии при Казанск. университете и О-ва естествоиспытателей, при нем же секретарем секции естествознания, географии, краеведения Казан. педагогич. о-ва и даже почетн. членом студ. кружка по изучению Ульяновской губ., руководителем и основателем которого является с 1924 г. Из работ этнограф. характера напечатал „Из быта мордвы с. Кученеево Симб. губ.“ в Изв. Об. арх. ист. и этн. за 1916 г., там же печатается и другая статья „Крестьянские постройки мордвы с. Кученеево Ульянов. губ.“. Имеется рукопись „Мордовская свадьба в с. Атяжево Ульяновск. г.“.

МАСЛОВА, Галина Семеновна (*Москва, Б. Козихинский пер., 22, кв. 1*).

Научная сотрудница этнологического подотд. Музея Центрально-промышленной области. Работала по изучению материальной культуры в губерниях Центрально-промышленной области: в 1925 г.—в Касимовском у. Рязанск. губ. и Кашинском и Бежецком уездах Тверской губ.; в 1926 г.—Спас-Клепиковские озера (Рязанск. губ.)—изучение рыбацкого быта—и в Пошехонском уезде Ярославской губернии.

* НАВРОЦКИЙ, Борис Алексеевич (*Киев, ул. Раковского, д. 23, кв. 33*).

Сотрудник Научн.-исслед. института Т. Шевченко, чл. Этнографической комиссии Укр. академии. Специальность: история литературы, формальный и методологический анализ фольклора. Печатные работы: 1) Главы 5—6 в книге „Мова та поезія. Нарис з теорії поезії“. Книгоспилка. Київ 1925. 2) „Нова спроба посистематизувати дані первісної лірики“ (Н. Werner. Die Ursprünge der Lyrik, München, 1924). Этнографічний Вісник УАН, кн. 3. Печатаються 3) „Первісна метафора“ (Розгляд теорії Н. Werner'a). „Записки Укр. ак. н.“ кн. XII, 1927. Готовится к печати: 4) „Проблема мітичного мислення“ (З приводу Е. Cassirer. Die Begriffsformen im mythischen Denken. Leipzig 1922).

НЕУСТРОЕВ, Николай Денисович (*Баягантайский улус, Якутск. окр.*).

Член Якутского исслед. о-ва „Саха-Кескиле“; любитель фольклорист, якутский писатель.

ОРОСИН, Петр Иванович (*г. Якутск*).

Якутский писатель и любитель-фольклорист.

* НИКОЛЬСКИЙ, Николай Васильевич (Казань, Б. Проломная ул., д. 49, кв. 2).

Состоял преподавателем с 1915 по 1922 г. в Казанском университете, с 1918 по 1922 г. в Казанском педагогическом институте, с 1919 по 1922 год—Казанской Восточной консерватории; с 1922 г.—в Казанском восточном педагогическом институте. Состоит членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете с 1905 года по настоящее время; в разное время нес обязанности члена совета, библиотекаря, редактора „Известий“ и секретаря; состоит пожизненным действительным членом Русского географического общества в Ленинграде, членом Общества АИЭ в Самаре, членом Общества изучения местного края в Чебоксарах, членом-сотрудником Общества ЕАЭ в Москве, Педагогического общества при Восточном педагогическом институте в г. Казани, по секции обществоведения и по секции языка и литературы. Научные труды и исследования с 1917 года: 1. Чувашско-русский словарь. Казань. 1919. 16°, 326 стр.; 2. Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья. Казань. 1920. 8°, 76 стр. (Положительный отзыв Художественного совета восточной консерватории см. в протоколах совета 1921 г. 20 дек.). 3. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань. 1920. 8°, 480 стр. 4. Конспект по истории народностей Поволжья. К. 1919. 8°, 112 стр. 5. Конспект по этнографии чуваш. К. 1919. 8°, 104 стр. 6. Конспект по грамматике чувашского языка. Казань. 1919. 7. История Мари (черемис). Казань. 1920. 8°. Вып. I. 180 стр. (Положительный отзыв проф. Н. Н. Фирсова см. в Известиях ЦИК ТССР за 1920 год). 8. Основы иногородческого образования. К. 1919 8°, 56 стр. 9. Рецензия на книгу проф. Н. И. Ашмарина „Опыт исследования чуваш. синтаксиса“. Симбирск. Часть 2, 1923 г. („Вестник Просвещения ТССР“. 1923 г. № 6 (июнь) стр. 58—62).

Помимо названных работ всего имеется еще более 35 других напечатанных работ. Большая часть этих работ была отмечена в русской и заграничной печати в свое время. Из положительных отзывов последнего времени можно отметить отзыв Финдейзена в *Asia Major*, 1925 г. vol. II, Fasc. 2, p. 339—344. Научные доклады делал, главным образом, в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, почти ежегодно, начиная с 1906 года, на темы: по истории, этнографии и статистике народностей Поволжья, в Казанском педагогическом обществе.

Имеются в рукописи: 1. Полный чувашско-русский словарь—на 50 печ. л. 2. Полный русско-чувашский словарь—на 80 печ. л. 3. Лекарственные травы Чувашской республики. 4. Материалы по истории чуваш—на 50 печ. л. 5. Оценка посевного материала АЧССР—на 30 печ. л. 6. Народная медицина у чуваш—на 8 печ. л. 7. Русско-латинско-чувашский словарь для медицинских работников—на 10 печ. л. 8. Русско-латинско-чувашский словарь для агрономов среди чуваш—на 20 печ. л. 9. Сказки чувашского народа—на 8 печ. л. 10. Краткий курс этнографии чуваш—на 15 печ. л. 11. Краткий курс по географии АЧССР—на 15 печ. л. 12. История Мари (хрестоматия)—на 30 печ. л. 13. Песни чуваш. 213 мотивов и свыше 3000 куплетов. 14. Экономический быт народностей Поволжья в 18 веке—на 5 печ. л. 15. Список чувашских селений—на 5 печ. л.

К книгам учебного характера надо отнести конспекты: 1) По истории народн. Поволжья; 2) По этнографии чуваш; 3) По музыкальной этнографии. Приняты в качестве учебников в школах нацмен. Неоднократно участвовал на съездах нацмен, читая доклады на учительских курсах в городах Поволжья. Собираал историко-этнографические и статистические материалы относительно народов Поволжья в столичных архивах и библиотеках и, кроме того, много приходилось собирать непосредственно среди нацмен Поволжья. Об этом собрании (свыше 100 томов в писчую долю листа и 4 долю л. в объеме от 400 до 800 стр. каждый том) положительный отзыв проф. Андерсона имеется в журналах: *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde* (24, 1914, p. 312); *Philologus* (73, 1913 г. p. 159); *Lares* (3, 1914 г. p. 237).

НОСОВ, М. М. (г. Якутск).

Художник-этнограф. Напечатал ст.: „Предки якутов по преданиям потомков“, в № 3 Трудов о-ва „Саха-Кескиле“.

НОСОВ, Михаил Иванович (г. Якутск).

Член якутского исслед. о-ва „Саха-Кескиле“, любитель-фольклорист.

* ОЗАРОВСКАЯ, Ольга Эрастовна (Москва).

Артистка и чл. ГАХН. В 1915 г. сделала первую попытку собирательства ради пополнения своего репертуара свежим и подлинным материалом, встретила сказительницу Кривополенову в Пинежском уезде Архангельск. губ.; привезла ее в Москву, потом посетила с ней многие крупные города. С тех пор артистические выступления О. Озаровской сделались пропагандой фольклора. В 1921 г. О. Э. Озаровская руководила экспедицией в Арх. губ. по собиранию народного творчества. Привезен богатый фотографический материал, былины, и сказки. В 1925 г., командированная ГАХН и Арх. о-вом краеведения, в верховье реки Пинеги, она изучала там свадебный обряд, записывала сказки и песни. Печатные труды: „Бабушкины старины“ (былины М. Д. Кривополеновой и очерк ее. Изд. „Огни“. 1916 г., 2 изд. Госиздат 1922). „Из дневника фольклориста“ в сб. „По северной Двине“ Арх. о-ва краеведения. Ряд очерков с фольклорным материалом в журн. „Красная нива“, Москва, № 20, 29, 37 за 1926 г. и № 5 за 1927 г. „Северная свадьба“. Худож. фольклор. 1927 г. в. I—II, изд. ГАХН. Рукописи: „Северная свадьба“ (7 листов). „За жемчугом“, ч. I (по реке Пинеге), очерки, сказки и песни (7 листов). Готовятся: ч. 2 „Поморье“ (сказки), ч. 3 „Кулой“ (былины).

* ПЕТРОВ, Виктор Платонович (Киев, Ул. Короленко, 54. У. ак. наук).

Секретарь Этнографической комиссии, научный сотрудник Научно-исслед. института Т. Шевченко и научно-исслед. кафедры языкознания и истории литературы. Специальность: история литературы и фольклор. Работы над Кулишем, Сковородою, в области верований, легенд и т. д. Этнографические экскурсии: Совершил с 1920 года ряд экскурсий на Каневщину, Полтавщину, Киевщину и Подолию, собирая разнообразный фольклорный материал. Напечатанные труды: 1. „Коротенькі пісні“ („частушки“) р. 1917—1925, Збірка (137 № №) „Етн. вісн.“, кн. I, 1925. 2. „Народные легенды прочудеса на Украине“, там же. 3. „Місце фольклору в краєзнавстві“ (там же, и отд. брошюра). 4. „Спроби монографічного дослідження села“. (Огляд літератури) „Етн. вісн.“, кн. I. 5. „М. Ф. Сумцов, як історик етнографії“. Записки Ист. фил. отд. ак. н., кн. VII—VIII (1926). 6. „Сучасні завдання краєзнавства й етнографії“. „Життя й рев.“ 1925, кн. 1—2. 7. „Сучасна література про село (огляд).—„Жит. и рев.“ 1925, кн. IV. 8. „Старий і новий побут“ (З етногр. спостережень).—„Жит. й рев.“ 1925, кн. VIII. 9. „З фольклору правопорубників“ (стаття й збірка пісень) „Етн. вісн.“, кн. II, (1926). 10. „З дослідів над корот. піснями“ (Д. Зеленин. Das heutige rus. „častuska“ Z. f. sl. Ph), там же. 11. Вірування в вихор і чорна хвороба. „Етн. вісн.“, кн. III, 1927. 12. Акад. В. М. Гнатюку своїх порівняних студійх. Зап. Ист.-фил. отд. ак. н., кн. X, 1927. Печатаються: 1. „Вірування в сонце в укр. фольклорі в слов.—візант. перекл. л-рі“. „Етн. вісн.“, кн. IV. 2. „D. Zelenin. Russ. (Ostslav.) Volkskunde, Berlin 1927“. (Рецензія) (там же).

ПЕЩЕРЕВА, Елена Михайловна (Ташкент).

Еще находясь в Турк. вост. институте, начала сосредоточиваться в изучении быта и диалектов населения Средней Азии, главным образом, иранских народностей (таджиков). Начиная с 1921 г. она участвовала в целом ряде этнографи-

ческих экспедиций и поездок по Туркестану и Восточной Бухаре. В 1921 г.—этнограф. экспедиция в Самаркандск. область от Совнаркома Туркеспублики. Обследовано около 52 волостей Самарк., Катта-Кург. и частью Джизакского уездов. 1922 г.—этнограф. поездка в Ходжентский уезд. 1923 г.—работала, собирая этногр. материалы среди таджиков верховьев р. Чирчика. 1924 г.—участвовала в этнограф. экспедиции от Средазкомстариса (Ср.-Аз. Комитет по охране памятников природы, старины и искусств), пройдя, собирая материалы, Матчу (верховья Зарешана), Каратегин, Гиссар и Ягноб. 1925 г.—участвовала в экспедиции от О-ва для изуч. Таджикистана и Средазкомстариса, собирая этногр. и диалектограф. материал в Ягнобе, в Восточной Бухаре (на пути от Ура-Тюбе через Дюшанбе и Вахия к верховьям р. Панджа), а также при возвращении экспедиции через Памиры. 1926 г.—участвовала в этногр. экспедиции от Академии наук, собирая этногр. и диалектогр. материалы в верховьях Зарешана.

За минувшие годы Е. М. Пещеревой собран большой материал по этнографии (гл. обр. по духовной культуре) и диалектам таджиков. Записано большое количество сказок, рассказов, пословиц, загадок, песен и пр., собранных в различных местах Таджикистана, частью среди населения, говорящего турецк. наречиями. Тексты записаны фонетической транскрипцией, а потому представляют собою двойкий интерес—и для этнографа, и для филолога. Весь этот материал подлежит еще в значительной степени обработке.

Из появившихся в печати работ Е. М. П. можно отметить две: 1) „Один из персидских изводов Шемякина Суда“ (по персидской рукописи начала XIX в.)—Сборник в честь юбилея А. Э. Шмидта. Ташк., 1923; 2) „Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана“.—Бюллетень Ср.-Азиатск. гос. университета, № 11, 1925. Кроме того, уже написаны и сданы для отпечатания след. работы: „Lola—праздник красных тюльпанов в Исфаре Кокандского уезда“ (в печатающемся в Ташкенте сборнике в честь юбилея В. В. Бартольда); 3) „Молочное хозяйство горных таджиков и связанные с ним обычаи“. (Помещено в выходящем в скором времени „Отчете об экспедиции в Таджикистан в 1925 г.“, в I изд. О-ва для изучения Таджикистана, Ташк. 1927; 4) „Положение таджикской женщины в семье и хозяйстве“. (Сдано для напечат. в сборник „Советский Узбекистан“—Ташк.); 5) „Игры и игрушки оседлого населения Средней Азии“ (передано для напечат. в Изв. Турк. отд. Русского геогр. о-ва).

Среди наблюдений и работ Е. М. Пещеревой по описанию быта народов Средней Азии обращает на себя внимание отмеченное ею впервые существование до нашего времени среди иранского населения Средней Азии женских молочных артелей, имеющих до сих пор большое значение в быту иранского населения. В сел. Исфара Кокандского уезда ею было найдено очень характерное празднование в период цветения тюльпанов, соответствующее празднику майского дерева в Европе. Среди собранного ею материала можно упомянуть также о том что ею найдено и описано около 80 различных игр среди оседлого населения Средней Азии (главным образом таджиков). Такой обширный материал по этому предмету мы имеем только впервые.

* ПОПОВ, Николай Петрович (Ленинград, пр. Майорова, д. 29, кв. 19, ком. 9).

За последние годы совершил ряд этнографических поездок. В 1921—1922 гг. работал на р. Н. Тунгуске среди русских и тунгусов. В 1924 г. в Дагестане и Азербайджане, в том же году в Забайкалье среди русских (по вопросам старинной ямщины). В 1925—26 г. снова в районе Н. Тунгуски, подкаменной Тунгуски и Ангары среди тунгусов. Напечатал: 1) „Очерки старой русской ямщины в Прибайкалье“, в 1925 г.; 2) „Пища тунгусов“, 1926 г. в „Сиб. жив. стар“, вып. V; 3) „Средняя якутская свадьба“ (совм. с Э. К. Пекарским) 1927 г., „Вост. записки“, т. I. Кроме того, ряд мелких этнографических очерков и научно-популярных статей в журн.: „Вестник зн.“ „Красная панорама“ и др. Приготовлены к печати: „Русское население на Н. Тунгуске“

(8 печ. листов); „Судовождение по Енисею“; „Этнографические очерки приангарской золотопромышленности“. Печатается „Пища якутов“ в „Трудах комиссии по изуч. Якутск. АССР“.

ПОПОВ, Григорий Андреевич (г. Якутск).

Председ. Якутск. отд. Гос. РГО, член корр. центрального бюро краеведения, секретарь Якутского исследоват. о-ва „Саха-Кескиле“ и председ. его этнографической секции. Напечатал ряд статей в местных изданиях: „Якуты в XVIII в.“, „Народности Сев. Якутии в XVIII веке“ и др. Прочитал ряд докладов: „Предки якутов“, „О якутском национальном характере под влиянием русской госуд. власти“. Составил программу-инструкцию по собиранию образцов народного творчества.

* РЕВУЦКИЙ, Дмитрий Николаевич (Киев, Ул. Франка, д. № 17, кв. 24).

Нештатн. пост. сотрудник Этногр. ком. УАН, профессор литературы и языка в Инст. им. Лысенко и др. Живое слово, литература, история музыки (в частности песни). Собирает народные песни (в 1919—1922 гг.—колядки). Печатные труды: 1. „Укр. думи та пісні історичні“ (К. 1919). 2. „Теорія художнього читання“ (К. 1920); 3. „Золоті ключі“, збірки пісень, ч. 1 та 2. (К. 1926); 4. „Суч. пародія на укр. нар. думу“ („Етн. Вісн.“, I, 1925); 5. „Кобзарі і лірники“ („Етн. вісн.“, кн. III, 1927). Готовятся к печати: Собрания песен.

* РУЛИН, Петр Иванович (Киев, ул. Короленко, 54).

Научный сотрудник Украинской академии наук, сотрудник Этнографической комиссии и преподаватель Высшего музыкально-драматического института им. Лысенко. Специальность—история театра и литературы, в меньшей мере этнография. С 1917 г. преподавал в трудшколах, рабфаках, театрально-педагогических учебных заведениях. Напечатанные работы: „Українська пісня в старовинному російському співанніку“. (Записки исторично-фіологічного відділу УАН, т. IV (1924), стр. 148—199); 2) „До історії Української етнографії. (Лист Дикарева до Куліша)—„Етнографічний вісник“ т. II, 136—139; 3) Рецензия на „Етнографічний вісник“ № 1. „Життя и революція“, 1926, № 1. Готовы к печати: „Солдатская песня времен семилетней войны“, готовятся к печати: „Історія тексту пісні“ „Засвістали козаченьки“, пісні „З Наталки Полтавки“, Котляревского.

* РЫХЛИК, Евгений Антонович (Нежин, Институт народн. образования).

Профессор Института; действительный член научно-исследовательской кафедры в Нежине, член Этнографической комиссии Укр. академии наук. Специальность: славистика, языкознание. С 1917 г. занимается научно-преподавательской деятельностью (как преподаватель в различных ВУЗ'ах). С 1920 г. делает этнографические наблюдения и экскурсии в чешских и польских селах на Украине, особенно на Волини. Работы (с 1917 г.) этнограф. содержания: „Досліди над чеськими колоніями на Україні“. (Записки Етн. т-ва, 1925, кн. I); „Огляд музичного життя Чехо-Словащини“ („Музика“. Київ, 1925, № 9—10, 11—12); Рецензії на етнографічні книжки. („Етнограф. вісник“, кн. II, 1926; кн. III, 1927; „Червоний шлях“, 1925, № 9). Печатается: „З етнографічних студій. I“. (Записки Ніжин. УНО, кн. VII). Готовится к печати: „Чеські колонії на Житомирщині“.

САВЧЕНКО, Степан Владимирович (Киев, Институт народного образования).

Профессор Института нар. образования в Киеве, д. член исследовательской кафедры мовознавства, член этнограф. комиссии при академии. Романская филология, всеобщая литература, фольклор. Разбор кн. Волкова о сказке („Етнографічний вісник“), кн. I.

СЛЕПЦОВ, Петр Бонифатьевич (г. Якутск).

Председатель Комитета содействия народн. севера при ЯЦИК'е. Собира-
тель этнографических коллекций. Готовит к печати этнографич. работу о
якутах на якутском языке.

* ТОЛСТОВ, Сергей Павлович (Москва, Плющиха, 7-й Ростовский, д. 15,
кв. 39).

Заведующий этнологическим п/отделом музея Центрально-промышленной
области. Работает гл. образом в области материальной культуры великоруссов.
В последнее время начал работу в области этнологии и палеоэтнологии волго-
финнов. В 1924 г. совершил поездку в АБСР и соседние районы Уральской обла-
сти и Казакстана для изучения быта башкир и киргиз-казаков южного Приуралья.
В 1925—26 г. летом работает в качестве старшего сотрудника по этнографии в
комплексной антропологической экспедиции Антропологического института I МГУ,
по изучению культуры и быта русского и марийского населения заволжских уездов
Нижегородской губернии. Принимал участие в ряде палеоэтнологических раско-
пок. Состоит членом антропологической секции О-ва изучения Сибири, Урала и
Дальнего Востока, Краеведческой комиссии и Комиссии по этнической датировке
палеоэтнологических материалов при Антропологическом научно-исследовательском
институте I МГУ. Подготовил и сдал в печать: 1) „Морфологические типы
крестьянского двора в Нижегородском Заволжье“; 2) „Русские
крестьянские постройки“ (критический обзор новейшей литературы);
готовит к печати: 3) „Материалы по технике крестьянских промыслов и произ-
водств Нижегородского Заволжья“, 4) „Материалы по бытовой обрядности и веро-
ваниям русских крестьян Ветлужско-Керженского края“; 5) „Этнокультурные
районы Нижегородского Заволжья“.

ХУДЗИНСКАЯ, Лидия Александровна (Рязань).

Член этнологической комиссии Общества исследователей Рязанского края.
Собирательница фольклора. Сделала обширные записи песен, примет, частушек
и т. п. Рязанск. губ.

* ЧУРСИН, Григорий Филиппович (Тифлис, Петровская ул., № 5).

Действ. член Кавказского отдела Госуд. русск. географ. общества (член со-
вета, председатель этнографической комиссии), непрем. член О-ва любителей
естествознания, антропологии и этнографии, завед. историко-этнолог. отделом
Закавк. научн. ассоциации при ЗакЦИК'е (и. д. ответ. секретаря), научн. сотруд-
ник Кавк. историко-археологич. института академии наук СССР (и. о. ученого
секретаря). Специальность: общая этнография и этнография Кавказа. Печатные тру-
ды за последние (1920—1926) годы: 1) Задачи кав. этнографии. Журн. „Брат-
ство“, 1920 г., № 1, Тифлис; 2) Храм огня в Сураханах. Журн. „Искусство“,
1921 г., № 2—3, Баку; 3) География Кавказа (совместно с А. Ф. Ляйст-
ром), Тифл., 1924 г., главы: X—Полит. и админ. деление Кавказа и XI—
Население Кавказа; 4) Население Закавказья. В изд. „Закавказье“—
стат.-эконом. сборник, Тифл., 1925 г. Изд. Высш. экон. сов. ЗСФСР (стр. 141—158);
5) Осетия. Этнограф. очерк. „Труды зак. научн. ассоц.“ Сер. I, вып. I.
Юго-Осетия, Тифл., 1925 г.; и отдельно: Тифлис, 1925 г., 103 стр., 8°. 6) Азер-
байджанские курды. „Изв. кавк. ист.-археол. института“, т. III, Тифл.
1925 г., стр. 1—16; 7) Талыши. „Изв. кавк. ист.-арх. инст.“, т. IV, Тифл., 1926 г.
стр. 15—40; 8) Этнография Кавказа (современное состояние и задачи).
„Нов. Восток“, № 15. М., 1926 г. Печатается: „Кульг железа у кавказск.
народов“. „Изв. кавк. ист.-археол. инст.“, т. V. Приготовлены к печати
1) „Абхазы“. Этнологическое исследование, 20 печ. листов; 2) „Аджарцы“—
этнограф. очерк, 5 печатн. листов; 3) „Армяне Зангезурск. уезда“—этнограф.
очерк—2 печ. листа; 4) „Из истории хозяйств. быта кавказск. наро-
дов—2½ печ. л.; 5) „Космогонические воззрения кавказск. наро-

дов"—2 печ. листа; 6) „Амулеты и талисманы у кавказских народов"—3 печ. листа; 7) „Фигурные обрядовые печения у кавк. народов"—1½ печ. л.; 8) „Этнограф. очерки Карачая"—5 печ. лист. Готовится к печати ряд очерков по изучению религиозных воззрений кавказских народов („Яфетическая религия") и по изучению магии у кавказских народов. Этнографические поездки за последние годы (с 1923 г.) совершал ежегодно, а именно: по Юго-Осетии (1923, 1924 гг.), Азербайджану, Курдистану и Зангезуру (1924 г.), Абхазии (1925 г.), Аджаристану (1926 г.). Участвовал в съездах и читал доклады на: II Краеведческом в Батуме в 1925 г. и на I Тюркологическом в Баку в 1926 г.

По этнографии Кавказа читал лекции в Тифлисском красноармейском университете (ныне Военно-политическая школа), в Тифлисском народном университете, на Курсах востоковедения и кавказоведения в Тифлисе и на Курсах для преподавателей трудовых школ Тифлиса.

ШАДРИН, Михаил Иванович (Якутск).

Учитель, член Якутск. исслед. о-ва „Саха-Кескиле". Напечатал статью: „О новом проекте якутского алфавита" в журн. „Якутские зарницы", № 4, 1926 г.

*** ШНЕЙДЕР, Евгений Робертович (Ленинград).**

Помощник хранителя Сибирского отделения этнографического отдела Госуд. русск. музея в Ленинграде и ассистент по кафедре палеоэтнологии Антропологического отделения ЛГУ. В 1921, 24 и 25 гг. принимал участие в качестве сотрудника палеоэтнологической экспедиции С. В. Теплоухова в Минусинском крае. В 1925 г. имел командировку к Минусинским туркам. В 1926 г. был командирован в качестве сотрудника Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академии наук. Готовы к печати следующие работы: „Казакская орнаментика"; „Каменные изваяния Минусинских степей" (совместно с М. П. Грязновым (3 л.); „Жилища насельников Минусинского края в курганную эпоху". В настоящее время работает в области тунгусской этнографии и в области изучения искусства народов СССР.

*** ШОР, Розалия Иосифовна (Москва, ул. Герцена, д. 24, кв. 30).**

Ученый секретарь фольклорной п/с ГАХН, и. о. ученого секретаря Научно-исслед. и-та этнических и национальных культур народов Востока СССР, секретарь Лингвистической секции Научно-исслед. и-та языка и литературы. Работает по изучению сказочной и новеллистической древне-индийской литературы, а также по общей методологии вопроса. Напечатано: „Из сборника: Тридцать две истории о монахах". (Восточ. сборн. I—1924 г.). Einige russische Märchenparallelen zu Bhāratavātrimṣika. (Asia major II, 1915 г.). В рукописи — „Новеллы Панчатантра", „Отношение версий Vetālaparavimṣati" и др. В качестве секретаря фольклорной п/с совершила в 1925 г. поездку по Кавказу и Закавказью.

*** ЩЕПОТЬЕВ, Владимир Александрович (Полтава).**

Лектор Полтавского института народного образования. Этнографическая работа заключалась гл. обр. в записывании песен. Напечатано после 1917 г. „Географічний термін „Українка" в народніх піснях" (Записки Полтавск. научн. т-ва, вып. 1, 1919 г.); „Етнографія й архівні матеріали" („Етнограф. вісник", вип. 2. Київ, 1926); „Словник школярської мови" (там же, вип. 3). Готовится к печати: „Пісні, записані на Полтавщині". Готовится: „Прохання сліпців".

*** ЭЛИАН, Надежда Михайловна (Ленинград).**

Ведет этнографическую работу с 1918 г. Район работы—Старорусск. уезд, Новгородск. губ. В течение 1928—1929 гг. записано значительное количество сказок, легенд, рассказов, типа побывальщин, частушек и старинных долгих песен.

Ведет также систематические наблюдения в области семейного быта, народной педагогики, детского быта и фольклора, работает по вопросам народного культа. Как научный сотрудник Исследовательского института языков и литературы Запада и Востока при Ленингр. гос. университете, участвует в исследовательской теоретической работе по вопросам фольклора, преимущественно по сказке. Летом 1926 г. находилась в командировке в Германии, во время которой имела возможность изучить современную немецкую этнографическую и фольклорную литературу. Состоит членом Русского географического общества, научным сотрудником Центрального бюро краеведения, сотрудником журналов: „Краеведение“, „Художественный фольклор“, „Этнография“ и других этнографических изданий.

* ЯКИМОВИЧ, Сергей Феодосьевич (Киев, Б. Кудрявская, 15—4).

Член этнографической комиссии УАН. Украинская литература и этнография. Начиная с 1920 г. были произведены этнографические записи и наблюдения в Киевской и Подольской губерниях. В 1926 г. была совершена экскурсия в Подольскую г. с целью проследить эволюцию народных рассказов, связанных с Кармалюком. Напечатано: „Сдичай Поливання“ и „Зелені Свята“—(„Наш шлях“, 1926 г.) Кам.-на-Поділля. „Заброковані матеріяли Подільського губернского статистического комітету 1872 р.“ („Червоний шлях“ кн. I, 1926 г.) „З есхатологічних настроїв“, (Життя і революція“, кн. 2—3, 1925 г.) „На могилі Пирогова: народні перекази про нього“.—Печатается в апрельской книжке 1927 г. „Украинских медицинских записок“.

РЕЦЕНЗИИ.

Густав Шпет. Введение в этническую психологию. Вып. I. Гос. Академ. худож. наук. Москва, 1927 г., стр. 147. Тир. 2 000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Эта небольшая, но очень содержательная книга, написанная не этнологом, а психологом и философом, может, кажется нам, весьма заинтересовать этнолога, ибо вопросы, в ней затрагиваемые, имеют для этнологии существенное принципиальное значение.

Тенденция некоторых представителей психологической науки — вовлечь в круг своего изучения огромную область фактов этнографии — стала расти еще со второй половины прошлого века и нашла свое самое сильное выражение в трудах В. Вундта. С другой стороны, среди некоторых кругов зап.-европейской этнологической науки в последнее время возникло стремление пойти навстречу этой тенденции и передать в руки психологов целый ряд проблем, касающихся происхождения и развития тех или иных культурных фактов. Признанный глава наиболее влиятельного сейчас на Западе направления в этнологии — Ф. Грэбнер — в одной из последних работ указывает, что этнология, как таковая, должна заниматься лишь „культурно-исторической обработкой материала“, а именно, „исследованием этнических и культурных связей, культурного родства и культурной генеалогии“, — вопросы же о развитии и культуры, закономерности этого развития и т. д. она может уступить этнической психологии (Völkerpsychologie). Так с той и другой стороны намечается как бы научное размежевание, причем область психологии (в форме Völkerpsychologie) как будто грозит неимоверно расшириться за счет этнологии.

Нам представляется такой „черный передел“ — буде он осуществится — в высшей степени нежелательным и опасным для той и для другой стороны, ибо социальные явления — языки, верования, обычаи, социальные формы и пр. — могут и должны изучаться наукой социальной, и применение к их изучению методов психологической науки не может оказаться плодотворным.

Рецензируемая книга особенно интересна как раз тем, что автор ее, — сам психолог, — решительно возражает против такого незаконного расширения психологии за счет этнологии.

Обрисовав в кратких словах историю той области мысли, которая называется теперь „Völkerpsychologie“ (что автор удачно переводит „этническая психология“), по XIX век, Г. Шпет затем излагает и подвергает критике взгляды основоположников этой науки — Лацаруса и Штейнтала (годом ее „крещения“ он считает 1855 г.), после чего переходит к Вундту, с которым и ведет главную полемику. Так как Вундт исходит из тех же теоретических предпосылок, какие клались в основу и Лацарусом и Штейнталем, то и критика взглядов всех их со стороны Г. Шпета по существу одна и та же.

Как Лацарус и Штейнталь, так и Вундт считали предметом этнической психологии те общие явления социальной жизни человека, которые именуются „духовной культурой“ (с. 22 — 23, 39 — 40). Это, следовательно, „язык, нравы и обычаи питания и одевания, вплоть до пощения права и государственных учреждений, а также искусства, ремесла и научная культура, религия“ (с. 24). Вундт несколько сокращает эту область, оставляя в ней только „язык,

миф, нравы“ (41). Изучая все эти стороны общественной жизни, этническая психология применяет при этом психологическую интерпретацию их и, следовательно, является объяснительной наукой (40, 42, 56).

Г. Шпет считает такой взгляд на предмет и задачи этнической психологии решительно ошибочным. Корень ошибки он видит при этом „в полной логической неуясненности понятия коллективного единства“ (31). Для Лацаруса и Штейнтала, — а равно, повидимому, и для Вундта, — коллективность есть взаимодействие индивидов, взаимодействие, проявляющееся в тех или иных продуктах культуры (31). Но Шпет правильно замечает по этому поводу, что результаты этого взаимодействия — суть факты социальные. „Вопервых, взаимодействие, о котором идет речь, имеет предмет приложения взаимного действия; как бы, поэтому, на нем ни отражалась психология „действующих“, непонятно, как он сам превращается в объект психологии. Вовторых, вся „материальная“ культура есть предмет такого взаимодействия, и непонятно, где здесь кончается этнология и где начинается этническая психология, где „история“ и где „психология“?“ (с. 46. Разрядка автора, как и везде, где не оговорено обратного).

Подобные замечания автора бьют не в бровь, а в глаз тем ученым (Вундту и др.), которые склонны думать, что, если человеческая культура вообще невозможна без психического элемента, без взаимодействия человеческих умов, чувств, воли, — то и вся эта культура есть область психологии и должна ею изучаться. Г. Шпет решительно протестует против такого взгляда. Замечая, напр., что „из субъективной деятельности речи возникает объективный язык“, Шпет не видит оснований, почему последний должен изучаться психологией. „Напр., доказательство теоремы Пифагора есть объективный результат субъективной деятельности, но было бы странно, если бы эту теорему изучали не в геометрии, а в психологии. Может быть, так же дело обстоит и с языком и с другими „продуктами“ субъективной деятельности?“ (с. 26). — Вообще о явлениях „духовной культуры“ Г. Шпет говорит, что „нужна предвзятая психологическая точка зрения, напр. у Вундта, считающего всякий (объективный) „продукт“ духовной культуры продуктом (субъективного) психологического происхождения, чтобы считать их непосредственно предметами психологии“ (116).

Из этого получается то, что, по мнению Г. Шпета (как нам кажется, совершенно справедливому), „большая часть“ работы Вундта „*Völkerpsychologie*“, а также и почти вся его книга „*Elemente der Völkerpsychologie*“ представляют собой собрания чисто этнографического (а также лингвистического и исторического) материала, этнической же психологии собственно там почти нет (43—44). „С таким же правом, — говорит Шпет, — можно любой компендий этнологии или истории культуры озаглавить: этническая психология“ (44—44).

Но, может быть, эти возражения Шпета бьют и гораздо дальше, чем думает и хочет сам автор. Он совершенно прав, указывая, что нет принципиальной разницы между работами того же Вундта и какой-нибудь общей книгой по этнологии, — скажем, книгами Тайлора, Фрэзера и др., — разница только в названии. То есть подход к изучаемым явлениям человеческой культуры по существу одинаков у этно-психолога Вундта — и у этнологов, подобных названным сейчас авторам. Г. Шпет говорит, что сама этнология со времен еще Бастиана, „шла на поддержку новой науки“ (этнической психологии). „Некоторые исследования в этом направлении — под какими бы наименованиями ни выступали они у их авторов, — по своему содержанию составляют исследования в области также этнической психологии“ (17: разрядка наша. С. Т.). Это автор относит к Вайцу, Бастиану, школе Дюркгейма и его последователей, Тайлору, Фрэзеру (17—18), — т. е. к ученым, к которым можно, почти ко всем, приложить наименование эволюционистов. Все эти авторы, подобно Вундту, применяют психологический подход к фактам этнографии и дают им психологическое истолкование. Следовательно, и к ним можно отнести справедливый довод Г. Шпета, что „этническая психология“ не может быть наукою объяснительною“, и что „понятие духа“ (лучше бы сказать, психи-

ческие явления) — в сущности является „производным, вторичным предметом объяснения, а не источником его“ (30).

Таким образом, полемика Г. Шпета, направленная непосредственно против этно-психологов Штейнтала, Лацаруса и Вундта, попадает метко в представителей того направления этнологии, которое пользуется психологическим методом истолкования явлений человеческой культуры. Сила возражений автора состоит в том, что они выбивают самую почву из-под этого метода, разъясняя не-психологическую природу самого предмета, — фактов культуры. В этом — крупное значение разбираемой книги.

В чем же тогда, по Шпету, состоит настоящий предмет этнической психологии? Существует ли он вообще? Автор полагает, что существует. Предметом этнической психологии являются те „личные переживания“ „живых членов живого общества“, которые у них возникают „по поводу как своего живого взаимодействия, так и по поводу своего воздействия на окружающую их природную обстановку, да и по поводу самой природы и ее явлений“ (49, разрядка наша, С. Т.). Действительное и основное „значение“ продуктов культуры — это их значение, как социальных форм, и оно изучается социологией, этнологией и пр. Но „второй порядок“ их „значений“ — это „переживание свидетелем проходящих перед его глазами социальных событий, как непосредственный ряд реакций на эти последние“ (132—133), и это — область этнической психологии. Последняя поэтому может группировать свое содержание „под“ „объективными“ заголовками: язык, миф, рыцарство, эпоха Возрождения, культ, война и т. п.“ (133) Этническая психология с пользой может, следовательно, заимствовать из этнологии классификацию объектов последней и только спрашивать, как это переживается человеком“ (136).

Но что же делает эту психологию этнической (Völkpsychologie) — в отличие от индивидуальной? Для уяснения этого автор предпринимает анализ понятий „духа“ и „коллективности“ и разбирает разные значения этих понятий (84—109). Он останавливается на следующих значениях их: „дух“ — это некоторый конкретный тип, стиль или „тон“ (90); он есть „собрание, „связка“ характерных черт“ „поведения народа“ (91: но такой „дух“ „может быть предметом только такой „коллективной“ психологии, которая лишь описывает и не идет дальше построения типических структур; в случае необходимости „объяснения“, последнее почерпается из исторического целого, из расовой биологии, антропологии, социологии, и все-таки не из отвлеченной психологии“ (91-92: разрядка наша, С. Т.). Понятие же „коллектива“ автор берет, как некоторый „коллективный тип“: таковы типы „мещанина, китайца, труса..“ (105—107). Такие типы и входят в предмет этнической психологии. Социальные явления, язык, миф, нравы, наука, религия, просто всякий исторический момент, вызывают соответствующие переживания человека. Как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее (разрядка наша, С. Т.) в их переживаниях, как „откликах“ на происходящее перед их глазами, умами и сердцем“ (107). „Таким образом этническая психология находит свой предмет и определяется, не как объяснительная основная для других наук дисциплина, а как описательная психология, изучающая типические коллективные переживания“ (109).

Значит, как будто, этническая психология аналогична дифференциальной психологии, в сущности такой и является, только не индивидуальной, а коллективной. Но автор протестует против такого понимания ее (142), как нам кажется, совсем неосновательно.

Оставим в стороне мало интересные доводы автора в пользу сохранения названия „этническая“ психология (а не „социальная“ вообще) (142—7).

Как видим, автор понимает предмет этнической психологии принципиально отлично от понимания напр. Вундта. Он чрезвычайно суживает его пределы, и, думается, в этом он совершенно прав. Так же ли он прав и в своем определении содержания этой науки?

Принципиально, кажется нам, нельзя ничего возразить против того, что переживания человеческих масс по поводу разных социальных фактов и событий входят в область психологии, — в данном случае этнической, в то время как самые эти факты и события суть область этнологии, истории и т. д. Но возникает другой вопрос: в какой мере такое размежевание наук практически целесообразно? Ведь чтобы изучать психические реакции человеческих коллективов на те или иные социальные явления, надо знать прежде всего эти явления, т. е. надо быть этнографом, историком и т. п. А научный инвентарь этнографии, истории в наши дни так велик, что овладеть им, не будучи специалистом этнологом, историком, чрезвычайно трудно, если не невозможно, и едва ли какой-нибудь психолог (не говоря об исключениях) окажется в состоянии это сделать; и еще вопрос, окажет ли ему (психологу) при этом заметные услуги его психологическая подготовка. Одним словом, нам думается, что область, намеченная Г. Шпетом, как область этнической психологии, практически должна и будет всегда находиться в сфере внимания этнолога, который уделит ей, при общем распределении своего материала, соответствующие главы и параграфы. Да и так ли легко, как кажется автору, выделить изучение „переживаний“ по поводу тех или иных этнических фактов из изучения самих этих фактов? Можно ли изучать, напр., религию данного народа, не говоря о его психических „реакциях“ на свои же религиозные верования? Вряд ли это возможно. Поэтому, если автор логически и прав в своем разграничении двух наук, то на практике такое разграничение едва ли будет когда-либо осуществлено, и „этнической психологии“ едва ли суждено существовать как самостоятельной науке.

В итоге получается, что главная ценность разбираемой книги — это содержащаяся в ней критика попыток расширения психологии за счет этнологии и критика попыток психологического объяснения социальных явлений. Значительно менее полезна ее позитивная часть, старания автора обосновать этническую психологию, как особую науку.

С внешней стороны книга издана хорошо, опечаток почти нет, но цена слишком высока.

С. Токарев.

Немецкий сборник русских сказок. *Russische Volksmärchen*. Übersetzt und eingeleitet von August von Löwis-of-Ménar. Verlegt bei Eugen Diederichs, Jena. 1921; s. XXXVI + 334; из серии „Die Märchen der Weltliteratur“. Herausgeben von Fr. von der Leyen und Paul Zaunert“.

В западно-европейской литературе за последние годы наблюдается необычайно высокий интерес к народной сказке: особенно силен этот интерес в Германии. За сравнительно небольшой промежуток времени там вышел целый ряд выдающихся сборников и исследований, посвященных сказке. Достаточно напомнить такие издания, как „Атлантида“ Фробениуса (пятнадцать томов), *Das Märchen des Mittelalters* Альберта Вессельского (Alb. Wesselsky), исследование Берендсона (Berendsohn) и др. Вместе с тем вышел и целый ряд изданий, предназначенных для самых широких читательских кругов. Здесь на первом месте следует поставить многотомную серию „Die Märchen der Weltliteratur“, издаваемую известной фирмой Eug. Diederichs в Иене, под редакцией авторитетнейших специалистов, какими являются Лейен и Цаунерт (Fr. von der Leyen и P. Zaunert).

О широком интересе к серии и ее успехе ярко свидетельствуют совершенно непонятные для русского читателя и русского книжного рынка тиражи изданий. Беру наудачу несколько книжек: сборник немецких сказок после Гриммов (*Deutsche Märchen seit Grimm*) — 21 000; северные сказки (*Nordische Volksmärchen*) — 14 000; балканские (*Balkan-Märchen*) — 14 000; Индийские (*Indische Märchen*) — 15 000, наконец, китайские (*Chinesische Märchen*) — 29 000. В эту же серию с тиражем к 1921 году в 19 000 включен и русский сборник под редакцией Лёвиф-Менара; точное заглавие сборника приведено выше.

Цель серии по формулировке редактора одного из сборников — сделать доступным сказки различных народов более широким кругам читающей публики. Должно отметить, издание весьма удачно выполняет поставленную себе задачу: авторитетные переводы, обдуманный и умелый выбор текстов, вводные статьи специалистов, обстоятельные примечания, — все это далеко выводит серию Дидериха за пределы простых популярных изданий. К сожалению, сопроводительный научный аппарат не всегда выдержан в строгом завершенном плане. Так, например, одни сборники снабжены подробными и обстоятельными вводными статьями, перечнями источников, примечаниями, указаниями вариантов и т. д.; другие — имеют вступительные статьи, но лишены примечаний; третьи — наоборот: сопровождаются подробными примечаниями, но в них не достаёт руководящей вступительной статьи. Так, например, южно-американский сборник (*Indianer Märchen aus Süd-Amerika*), подобранный Грюнбергом (*Theod. Koch-Grünberg*), снабжен подробнейшими примечаниями, занимающими 25 страниц текста, но вместо руководящей исследовательской статьи находим только коротенькое предисловие с краткими сведениями по истории изучения сказок южноамериканских индейцев. Сборник буддийских сказок (*Buddistische Märchen aus dem alten Indien*) под редакцией Эльзы Лидерс (*Else Lüders*) открывается обширной и интересной статьёй составительницы, богато снабжен иллюстрациями, но в нём совершенно отсутствуют какие бы то ни было указания по истории текстов и сюжетов. В сборнике китайских сказок — явление обратное: щедрые, обстоятельные примечания при отсутствии вводной статьи.

С этой стороны томик русских сказок является наиболее удачным по замыслу и выполнению, так как в нём редактором применены все главнейшие требования к такого рода изданиям — открывается сборник обстоятельной статьёй редактора, посвящённой истории изучения русской сказки, её характеристике и сравнительному анализу приведенных в сборнике вариантов. В конце приведен список источников и немецкой литературы о русских сказках. Все тексты снабжены ссылкой на соответственный № каталога Аагпе.

Редактором использованы следующие источники: сборники Кулиша, Рудченко, Афанасьева, Чубинского, Ястребова, Драгоманова, Шейна, Добровольского, Худякова, Садовникова, Харузина, Ончукова, а также и местные сборники: Курский и Красноярский. В приложении приведены тексты из „памятников“ Куселева-Безбородко и „Русских народных картинок“ Ровинского. Расположены сказки в сборнике по топографическому признаку. Первые 13 номеров — сказки украинские, затем две сказки — из Белоруссии, а затем следуют уже великорусские сказки. В пределах последних также выдержан географический принцип: сначала — сказки северных губерний, затем следуют тексты центральных частей и т. д. Последние шесть номеров представлены записями из „сибирских губерний“, в которых, по мнению редактора, особенно тщательно сохранились исконные, старинные черты. Всего в сборник вошло 55 текстов.

Этот принцип размещения обусловлен теми различиями, которые устанавливает редактор для основных топографических групп русских сказок. Правда, различия эти, по его наблюдениям, не очень велики и сравнительно слабо сказались в содержании, но все же некоторые особенности он считает необходимым отметить и выделить. Так, например, можно констатировать преобладание героических и фантастических сюжетов у великоруссов, тогда как украинцы и белорусы более склонны к спокойному повествованию, зачастую включающему в себя легендарные элементы или же фарсовые. Едва ли с этим наблюдением согласится русский исследователь. Сборники бр. Соколовых (север) и Яворского (юг) особенно отчетливо подчеркивают опасность таких обобщений.

Параллельно различиям в материале автор отмечает и некоторое различие во внешней форме: в сказках западных и юго-западных частей страны строгая, законченная сказочная форма встречается гораздо реже, чем у великоруссов, — также и язык первых менее торжественен, не ритмичен, и в нём отсутствуют

характерные для севера заимствования из былинной речи. Приходится пожалеть, что автор ограничился только этими, слишком общими, замечаниями и не остановился подробнее на роли и значении местных элементов в жизни сказки. Правда, в его распоряжении не было наиболее четких в этом отношении новейших сборников (Зеленина, бр. Соколовых), но уже и сборник Ончукова и сибирские тексты Красноярских сборников дают не мало материала по этому вопросу. Таким образом, для немецкого читателя ступевалась одна из характернейших особенностей русской сказки.

Выбор сказок для сборника сделан с таким расчетом, чтобы в немногих образцах представить важнейшие сюжеты. Только для сюжетов, в которых нашло отражение сказание о Брунгильде (вернее, которые соприкасаются с этим сюжетом (*Brunhildmärcchen*), сделано исключение: они представлены четырьмя номерами. Здесь, конечно, учтена вполне понятная особая заинтересованность подобными сюжетами немецких читателей (а кроме того и самого редактора — автора исследования, посвященного саге о Брунгильде). Центр тяжести сборника — в сказках фантастических и волшебных, шванки представлены только немногими образцами; сказки с порнографическим оттенком не вошли в сборник не только по общепонятным причинам, но и потому, что — по утверждению автора — „склонность к цинической обрисовке всегда вредит первоначальной структуре сказки“.

Крупным пробелом является отсутствие сведений о роли и значении сказителя. И хотя автор начинает свой вступительный очерк с утверждения, что история сказки в России начинается не с ее материала, но с ее распространения и ее носителей, тем не менее он останавливается только на скоморохах и древних бахарях; о современных же сказителях он только коротко упоминает, совершенно не затрагивая того значения, какое имеет личность рассказчика в деле беспрестанного пересоздания сказки. Ничего не сказал также автор о степени распространенности сказки в современности, об условиях ее бытования, о взаимоотношениях аудитории и сказителя, без учета всех этих моментов едва ли представит чужеземному читателю во всей ясности своеобразная и напряженная творческая жизнь русской сказки.

Перевод выполнен с большим мастерством. Конечно, при такой трудной задаче, какая предстояла переводчику в данном случае, не могло обойтись без некоторых срывов и недочетов, — наиболее часты последние в текстах Ончукова. Можно констатировать: чем безукоризненнее запись в смысле наибольшего приближения к народной фонетике и народному синтаксису, тем чаще в переводе те или иные неточности, отступления от текста и т. п.; наоборот — там, где налицо некоторая сглаженность, обработка — там перевод безукоризнен, поэтому удачнее всего переведены тексты Афанасьева, наиболее трудными оказались записи, как уже сказано, Ончукова, также Макаренки, некоторые тексты Садовникова и др.

Так, например: в сказке „Вшивые башмачки“ (Ончуков, № 56) рассказывается, что, желая избавить дочь от вынужденного брака с чортом, царь прячет свою дочь, а за стол „посадили в ейной одежде клюку“. *Löwis-of-Menar* переводит: „eine Puppe in der Kleider der Braut“, благодаря этому теряется комическое подчеркивание в дальнейшем тексте: „чорт ударил ей по уху, клюка пала, забрехала“. Число аналогичных примеров можно, конечно, легко увеличить. Но особенно потеряли в переводе свое своеобразие сказки Абрама Новопольцева (сборник Садовникова). Переводчик совершенно упустил из внимания — во всяком случае, это никак не отразилось в немецком тексте — излюбленную манеру сказителя: внутреннюю рифмовку. Вот начало сказки „Ванюша и Аннушка“: *Es waren einmal ein alter Mann und eine alte Frau. Als die Alte starb, stemmte sie die Füße gegen die Wand, und als man sie begraben wollte, stand sie vom Sarge auf und kroch auf der Glockenturm, um zu läuten. Aber man kümmerte sich nicht darum und verscharrete sie zu derselben Stunde in die Erde*“. В оригинале: „Жил-был старик со старухой. У старика старуха померла и ноги в стену уперла

Ее хотят хоронить, а она встает из гроба, лезет на колокольню звонить. Но это на нее не взирали, тот же час в землю зарывали". При невозможности передать это непосредственно в тексте следовало бы все же, хотя бы в примечании, отметить эту любопытную манеру сказителя.

В заключение позволим себе выразить надежду, что издательство в своем стремлении ознакомить широкие круги немецких читателей с русской сказкой не остановится на этом сборнике, но выпустит и второй томик, посвященный специально записям последних лет (сборники Д. К. Зеленина, Б. и Ю. Соколовых и др.), с подробными характеристиками сказителей и с очерком о современном бытовании сказки, условиях ее сохранения и распространения. Как думается, такая публикация необходима не только для так наз. широкой публики, но она должна быть осуществлена и в интересах немецкой фольклористики. Последние немецкие исследования в области сказки также начинают все более обращаться к проблеме личности сказителя и к необходимости уяснения в деталях бытовой обстановки сказки. В качестве примера можно указать хотя бы на книгу Берендсона (W. Berendsohn) („Gründe, formen volkstümlicher Ersählung in der K. u H. Märchen der Brüder Grimm“, Hamburg 1925). После анализа немецких сборников сказок, из которых ни один, по заявлению автора, не отвечает всем научным требованиям, W. Berendsohn пишет: „Мы нуждаемся в сборниках, которые бы нам передали живое мастерство народа в полной неприкосновенности со всеми достоинствами и недостатками. Точно так же необходимо тщательно обследовать окружающую обстановку, в которой рассказывается сказка, взаимоотношение рассказчика и аудитории, наконец, жизненный круг носителей сказочного мастерства“ (§ 25). Этот пробел в немецкой науке, заметно отражающийся и на немецких работах по сказке, несомненно, до некоторой степени мог бы быть восполнен знакомством с русскими записями последнего пятнадцатилетия.

Марк Азадовский.

Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. С ввводной статьей проф. Л. Я. Штернберга. (Комиссия по устройству студенческих этнографических экскурсий. Научная серия. Под ред. проф. В. Г. Богораз и проф. Л. Я. Штернберга. В. I.) Ленинград, 1926 г., 266 стр., ц. 2 р.

Новая научная серия трудов ленинградской студенческой экскурсионной комиссии, руководимой такими авторитетными этнографами, как проф. В. Г. Богораз и проф. Л. Я. Штернберг, заметно отличается от первой серии, представленной известными сборниками по новому быту („Революция в деревне“, „Обновленная деревня“, „Старый и новый быт“ и др.). Новая серия, открываемая рецензируемой книжкой, печатает материалы собственно-научные, объединяя их по тематическому признаку. Нельзя не согласиться с этнографической важностью и научной целесообразностью выдвинутой для первого сборника темы о народной свадьбе и семейно-родовом строе русских и туземцев. Однако ограниченность денежных средств на издание научных материалов побудила редакцию прибегнуть к такому методу экономии, какой явно пошел в ущерб делу и значительно научно обесценил издаваемые материалы. Две трети книги (с 17 по 170 стр.) занимает статья К. Мыльниковой и В. Цинциус „Северно-великорусская свадьба“, представляющая из себя сводку 24 свадебных обрядов, записанных ленинградскими вузовцами в 10 северно-великорусских губерниях. Нечего говорить, как от одного такого „сводного“ очерка сразу обесценилось издание ценных материалов. Как бы добросовестно ни хотели бы отнестись к делу авторы сводки они не могли сохранить в целости индивидуальную вариацию каждого из свадебных обрядов и тем самым лишили важных данных ученого исследователя. Уже одно стремление подогнать все многообразные моменты свадебного обряда, хотя бы в пределах одной северно-великорусской народности, под одну схему не могло не нарушить последовательности этих моментов в каждом из свадебных обрядов в отдельности. Это заставило авторов сводки нередко забе-

гать вперед или возвращаться вспять. Это крайне затрудняет изучение. Сводка могла бы себя оправдать лишь в пределах небольших районов и то тех, где нет существенных вариаций обрядов. Еще более вредное для научных целей неудачное применение „режима экономии“ сказалось в факте опущения всего песенного (причеты, песни, приговоры и др.) материала, без которого свадебный обряд превратился в какой-то голый безжизненный скелет. Нечего говорить, что опущение песенных текстов и причетов в огромном количестве случаев лишило читателя понимания смысла обряда. Приведение одной первой строчки песни ничего не дает. Отсылка читателя к более или менее близкому варианту из известного сборника Шейна „Великорусс“ никакой существенной помощи не приносит. В особенности ссылка на вариант причитания, всегда по своей природе носящего характер индивидуальной импровизации, вызывает просто недоумение. Уже во всяком случае авторы сводки должны были напечатать тексты тех песен, для которых они не могли подыскать вариантов у Шейна. Значит эти песни особенно редкие, а может быть, и совсем в печати неизвестные. Я уверен, что не только специалист будет огорчен и раздосадован полным обезличением и обесмысливанием, благодаря опущению всех причетов и песен при таких глубоких обрядах, как обряд отдавания красной красоты—девичьей воли, дарения девушками жениху узды и множества других. Полагая, что подобного рода метод издания этнографических и фольклорных материалов прямо неудачен и редактор сборника был вынужден применить его исключительно из соображений экономии, мы все же должны признать, что в опубликованных материалах исследователь народной русской свадьбы найдет для себя много новых и ценных отдельных фактов. Проф. Л. Я. Штернберг в своей вводной статье сделал целый ряд очень ценных указаний о большом общенациональном значении некоторых моментов обряда, даваемых новыми материалами. Однако опять-таки неудачный метод издания этих материалов не дает нам возможности согласиться с Л. Я. Штернбергом, что эти материалы дают представление об эволюции института свадьбы за долгий период и что возникло нового за это время. „Обезличение“ свадебного обряда как раз лишило возможности делать такие сравнения. Прекрасным контрастом к сводной свадьбе служит напечатанное целиком индивидуальное описание свадьбы в Салтыковской волости Мурманского у. Тамбовской губ. (статья Н. Гаген-торн), и недаром Л. Я. Штернберг нашел в нем так много любопытного. Впрочем, напрасно Л. Я. Штернберг полагает, что отмеченное в этом обряде участие „вершников“—верховых, особо украшенных парней, сопровождающих свадебный поезд, является чуждом великорусской свадьбе. Наоборот, в северной, напр. олонечкой, свадьбе,—это является характерным обычаем. Очень интересные небольшие заметки о полтавском обычае дарить родителям невесты сделанные из теста фигурки пряжи и боченка взамен невесты—„пряжи“, и „водоноски“ (заметка Е. Карачевской) и заметка об интересной девичьей игре на Печоре в бачу (типа известных „городков“), в какой явственно выступают пережитки фаллической символики (заметка Д. Травина). Содержательная статья Г. Старцева („Свадебные причитания зырян“) дает блестящий пример исключительной научной ценности народных причитаний. Весь быт, психика, эстетика зырянского народа нашли себе яркое выражение в этих причитаниях. Благодаря стремящемуся к точности переводу перед нами оживают глубоко своеобразные приемы зырянской поэтики. То же нужно сказать про ценные материалы А. Ефимовой, собранные в Ойратской автономной области по „телеутской свадьбе“. Любопытные и мало известные данные по семейно-родовому строю и брачным обычаям сибирских народов сообщает статья Г. Старцева „Некоторые данные о браке и свадьбе остяков“ и две статьи Н. Дыренковой „Род, классификационная система родства и брачные нормы у алеутов и телеут“ и „Родство и психические запреты у шорцев“.

Из всего сказанного ясно, как много пользы для науки приносит столь развернувшаяся в нашу эпоху „полевая“ исследовательская и собирательская работа молодых этнографов-студентов.

Борис Соколов.

1. Н. Н. Поппе и Г. А. Старцев. **Финно-угорские народы**. Ленинград, издание Ленинградского об-ва исследователей культуры финно-угорских народностей. Л. 1927 г.

2. Д. А. Золотарев и Е. Э. Бломквист. **Западные финны**. Путеводитель Государственного русского музея, Этногр. отдела. Л. 1927 г.

Принципиально издание очерка „Финно-угорские народы“ безусловно нужно приветствовать, как первую попытку дать справочную сводку важнейших сведений по этим народам. На русском языке подобной сводки не имеется. Приятно и то, что первая сводка выходит из недр специального общества: „исследователей культуры финно-угорских народностей“. Ленинградское общество, несмотря на сравнительно непродолжительный срок своего существования, уже успело зарекомендовать себя рядом интересных докладов (см. отчет О—ва) и печатных работ. Рецензируемая брошюра по своему заданию является совершенно необходимой. По своему содержанию очерк безусловно правильно ставит для ознакомления основные проблемы историко-культурного развития финно-угорских народностей. Очерк содержит в себе пять кратких глав: единство финно-угров; из истории финно-угров; письменность финно-угров; черты современной культуры и важность изучения финно-угров. К очерку приложен также краткий указатель литературы. Все это вопросы исключительной важности. К сожалению, исключительная краткость брошюры (42 стр. текста, минус 12 фотограф. в страницу, итого 30 стр. размера брошюры) дала возможность только постановок вопросов, а отнюдь не их решения или даже перспектив решения. Этим же, очевидно, необходимо объяснить и неравномерность распределения материалов по разным народностям, а также и некоторые неточности. Из главы „письменность финно-угров“ читатель получает некоторое представление о письменности у зырян и мари; но о богатой письменности вотяков и мордвы (революционной) сведений в брошюре не дано. В главе: „черты современной культуры“ говорится, что среди финнов Поволжья „сильно развито скотоводство“. Это по меньшей мере неточно; во всяком случае домашнее скотоводство приволжских финнов сильно отличается от скотоводственного хозяйства эстов и финнов (suomi). В той же главе чрезвычайно категорично звучит утверждение: „язычками являются и черемисы“. Далеко не точно утверждение, что „у вотяков собрана своя „калевала“ — не всякий эпос будет „калевой“. Утверждение, что „у вотяков и черемисов сохранились формы родового строя“, с научной точки зрения чрезвычайно проблематично. Еще более проблематично положение о „следах тотемно-родовых организаций“ у остяков и вогул. Не всякая зоолатрия будет пережитком тотемистических представлений.

При приведении статистических данных о количестве населения по народностям всюду необходимо было дать ссылки на источники сведений. Откуда сведения 1300 000 для мордвы? Совнацмен НКПроса имеет цифры 1 672 000 ч. Мы уверены, что все эти неточности объясняются недостаточностью места. Было бы очень желательно довести очерк до размеров аналогичной работы Sirelius'a „Die Herkunft der Finnen, изд. 1924 г. Гельсингфорс.

Вторая брошюра Д. А. Золотарева и Е. Э. Бломквист „Западные финны“ по своему заданию является путеводителем по отделению западных финнов Этнографического отдела ленинградского Русского музея. Как путеводитель, брошюра вполне отвечает своему назначению. Однако, значение работы выходит за пределы музейного путеводителя, так как по существу работа представляет собой краткий, но систематический очерк по западным финнам. Работа дает не только сухой перечень музейных экспонатов по представленным народностям, но и систему этнического размещения этих народностей по особенностям каждой группы в общем и целом западно-финского культурного комплекса. Остановливаясь, главным образом, на западных финнах, входящих в состав СССР, авторы работы дают сжатый, но совершенно точный обзор материального быта в особенности всех основных этнических единиц по западным финнам. Ярko выступают занятия отдельных групп западных финнов, одежда, домашний быт, искусства и проч. То,

что работа составлена на основании обзора и систематизации музейных коллекций, делает работу интересной и для лиц, специально занимающихся вопросами изучения культуры финских народностей. Прекрасный подбор иллюстраций усугубляет ценность издания. К более или менее заметному недостатку брошюры нужно отнести иногда отсутствие ссылок на источники сведений по численности населения отдельных финских народностей. За последние годы мы имеем налицо столько всевозможных переписей по народностям (стат.: областные, губернские, центральные), что подчас бывает трудно свести их в одно.

М. Маркелов.

К ЭТНОГРАФАМ СССР.

Ассоциация этнографических обществ Германии, издающая с 1919 г. систематические библиографические указатели литературы по этнографии и фольклору на различных языках Европы, обратилась в лице проф. Гофмана-Крайера ко мне с просьбой взять на себя ведение отдела СССР, на что я выразил свое согласие. Ввиду крайней трудности собирания библиографического материала, нередко разбросанного в малодоступных провинциальных изданиях, и ввиду необходимости заблаговременной подготовки карточек, обращаюсь к товарищам по научной работе с просьбой сообщать мне о всех трудах в указанной области и, если возможно, доставлять мне самые труды, особенно отдельные оттиски по адресу: Ленинград, Вас. Остр., Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР, профессору Евгению Георгиевичу Кагарову.

Проф. Е. Кагаров.

Отв. ред.: акад. С. Ф. Ольденбург.

Отв. секр.: проф. Б. М. Соколов.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ПОДПИСНЫХ
И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Москва 19, Рождественка, 4. Телеф. отд. подписки 5-88-91.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1928 г.

НА ЖУРНАЛ

КРАЕВЕДЕНИЕ

Периодический орган Центрального бюро краеведения.

Редакция: члены бюро — Д. А. Золотарев, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. П. Пинкевич, Д. О. Святский, В. П. Семенов-Тяньшанский, А. Е. Ферсман.

Ответствен. редакт. Н. Я. Марр. и С. Ф. Ольденбург

Программа журнала: статьи общего характера о задачах и методах краеведческой работы в области естественных и гуманитарных наук, отношение краеведения к музейному, архивному делу, школе, изучению естественных производительных сил страны, сельскому хозяйству, кооперации и т. д.; статьи практического и инструкционного характера; хроника краеведческой жизни; библиография современной краеведческой литературы.

ВЫХОДИТ 10 КНИГ В ГОД

Подписная цена на год — 5 р., на 6 м. — 3 р.

РУССКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор В. В. Бунак

Журнал посвящен вопросам палеоантропологии, сравнительной анатомии человека, учению о происхождении человека, расовому изучению населения в связи с вопросами о наследственности, прикладной антропологии и антрогеометрии. В журнале четыре отдела: а) оригинальные статьи, б) рефераты, обзоры, критика, в) хроника и г) библиография.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена — 4 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ПОДПИСНЫХ
И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Москва 19, Рождественка, 4. Телеф. отд. подписки 5-88-91.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

ЭТНОГРАФИЯ

Редакция: *В. Т. Богараз-Тан, Д. А. Золотарев, С. Ф. Ольденбург,*
и *Б. М. Соколов.*

Ответственный редактор *С. Ф. Ольденбург.*

Ответственный секретарь *Б. М. Соколов.*

Программа журнала: исследования, обзоры, информация о работе на местах, библиография, хроника.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена на год—5 руб.

ИЗВЕСТИЯ

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Редакция: *А. А. Борзов, Г. Е. Грум-Гржимайло, Д. А. Золотарев,*
В. Л. Комаров, Б. П. Орлов, С. Ф. Ольденбург, В. Е. Семенов-
Тяньшанский, И. И. Селиверстов, Ю. М. Шокальский.

Ответственный редактор *В. Л. Комаров.*

„Известия Русского Географического О-ва“, основанные в 1865 г., являются журналом общей географии, на страницах которого помещаются статьи, рефераты и сведения по всем отраслям географии (особенно же по изучению СССР и сопредельных с ним стран) и соприкасающимися с нею дисциплинам.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена на год—5 руб.

Рассрочка платежа: при подписке — 3 р., по получении 1-й книги — 2 р.

ЖУРНАЛ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ

Редакция: *И. Л. Кан и Ю. А. Филипченко.*

Серия Б — продолжение журнала „Успехи Экспериментальной Биологии“.

Журнал посвящен новейшим достижениям во всех отраслях общей биологии, физиологии, эксперимент. медицины и генетики.

ВЫХОДИТ 4 КНИГИ В ГОД

Подписная цена на год—2 руб.

Подписка и заказы принимаются Главной конторой подписных и периодических изданий ГОСИЗДАТА (Москва, Рождественка 4, его провинциальными конторами, уполномоченными (имеются во всех губ. и уездных городах СССР), снабженными соответствующими удостоверениями Госиздата или его контор, а также всеми почтово-телегр. конторами.

2015596016

